C 9(C)2
B11

В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ ЦАРЕВНУЮ

В ТАИСТЕЛУССА И НЕУВОСТОЧНАЯ ЛАРЖАЛАН ПУОЛЕСТА

96613

Посвящается

красным бойцам

за советскую

Карелию

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПО СВОЕМУ СОДЕРЖАНИЮ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПО ФОРМЕ, — ТАКОВА ТА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, К КОТОРОЙ ИДЕТ

СОЦИАЛИЗМ

АРХАНГЕЛЬСК
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
ГОСУД. РОТВЕЙНОЙ ТИПОГРАФИИ
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ МОЖНО!

СТАЛИН

3077к
Кабинет Севера.
1955
1966 г.

В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ КАРЕЛИЮ

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ГИХЛ
1932

96613

С 9(с)2
В 11

KARJALAN NEUVOSTO-PUOLESTA TAISTELUISSA

KUVAUKSIA JA MUISTELMIA

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Рисунок переплета и художественное оформление книги работы художника А. А. Ушина.

9(с)2

2010

2002

1995

Нейтрализация
20 11 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 1
Предисловие — Ровио Г. 2
Антикайнен — О гражданской войне в Карелии 7

КОНФЕРЕНЦИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН И УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ В ПЕРИОД 1919 — 1920 гг.

Выступления.

Ющиев Н. А. 33
Ровио Г. С. 35
Матвеев И. В. 36
Кяльмин 43
Артемьев 45
Гурьев В. Т. 46
Архипов Н. В. 55
Егоров Ф. И. 50
Лобский 59
Паллаев 61
Леонтьев 65
Владимиров 66
Спиридонов 67
Федоров 71
Филимонов — Кемские бои 73
Еремин 74
Кутейников . . . . . —
Сонников 75

ЗА КРАСНЫЙ ПЕТРОЗАВОДСК

Зуев Г. В. — Тревожный гудок Онегзавода 77

БОИ ЗА ОЛОНЕЦ

Видлицкий коммунист — Кровавый день 81
Панцержанский Эд. — Одна из красных страниц 84
Никитин И. — Бой за Олонец 88
Егоров Ф. И. — Из истории Олонецкого партизанского отряда 91

БОРЬБА В ЗАОНЕЖЬЕ

Пономарев Г. — В боях за коммуну 95
Шавельский В. — Девять месяцев под властью белых 111
Метелкин А. — В борьбе за Толвую 120
Кокочев Н. М. — Партизанский отряд — *М. Г. Романова* 126
Еремкин М. З. * * 129
Пашков — Действия романовского отряда 130
Чекалов А. — На берегах Онеги 133

ПАРТИЗАНЫ В БЕЛОМОРЬЕ

Карельский — На беломорском побережьи 135
Сивков И. — Борьба за Кемь 140

БАНДИТИЗМ В КАРЕЛИИ

Хейкконен — Лыжный поход 142
Тойвола Ю. — Расправы бандитов 151
Теппо Вилле — Из Вок-Наволока в Кемь 156
Евсеев И. — Мои воспоминания о бандитах 160
Воспоминания партизана Ефимова 165
Прохоров П. — Бандит Борисов 166
Бандитизм в Кестеньгском районе в 1921—22 гг. 167
Пастухов Н. — Кулаки распоясались 174
Коскинен Ф. — „Геройские подвиги" из-за угла 175
Гиттиев Г. А. — Расстрелять все мужское население 177
Синисало И. Д. и *Ярвилайнен М.* — Расстрел тов. Ярвилайнена 178
А. Н. «Красный крест» союзников 179
Вместо нормы — расстрел 183
„Зарыть живьем в болото" 185
„Поздравляем с четырехлетним юбилеем Красную армию" 187
Константинов И. Ф. — Чекисты умирая не сдаются 189
Тургуев И. А. — Тяжелая дорога 191
Константинов И. — Бандиты в Лужме 193
Рекив К. Р. — „Сволочи!.. Мясники!" 194
„Раскусили... Довольно!" 195
Микко Салинен — „Да, тот самый" 197
Отто Аро — После семидневного боя 200
Меккинен И. — Задание выполнено 202
Лесо В. — „С оконной рамой на шее в „Великую Финляндию" 204
Игнатьев К. — Зверская расправа кулака Попова 206
Лесорубы восстали 207

ЖЕРТВЫ БЕЛОГО ТЕРРОРА

Петр Федорович Анохин 210
Жертвы бандитизма в Реболах 211
Резолюция первой всекарельской партизанской конференции 214
Интервенция и гражданская война в Карело-Мурманском крае (библиография) 217

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. И. Дейнеко

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник «Очерков и воспоминаний» написан участниками гражданской войны в Карелии — красными партизанами, красногвардейцами и красноармейцами.

Материалы подготовлены к печати бригадой секции изучения истории революционного движения Карельского научно-исследовательского института в составе: Лентонмяки Л. М., Тойвойвола Ю., Хейконен Ю., Макарьева С. А., Хаапалайнен Э. А. и Хрисанфова Н. В. Окончательную редакцию, ряд дополнений и исправлений произвели тов. Хропов И. Н. и ответств. редактор ГИХЛа т. Олесич Я. В.

Все материалы сборника, за исключением статьи Антикайнена и стенограмм партизанской конференции, являются переводами с финского языка и нигде напечатаны не были.

Редакция

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ТРУДЯЩИХСЯ Карелия — путь суровой и героической борьбы путь выхода из угнетения и эксплоатации на широкую дорогу успехов и побед.

При царизме Карелия являлась объектом угнетения и эксплоатации, двойного угнетения — капиталистического и национального.

Царизм веками угнетал и держал в темноте трудящихся Карелии и пытался насильно их руссифицировать.

Но вот наступил 1917 год. Грянула великая Октябрьская революция, и трудящиеся Карелии стряхнули с себя вековой гнет, почувствовали себя равноправной национальностью среди других национальностей и приступили к созданию и укреплению органов советской власти, органов диктатуры пролетариата. Перед ними встала задача, использовать на благо трудящихся масс огромные природные богатства края и поднять культуру и благосостояние масс идя руки об руку с другими народами бывшей России.

Эту возможность перехода на социалистическое строительство однако пришлось отвоевывать трудящимся Советской Ка-

релии в кровавой и длительной борьбе, продолжавшейся с небольшими перерывами с 1918 по 1922 год.

Быстро преодолев сопротивление своих кулацких и мелкобуржуазных элементов, трудящиеся Карелии встретились со своим главным врагом — финскими белогвардейцами, давно мечтавшими о захвате Советской Карелии. Первый набег на Советскую Карелию финская буржуазия предприняла весной 1918 года, на севере Карелии, направив особую экспедицию для захвата территории сплошь до гор. Кеми.

Одновременно с этим на Карелию надвигается интервенция союзников с Мурманска совместно с частями русских белогвардейцев. В апреле 1919 года финская буржуазия направляет вторую экспедицию для захвата Советской Карелии, на этот раз в южную Карелию, ставя перед ней задачу захватить столицу республики — Петрозаводск и перерезать Мурманскую ж. д. взрывом моста через реку Свирь.

Почти вся Карелия превращается в театр военных действий. Рабочие и крестьяне Карелии, поддерживая Красную армию, ведут кровавую борьбу против тройного врага: финских белогвардейцев, союзников и русских белогвардейцев. Таким образом, борьба, помимо резко выраженного классового характера, являлась ярко выраженной интернациональной борьбой: против советской власти вели борьбу англичане, французы, финские и русские белогвардейцы и др., за советскую власть дрались единодушно плечом к плечу рабочие и крестьяне — русские, карелы, финны и др.

Эта борьба продолжалась до начала 1920 года, когда наступила для Карелии передышка. Летом 1920 года был созван I Всекарельский Съезд советов и была создана Карельская трудовая коммуна, преобразованная в 1923 г. в Автономную советскую социалистическую республику.

В начале 1921 г. Финляндия отозвала свои войска из оккупированных ею Ребольской и Поросозерской волостей.

Переход на мирное строительство, создание автономной области вызвали среди карел величайший порыв и энтузиазм стройки, создания нового, устранение разрухи.

Но недолго длилась передышка. Враг — финская буржуазия, воспользовавшись трудностями Советской власти, усугубленными разрухой после гражданской войны, осенью 1921 г. заранее подготовляет и поднимает в Карелии бандитское восстание и, помогая оружием и людьми, делает третью отчаянную попытку захвата Карелии. Вновь приходится бросать мирное строительство и

переходить на военное положение. И только к марту 1922 года Карелия очищается от бандитов и финских белогвардейцев. Но какой ценой?

По всему, пройденному бандитами, пути остается след разорения и разрушения — во многих деревнях не осталось целых дверей и печек, не говоря о стеклах.

Неуспевшее убежать население, лошади, скот угонялись в Финляндию. Десятки работников, партийных и беспартийных — были зверски убиты. Одним словом, на значительной территории Карелии нужно было начинать всю работу и строительство с самого начала.

Вновь закипает работа, залечиваются глубокие раны и изживается разруха после более чем трехлетней войны, постепенно начинает развертываться строительство во всех областях.

За десять лет мирного строительства достигнуты огромные успехи. Карелия индустриализируется бурными темпами и имеет благоприятнейшие перспективы дальнейшей, не менее бурной, индустриализации и, вообще, для роста социалистического строительства.

С момента ликвидации бандитизма прошло десять лет. Можно ли считать, что финская буржуазия окончательно отказалась от мысли захвата Карелии, примирилась с постигнувшей ее неудачей? Можем ли мы не опасаться новых попыток и авантюр со стороны Финляндии?

Конечно нет! По всем имеющимся данным финская буржуазия ждет удобного и подходящего момента для возобновления попыток захвата Советской Карелии.

С полной ясностью и откровенностью это сказано в выпущенной недавно в Финляндии книге «Aunuksen retken muistojuekaisu» (Сборник памяти Олонецкой экспедиции), одним из редакторов коего является сам главком финской армии генерал Сихво. В вводной статье, написанной известным фашистом и палачом рабочего класса Финляндии генералом Х. Игнациусом, освещается значение присоединения Советской Карелии к Финляндии. Указав что вопрос о присоединении Советской Карелии возник во время гражданской войны в Финляндии, Игнациус продолжает:

«... Присоединение Советской Карелии к Финляндии дает нам большие как стратегические, так и экономические выгоды. Наша восточная граница чрезвычайно длинная, и, с ростом развития, оборона ее может стать трудной и дорогой. Присоединив Советскую Карелию к Финляндии, мы получили бы естественную гра-

ницу: реку Свирь, южный берег которой сплошь окружен непроходимыми болотами и на всем протяжении которого от Ладожского и до Онежского озера проходят только две шоссейных дороги и одна железная дорога через эту мощную реку. Во сколько раз легче стала тогда бы наша оборона.

Экономически Советская Карелия была бы для Финляндии ценнейшим приобретением: обширные, частью нетронутые, леса, бурные, еще неиспользованные пороги принесли бы нашей стране... огромные богатства»

В заключительной статье приводится дословно приказ Маннергейма от 23/II-1918 г., где тот клянется, что не вложит своего меча в ножны до тех пор, пока последний воин Ленина не будет изгнан как из финляндии, так и из Советской Карелии, и что теперь будет создана мощная, великая Финляндия.

Сборник заканчивается призывом подготовиться, ожидая «благоприятного момента», дабы быть готовыми к захвату всей Советской Карелии и Ингерманландии.

«Будущая граница Финляндии будет проведена так, что весь ингерманландский народ войдет в состав Финляндии. Ленинград не может служить тому помехой».

Аппетиты и вожделения не маленькие. Леса, воды и богатства территории Карелии и Ленинградской области нужны «Великой» Финляндии.

Об этом пишут, говорят из года в год финские фашисты и их общества и организации. И деятельно готовятся к осуществлению своих захватнических замыслов.

Вот почему мы в Советской Карелии должны зорко и бдительно следить за нашей границей и быть готовыми отразить набеги финской буржуазии, быть готовыми к новым боям и к защите наших завоеваний..

Все прошлое трудящихся Карелии пронизано борьбой — упорной и суровой борьбой. Сама природа, естественные условия жизни здесь требуют и приучают трудящихся к упорной борьбе. Под руководством ленинской партии трудящиеся Карелии прошли большую школу суровой и вместе с тем победоносной борьбы.

Эта книга лишь в малой степени, но ярко и захватывающе, рассказывает об этом и освещает большую героическую борьбу самих масс за советскую власть, за социализм. Будем надеяться,

что в дальнейшем новые книги развернут более подробно картину проведенной героической борьбы, передадут опыт борьбы и еще больше поднимут готовность, энергию и волю трудящихся масс продолжать борьбу за социализм до полной победы.

Рабочие и крестьяне Карелии стояли, стоят и будут стоять, как солдаты великой революции, охраняя обширную северо-западную границу нашего великого Союза ССР.

Г. Ровио.

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛИИ

Т. АНТИКАЙНЕН

ТДАЛЕННАЯ И ИЗОЛИРОВАННАЯ от остального мира Карелия в прежнее время, вследствие мировой войны и революции, стала одним из узловых пунктов международной борьбы. В 1915 — 1916 гг. была построена тысячекилометровая Мурманская железная дорога, проходящая с юга на север через всю Карелию и соединяющая последнюю с остальным миром. Свержение в России царизма и последовавшая после него Октябрьская пролетарская революция, создание власти рабочих и крестьян привели Карелию к политическим и экономическим боям, а также и к военным действиям со стороны контрреволюции и международного капитализма, ставившего своей целью свержение советской власти.

Еще во время гражданской войны в Финляндии, где белые с помощью штыков германского империализма установили белый террор, финляндские капиталисты направили свои взоры на Карелию, желая овладеть ее природными богатствами. Генерал Маннергейм еще во время гражданской войны в Финляндии хвастливо заявил, что не намерен сложить оружия до тех пор, пока не взята Карелия и не создана «великая» Финляндия. Финляндские белогвардейцы мечтали о проведении границы от Финского залива по Ладожскому озеру, Свири и Онежскому озеру до Белого моря.

Финляндские белогвардейцы нашли себе помощников в лице некоторых кругов карельских кулаков и кое-каких других обманутых карел. Но гораздо больше было таких карел, которые стали

на сторону советской власти, участвуя вместе с финскими и русскими красными частями в боях против контрреволюционеров, вторгнувшихся в Карелию.

НАПАДЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ СО СТОРОНЫ ФИНЛЯНДИИ В 1918 ГОДУ

ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДии главный штаб финляндских белогвардейцев проектировал нападение на Карелию и на Мурманскую железную дорогу, по трем направлениям: через Куолаярви на Кандалакшу, через Ухту на Кемь и через Салмис на Петрозаводск. На куолаярвском направлении белые сосредоточили свои силы в Панозере (финляндском), численностью около пятисот человек, и в деревне Курти — семисот человек. Здесь отражение наступления белых выпало на долю отрядов финляндской красной гвардии — так называемой Северной экспедиции. Эта последняя была организована в марте 1918 года, когда революционное правительство Финляндии направило в Кандалакшу специальный поезд, нагруженный предметами вооружения, для вооружения работавших ранее на Мурманской дороге и собравшихся туда во время гражданской войны рабочих. Около тысячи человек было вооружено и организовано в войсковые части. Эти части не могли быть особенно обучены, так как их, для отражения нападения белых, необходимо было срочно сосредоточить на границе.

Фронт образовался по линии: Толвандское озеро — Соколозеро — Ругозеро. Здесь следует упомянуть о сражении 4 апреля на Куйватсламби, где белые понесли тяжелое поражение. Одновременно завязался бой в дер. Соколозеро, где красные отстояли свои позиции.

6 апреля белые возобновили наступление одновременно на Соколозеро и Ругозеро. За ними было превосходство сил. Но после того, как красные совершили обходное движение и стали угрожать флангу и тылу белых, последние были вынуждены отступить в Финляндию. Во время этих своих нападений белые были не раз основательно разбиты. По собственным сообщениям белых, их потери превышали сто человек. Белые не имели никакого успеха, все их попытки к наступлению были отражены красными.

На ухтинском направлении нападение велось так называемой экспедицией Мальма. Она состояла из батальона в составе трех рот, всего из трехсот пятидесяти человек. Эти части перешли границу у дер. Растас 21 марта и прибыли в Ухту 23-го. Красных частей здесь совсем не было. Поэтому белые имели возможность без всякого сопротивления двигаться вперед. Село Подужемское, в пятнадцати километрах к западу от Кеми, белые заняли 7 апреля. Тогда красные забили тревогу, начали организацию отрядов для защиты города из русских, финских красногвардейцев и рабочих.

Нападение на г. Кемь белые произвели рано утром 9 апреля. Они делали бешеные попытки к продвижению вперед, но защит-

ники, на холмах под городом, решительно отбили все их атаки. Во время боев защитники получили подкрепление в лице команды ледокола. Белые вынуждены были отступить и оставили на поле сражения много убитых. Остатки белых вернулись в Ухту. Здесь они занялись самоснабжением, грабя местное население.

В конце апреля в Кеми был организован небольшой карельский отряд, который с приходом англичан подпал под их влияние и в начале августа этот отряд численностью примерно в двести пятьдесят человек под руководством английских и карельских офицеров двинулся в Ухту и далее на границу. Настроение отряда было враждебное к белофиннам. Отряд имел ряд столкновений с белыми, в Луусальме и Юшкозере. Белые понесли большой урон. Во время этих боев карельский отряд еще увеличился. В первых числах октября карелы разбили вторгнувшихся в Карелию белофиннов в Вокнаволоцком районе, и лишь жалким остаткам их удалось убежать обратно через границу.

Из каких элементов состояли эти белофинские части — об этом достаточно убедительно рассказывают сами белогвардейцы. Так, например, белогвардейский офицер Куйсма в своем рапорте финляндскому правительству пишет, что участники экспедиции — «хулиганы, воры и трусы». Далее он продолжает: «надо сказать, что если исключить всех, опозоривших себя, то не останется почти никого». О прибытии экспедиции говорит финский писатель Кианто: «Наше прибытие в Варакюлля вызвало общий ужас». Лишь пользуясь голодом и обманом им удалось привлечь к себе некоторую часть карел. Причиной неудачи экспедиции явилось, по заявлению одного из ее участников, Кивинена, то, что «большинство местного населения представляло собой сторонников неприятеля и оказывало ему помощь»; по его убеждению «поражение белых вызвано этими обстоятельствами». И эти хулиганы и трусы были теми «соплеменниками», которые якобы принесли «свободу» в Карелию. Деморализованные банды грабили местных жителей. В то время белые не сделали даже попытки произвести нападение на Петрозаводск. Вместо этого они в конце апреля совершили нападение на Печеньгу, убивая и нагоняя страх на местных жителей. Здесь они с большими потерями были отбиты, а остатки их отступили в Норвегию.

ОБРАЗОВАНИЕ МУРМАНСКОГО ФРОНТА

АРЕНОЙ БОЛЕЕ ВАЖНЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ Карелия стала после организации союзниками так называемой Мурманской экспедиции. Мурманская экспедиция стала одним из звеньев в общем наступлении империалистов и контрреволюционеров, предпринятом в целях свержения власти рабочих и крестьян.

В июне 1918 года английский флот высадил десант союзных войск в Мурманске. В течение июля эти войска продвинулись вперед на юг вдоль Беломорского побережья и Мурманской же-

лезной дороги. Они высадили десант и в Сороке и заняли 2 августа Архангельск. Ликвидировав местные советские органы, они установили власть белых.

Белые элементы Северного района и сосредоточившиеся там в мае месяце контрреволюционные шайки содействовали высадке союзных войск и захватнической деятельности последних. Союзных войск было разными приемами высажено в Мурманске 10 344 человека и в Архангельске 13 182 человека. Русских белогвардейцев в начале военных действий было всего лишь два маленьких партизанских отряда. Союзные войска состояли из англичан, сербов, американцев, канадцев, итальянцев и французов.

Красных войск было в то время в районе Белого моря, на весь этот район, около 4000 человек.

Северный театр войны представлял тяжелые условия для операций. Военные действия были возможны лишь на определенных направлениях. Обыкновенно операции велись по редко встречающимся железнодорожным линиям, по грунтовым дорогам и по рекам. Обширные болота, озера и бездорожные лесные площади ограничивали возможность военных действий, образуя узкие коридоры, в которых и развертывались операции. Кроме того, затрудняла и частично даже сокращала все операции более крупного масштаба и распутица. Неблагоприятные природные условия, редкое и бедное население создали тяжелое положение.

Союзные войска действовали на севере по двум главным направлениям: мурманскому и архангельскому.

Архангельское направление распалось, главным образом, на две операционных линии. Одна из них пошла по Северной Двине на Котлас и далее, по железной дороге, на Вятку. Целью их здесь было соединение с действовавшей на восточном фронте белой армией Колчака.

Вторая операционная линия шла по железной дороге на Вологду, а затем, конечно, имелось в виду развить движение по направлению к центру революции.

На Мурманском направлении главная операционная линия шла по железной дороге на Петрозаводск и, далее, на юг.

Продвижение союзных войск было совершено медленно и осторожно. По Северной Двине они продвигались с большим напряжением сил. На Мурманском направлении они во время осенних действий продвинулись лишь на расстояние в сорок километров к югу от Сороки. Здесь они были вынуждены приостановиться. Причиной этого была маленькая, сформированная из финнов железнодорожная команда, которая после стычек с белыми отступила на юг. Разрушив основательно путь, железнодорожные мосты и станционные постройки вплоть до реки Онды, команда образовала первый фронт красных войск.

Активные действия неприятельских сил на Мурманском фронте приостановились на длительное время. Противник не воспользовался своим превосходством, а тратил время на укрепление тыла, тем самым создав для красных возможность присылки им подкреплений и предметов снабжения. Лишь в средних числах октя-

бря 1918 года неприятель начал усиленно действовать на архангельском направлении. Однако это наступление не увенчалось для него успехом.

Активность и численность красных к тому времени уже возросли.

Северный фронт, в сравнении с другими фронтами гражданской войны, был менее активен. Операции сохраняли характер местных. И в зиму 1918 — 19 не было предпринято каких-либо более значительных военных действий. Однако с обеих сторон были заметны попытки развить наступление на архангельском направлении, на Шенкурск. Город был взят 25 февраля. После этого в зимний период имели место лишь незначительные столкновения.

На мурманском фронте происходил в декабре и январе целый ряд стычек местного характера. Во время зимы на мурманском фронте сформировались красные войсковые части.

Сформировался также на Медвежьей Горе красный финский полк. Он увеличился и людьми, прибывшими с других фронтов, так что в нем к весне было полторы тысячи человек. Вторая рота состояла целиком из карел. Возникли и другие мелкие карельские группы, например, партизанский отряд Гурьева.

О ВЕСЕННИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ. ПОТЕРЯ МЕДВЕЖЬЕЙ ГОРЫ

ВЕСНА ПРИНЕСЛА С СОБОЮ ОЖИВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ деятельности на Севере. Военные действия начались на мурманском фронте. В апреле белые приступили к наступлению. Они совершили обходное движение на станцию Сегежу и, несмотря на сильное сопротивление красных, заняли ее. Продвижение неприятеля продолжалось. Были бои и на Паданском направлении. Настоящее усиленное наступление белые начали 1 мая. Целью наступления было завладеть Медвежьей Горой и Повенцом. Взятие таковых значительно сократило бы фронт. Белые повели наступление тремя колоннами: правая колонна наступала по западному берегу Сегозера, средняя колонна — по линии железной дороги и левая колонна — по направлению Волжмосалми — Повенца.

Силы красных в это время были ничтожны: две роты красного финского полка и маленький полк т. Спиридонова. Фронт уже перерос силы этих отрядов, так что не могло быть и речи о наступлении. Необходимо было ограничиться активной обороной. После упорного боя мы 3 мая потеряли ст. Масельгскую. Финская рота была окружена и потеряла около тридцати человек: красные оказывали сопротивление. На 13-м и 12-м разъездах шли упорные бои, но, вследствие сильного артиллерийского огня и обходных движений противника, мы были вынуждены их оставить. Фронт отодвинулся назад под Медвежью гору.

Для защиты Медвежьей Горы красные напрягали все свои силы. Были получены лишь незначительные подкрепления людьми. Упорные бои шли в течение нескольких дней. Но казалось, что силами красных, значительно уступавшими силам противника и

хуже снабженными, не удастся отстоять Медвежью Гору. 21 мая она была потеряна. Арьергард вынужден был с большим уроном пробить себе дорогу через окружавшее его кольцо противника. Повенец был потерян еще 18 мая. Красные силы отступили теперь на линию Кяпсельги, с форпостом на 10-м разъезде. После взятия Медвежьей Горы и достижения берега Онежского озера неприятель начал усиленно укрепляться, в особенности организовывал морскую оборону. В начале июня состоялся спуск шести бронированных моторных лодок и двух пароходов, была сформирована флотилия самолетов и организована береговая артиллерийская оборона.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНЫХ В ТЫЛУ У БЕЛЫХ

БОЛЬШИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ВЫЗВАЛ У БЕЛЫХ вопрос об укреплении тыла. Значительная часть населения — пролетариат и мурманские рыбаки были настроены крайне враждебно к белым. Несмотря на то, что союзники привезли большое количество продовольствия и прочих товаров, часть которых была выдана населению, сочувствие к советской власти все же было широко распространено и распространялось все больше и больше. Красные привезли из Швеции и Норвегии агитлитературу на русском и финском языках, которая оказывала свое влияние в войсках союзников и на фронте.

Военное командование противника чувствовало это влияние, пыталось всеми мерами душить работу революционеров. Было произведено много арестов. Было объявлено, что все желающие поехать в Советскую Россию будут пропущены через фронт. Такое желание изъявили около двенадцати тысяч человек. Выезд был разрешен примерно лишь шестистам человекам, и значительная часть из них была убита в дороге. Призывы в войска не имели успеха. В дни годовщины февральской революции рабочие открыто демонстрировали за Советскую Россию.

Особое беспокойство вызвал у союзников находившийся в Кандалакше и Княжьей губе финский легион. Союзное командование старалось всеми способами отправить легион на фронт для борьбы против советской власти. От этого и даже от выполнения подсобных заданий в пользу противосоветского фронта легион решительно отказался, и никакими мерами его не удалось принудить к этому. Приготовления к восстанию финского легиона, численность которого доходила до тысячи двухсот человек, стали известны союзному командованию. Это вызвало в среде командования такой страх, что для предупреждения мятежа были специально вызваны подкрепления. Командующий союзными войсками, генерал Мейнард, говорит в своих воспоминаниях: «мне казалось несомненным, что в конце концов положение станет опасным, и я относился ко всему этому настолько серьезно, что отправил домой (в Англию) телеграмму с просьбой выслать дополнительные морские силы».

Антисоюзническое влияние охватило и карельский легион чи-

сленностью около четырех тысяч человек, в который к этому времени проникло белофинское влияние. Впоследствии солдаты Карельского легиона стали массами дезертировать. После того как союзники окончательно потеряли доверие к легиону, он был расформирован; часть его состава была уволена с военной службы, а остальные переформированы.

Вследствие преждевременного обнаружения подготовки к восстанию и противодействия со стороны некоторых предателей планы восстания не были осуществлены. Но все же революционная деятельность в тылу значительно ослабила военные действия. Даже в союзных войсках были заметны признаки брожения. Так, например, французская лыжная команда на Мурманском фронте (свыше двухсот человек) отказались участвовать в бою. Весною 1919 года в белых войсках на архангельском и северо-двинском направлениях были случаи брожения, восстаний и перехода на сторону красных. В дер. Тулгасово два батальона также подняли восстание и перешли на сторону красных. На онежском направлении в июле 5-й полк белых перешел на сторону красных, чем облегчилось взятие Онеги.

ПОХОД ФИНЛЯНДСКИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В 1919 ГОДУ НА ОЛОНЕЦ

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ МУРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ и общим наступлением империалистов и контрреволюционеров на советскую власть, финские белогвардейцы весною 1919 года возобновили свой поход в Карелию. По мнению финляндских капиталистов теперь настал момент осуществления мечтаний о «великой» Финляндии.

Белые наступали двумя главными колоннами.

Южная колонна направилась на город Олонец и, далее, на Лодейное Поле. Целью операции было напасть на Мурманскую железную дорогу, прервать связь красных войск Мурманского фронта с их базой — Ленинградом.

Северная колонна направила свой удар на Петрозаводск.

21 апреля белые войска перешли границу и начали военные действия. Южная колонна заняла 23 апреля город Олонец. Красные пограничные отряды оказывали в некоторых местах сопротивление, но, не выдержав, отступили с значительными потерями. Белые продолжали наступление и 27 апреля заняли Александро-Свирский монастырь в восемнадцати километрах от Лодейного Поля к западу.

Красные войска сосредоточились на олонецком направлении и повели контрнаступление. Белые вытеснялись из одной деревни за другой, и город Олонец был взят. Бои принимали ожесточенный характер, некоторые деревни переходили из рук в руки. Так, например, город Олонец был потерян, но снова взят 12 мая.

Северной, наступающей на Петрозаводск, колонне белых красные оказывали упорное сопротивление. Рота финских красногвардейцев задержала наступление белых, начиная с Сямозера. В

каждой деревне шла ожесточенная борьба. Наступление белых сопровождалось значительными потерями для них, но все же красные были вынуждены отступить. 14 июня батальон красных финнов был вынужден очистить деревню Половину, где он потерял убитыми около двадцати человек.

Финляндским белогвардейцам удалось установить связь с мурманским фронтом союзников. Однако, координировать военные действия им не удалось. Наоборот, обнаружились резкие противоречия и у союзников возникли подозрения против них. По сообщению финляндских белогвардейцев, штаб мурманских белых войск выставил требование, чтобы сразу после взятия Петрозаводска финляндскими белогвардейцами финские войска были выведены и город передан русским белым. Эти противоречия ослабили общее наступление всех неприятельских сил. 3 июня белые атаковали деревню Сулаж-гору под Петрозаводском. В результате нескольких часов ожесточенного боя атака белых была отбита. Они вынуждены были отступить. Красные перешли в контрнаступление и с боем вытеснили белых по направлению к границе.

Силы белых составляли четыре батальона. Они состояли из завербованных финляндских добровольцев, частично из карельских кулаков-добровольцев и мобилизованных карел, каковых в северной группе было свыше двухсот. Среди белых не было дисциплины, и бегство было обычным явлением. Белогвардейцы пытались поднять дух в войсках жестокими наказаниями. В северной группе практиковался такой способ наказания: люди голыми подвязывались к столбам, и их так часами держали на солнце. После первых неудач карелы массами бежали в леса, откуда, по появлении красных, возвращались.

27 июня красными войсками, после неожиданной высадки с помощью флота и десанта в тылу южного фронта белогвардейцев, в Видлицах и Тулоксе, белые были основательно разбиты и бежали в Финляндию. В начале августа остатки северной группы после упорных боев были вытеснены в Финляндию в районе Сямозера. В этих боях белые понесли большой урон.

Таким образом было ликвидировано это гнусное, грабительское наступление финляндских белогвардейцев. Белые не имели поддержки среди населения, за исключением кулаков. Наоборот, население много пострадало от злодеяний белых. Уже во время этого похода финляндские капиталисты заключили крупные сделки на карельские леса. На территории многих волостей леса были проданы и заготовки запроектированы. Это показывает, что не «симпатии к соплеменникам», а жажда капиталистов к наживе привлекла белофиннов в Карелию.

ЛЕТНИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ

В ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ БОРЬБА ШЛА НА ЛИНИИ Тивдия — Кяпсельга. Атаки противника, когда части союзников в них не участвовали, остались слабыми и были отбиты. При уча-

стии войск союзников сражения приняли более упорный характер. Партизанский отряд противника уничтожил огнем Сунский мост.

В Заонежьи союзники высадили войска и подняли кулацкое восстание. По собственному их сообщению, они там мобилизовали около двух тысяч человек. К концу июля флот противника также увеличился до двух десятков единиц. Он играл все возрастающую роль в военных действиях, в то время как красный флот оставался более или менее пассивным. Сравнительно крупное сражение разыгралось у Толвуи, где белые ввели в бой флот, сухопутные и воздушные силы. Красные потеряли деревню и три вооруженных судна.

На линии Леликозеро — Тереховская — Великая Нива — Кузаранда шли упорные бои. Деревни часто переходили из рук в руки. Наши части, сильно теснимые превосходными силами противника, были вынуждены с боем отступить, и Заонежье нами было оставлено. На больших островах: Кижском и Клименицком наши части еще оборонялись до осени. После переменных, упорных боев и эти острова пришлось очистить. В этих боях красные потеряли несколько десятков убитыми и сотню человек пленными.

Для обеспечения хода эвакуации на Мурман подвезли из Англии значительные подкрепления. Из них главная часть была направлена в Архангельск, а незначительное количество в Мурманск. По плану эвакуироваться сперва надлежало из Архангельска, а затем из Мурманска. Сроком начала эвакуации назначено было 25 сентября 19 года.

В целях обеспечения эвакуации предполагалось начать общее наступление. Оно имело двойную цель: во-первых, нанести красным такой удар, чтобы эвакуация сил союзников могла пройти без помех; во-вторых, морально воздействовать на красные войска в такой степени, чтобы русские белогвардейцы могли укрепить свои позиции на новой фронтовой линии.

Непосредственной целью наступления была р. Суна. Для того, чтобы не рисковать планом эвакуации, союзные войска не предполагали продвинуться далее р. Нурмис. Согласно плану наступления, параллельно с линией фронта предполагалось двинуть вперед две колонны: одну — вдоль железной дороги, другую — восточнее; обходное движение с запада предполагалось произвести двумя колоннами: крайней на западе — через Койкары на южный конец Сундозера, другой — через Тивдию на Лижму; слева предполагалось двинуть одну колонну из Заонежья на Илемсельгу.

Наступление было хорошо обдумано и построено на обходе флангов. Его проведение затруднялось тем, что красные части, которым была поручена защита Койкар и Уссуны, стойко удерживали свои позиции, отразив все атаки превосходного противника (свыше тысячи человек при пяти орудиях, из них семьсот англичан участвовало в наступлении на первой линии, в резерве был батальон русских, численностью в шестьсот человек). Две атаки противника были отбиты. «Нас постигла неудача, — говорит Мей-

нард. — Уссуна, предназначенная к взятию в качестве исходного пункта наступления, осталась за красными».

Общее наступление началось 14 сентября. Противник имел девять тысяч человек, сильную артиллерию и несколько аэропланов. Центральные колонны противника продвинулись успешно. В Лижме красные были отбиты. Противник высадил десант и произвел нападение на Илемсельгу, взял в плен один батальон, около трехсот человек, разрушил железнодорожную линию, уничтожил склады и отступил. Из Лижмы незначительные красные силы отступили до Илемсельги, но не смогли оказать там сопротивления. На место прибыли подкрепления. Была организована оборона, и лишь после десятичасового боя Илемсельга была очищена.

Во время этих боев партизанский отряд противника произвел налет на деревню Юрк-остров, захватив штаб бригады и пятьдесят пленных. Командира бригады т. Тамма белые убили. По данным белых, они в этих боях взяли в плен около тысячи красных бойцов.

Этим окончилось наступление союзников, после чего наступательные действия русских белогвардейцев ослабились. 22 сентября началась эвакуация союзных войск. С 25 сентября против красных войск стояли лишь русские белые части.

В последних числах сентября нами была сделана попытка перейти, в районе железной дороги, в контрнаступление. Прибыл вновь сформированный, необученный еще полк. После упорного боя, где мы потеряли много людей, наша атака была отбита.

Произвели нападение на тыл противника. Красный финский батальон был посажен на суда в Кондопоге и высажен в Лижме 30 сентября. Накануне в деревне был высажен красный русский батальон, который уничтожил железнодорожный мост к югу от Лижмы. Финский батальон должен был произвести немедленно нападение на ст. Лижму, которая была занята сильным отрядом противника. Моторная лодка с группой пулеметчиков произвела налет в сторону 7-го разъезда, где должны были отрезать железнодорожный путь.

Финский батальон двинулся на станцию, где противник заканчивал приготовления к контратаке против высаженных нами войск. Мы захватили свыше двадцати пленных и четыре пулемета. Двинулись на 7-й разъезд и взяли его. Фронт противника был отнесен к северу, примерно на сорок километров. Русские белогвардейцы могли зарегистрировать первую крупную неудачу.

ОСЕННИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

НА МУРМАНСКОМ ФРОНТЕ КРАСНЫЕ ЧАСТИ приступили к осеннему наступлению, направленному на Заонежье. Свежих сил не было, и утомленным войскам пришлось опять выступать на линию огня. В экспедиции участвовали красный финский полк и бригадная школа. Наступающие войска имели восемь-

сот сорок штыков, двадцать один пулемет системы «Максим» и два горных орудия. 8 октября войска были посажены на суда, которые, в сопровождении боевых судов Онежской флотилии, направились в Повенецкую губу.

На следующий день были под остр. Мег, где была расположена сильная береговая артиллерия противника. Завязался бой между артиллерией противника и нашими судами. В виду невозможности для наших судов двинуться вперед войска вечером были высажены в Кузаранде.

На следующий день началось продвижение. Второй батальон захватил села Типиницы, Великую губу, Великую Ниву и Терехово, очистив этим от неприятельских сил всю южную часть полуострова. Первый батальон двинулся на погост Толвую. Противник, уничтожив свои склады, отступил на север. При продвижении батальона на север гарнизон остр. Мег сдался. Наши взяли тридцать пять человек пленных, девять орудий, пулеметы и склады. Далее батальон после ожесточенного боя занял дер. Ганьковскую и Падмозеро. Кроме того был занят Шунгский погост. Батальон двинулся через Пабережский мост и занял позиции в дер. Ступине, а противник концентрировался в дер. Сигово.

Второй батальон и школа бригады, переправленные в ночь на 17 октября через губу, взяли дер. Габсельгу. Батальон выбил под Повенцом противника из его передовых позиций, но не был в силах переправиться через реку под городом. Произведенная противником на дер. Габсельгу контратака была отбита, причем противник потерял два пулемета. В городе шел непрерывный бой, но все наши атаки противником были отбиты. Вечером 25-го батальону удалось переправиться через реку в трех километрах от города к северу. Однако мы не были в состоянии развить наступление. Батальон был переведен в Заонежье, и 9-й полк, с боем успешно продвинувшийся с Пудожского направления, занял позиции батальона. В свою очередь и он атаковал город, но был отбит.

Первый батальон атаковал 29-го дер. Сигово, сильно укрепленную противником. Атака была отбита, и батальон потерял несколько человек убитыми и ранеными. Рота второго батальона атаковала дер. Мельничное, но первый раз была отбита. Вторая атака под прикрытием артиллерийского огня удалась. Одна из наших рот снова атаковала дер. Сигово, но и эта атака была отбита. Одно отделение противника, убив своего командира, перешло на нашу сторону. В это же время школа бригады попыталась высадиться севернее Федотова, но была отбита.

6 ноября ночью первый батальон и школа снова сделали попытку высадиться в тылу противника, южнее дер. Пергубы. Противник сосредоточил против высадившихся превосходные силы, и наши части, усталые от голода и холода, были вынуждены отступить. В ночной темноте их удалось посадить на суда. В этой операции было ранено и заболело около ста человек.

Имеющимися силами на этом направлении добиться перелома нельзя было. Так как было нецелесообразно держать войска в

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

96613

зимнее время в Заонежьи, то наши части были 14 ноября возвращены в Петрозаводск.

Время этих операций было богато маневрами и атаками. Ошибкой явилось то, что имевшиеся ограниченные силы не были целесообразно использованы, сосредоточены для удара в одном месте. Например, для повенецкой операции нужно было объединить силы финского батальона и прибывшего ему на смену 9-го полка, а кроме того и суда должны были оказать более эффективную поддержу путем бомбадировки города. Впоследствии стало известным, что противник уже проектировал отступление на этом участке фронта.

Красные войска перешли в наступление, чтобы прорвать фронт в районе железной дороги. 1 декабря красный финский полк направился на ст. Лижму. Оттуда вместе с 3-м полком произвели операцию на дер. Вишкозеро. Удачно застигнув противника, головной батальон 3-го полка взял деревню. Однако противник быстро восстановил порядок среди своих частей и контратакой выбил батальон из деревни. Финский полк перешел в наступление, которое он вынужден был вести по открытому полю на укрепленные позиции противника. Наши войска продвинулись на сто шагов от позиции противника, как вдруг противник прекратил огонь. Началось братание; противнику предложили оставить свои позиции и перейти к нам. Такие намерения и были у противника. Но командному составу удалось заставить свои части снова начать бой. Продолжение наступления оказалось невозможным, и мы вернулись назад. Недели через две расположенный в деревне отряд в двести сорок человек перешел на сторону красных, сдав им одновременно одно орудие и шесть пулеметов.

Дня чрез два после боя у деревни Вишкозеро мы направили удар со ст. Лижмы по Кедрозеру на 8-й разъезд, в тыл противника. Передвижение было связано с чрезвычайно большими затруднениями; мы вынуждены были прокладывать дорогу для обоза и артиллерии через густой лес, по глубокому снегу. Неожиданной атакой мы заняли разъезд и взяли около двадцати пленных. Одна рота атаковала батарею противника, но картечным огнем была рассеяна. 3-й полк начал очищать тыл от оставшегося там противника. Финский полк занял позиции по направлению к Кяпсельге по обеим сторонам железной дороги. Во время подготовки полка к продвижению на север, вдруг появился бронепоезд противника и, под его прикрытием, войска. Бронепоезд открыл ураганный артиллерийский и пулеметный огонь по нашим частям, и они были вынуждены несколько отступить. Заняли новые позиции и восстановили порядок. Полк, приступивший к очищению тыла, не успел еще, до момента нападения противника на разъезд, столкнуться с противником. Он возвратился к озеру и отправился в обратный путь. В создавшемся положении продолжение наступления оказалось невозможным, и все наши части вернулись на ст. Лижму. Эти операции были наиболее тяжелыми и крайне утомительными для людей.

Крупные операции на Мурманском фронте приостановились. Фронт стоял севернее ст. Лижмы до ликвидации противника.

ЛИКВИДАЦИЯ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

НА АРХАНГЕЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ПРОТИВ-ник начал наступление в августе. Белые имели тогда превосходство сил: в Архангельском районе их было 32 000 и в Мурманском — 14 000 человек. Численность красных войск на всем северном фронте доходила до 22 700 человек.

Противник направил сопровождавшийся успехом удар по Северной Двине, 10—12 августа теснил красных по направлению к Котласу, захватив у них несколько орудий, и дошел до дер. Тотьмы и Путсеги. После эвакуации союзников силы белых реорганизовались и перегруппировались. Во время осенних боев красные был вынуждены очистить г. Онегу. На р. Северной Двине красные перешли в контрнаступление и оттеснили белых до р. Шипилихи, притока Северной Двины. Эта линия обеспечила для белых чрезвычайно удобные позиции для обороны. В них они укрепились и остались до зимы.

Союзное командование рекомендовало белым, после эвакуации союзных войск, ликвидировать архангельский фронт и сосредоточить свои силы на мурманском фронте, а там занять позиции на более удобной для обороны медвежьегорской линии. На это генерал Миллер не согласился, а решил сохранить оба фронта и проектировал даже новые наступательные операции еще дальше на юг. Здесь необходимо отметить, что при создавшемся положении белым, по всей вероятности, было бы выгоднее сократить линию фронта, перейти на мурманский фронт и сосредоточить там свои силы. Конечно, и это не обеспечивало бы белых от окончательного разгрома, но могло бы оттянуть конец.

После эвакуации союзников внутренняя деморализация белых войск шла вперед быстрыми шагами. Призывы желательных результатов не дали, и продовольственный кризис стал обострять положение. На фронте среди белых войск возникали беспорядки и бунты. В феврале на линии железная дорога — г. Онега два батальона белых перешли на сторону красных, аналогично поступил гарнизон дер. Меринги.

Красные перешли в наступление, и, в результате упорных боев с 8-го по 16 февраля, неприятельский фронт был прорван и дорога в Онегу и Архангельск была свободна. Северное правительство поспешно бежало из Архангельска, оставив свои войска на произвол судьбы. Когда весть о бегстве правительства достигла Мурманска, пролетариат захватил там 21 февраля власть, организовав власть Советов.

После того как Мурманский тыл оказался во власти революционного пролетариата, белые вынуждены были очистить фронт. Офицеры и часть войск начали отступление в Финляндию. Их преследовали. В дер. Совдозеро, находившейся во власти белофиннов, завязался бой, и белые были оттеснены в Финляндию.

*

Красные войска продвинулись к берегам Белого моря и Ледовитого океана. 21 февраля красные войска вступили в Архангельск, а 13 марта — в Мурманск.

ИЗГНАНИЕ БЕЛОФИННОВ ИЗ ПЕЧЕНЬГИ И БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ СЛАБОСТЬЮ РУССКИХ белогвардейцев, белофинны снова заняли Печеньгу. После ликвидации власти белых на севере, последние должны были быть изгнаны и из Печеньги. Для выполнения этой задачи были сформированы две роты лыжников. В средних числах марта эти роты направились по горам в Печеньгу, куда на миноносце была направлена и рота пехоты. Белые без боя покинули Печеньгу, сосредоточив свои силы в Сальмиярви, где завязался многоэтапный, упорный бой. Белые были на голову разбиты и вытеснены из района Печеньги. При заключении мира в Юрьеве Советская Россия согласилась на присоединение Печеньги к Финляндии.

После свержения власти белых на Мурмане хозяевами во внутренней беломорской Карелии остались вторгнувшиеся туда белофинны вместе с некоторыми кулацкими элементами. Во главе, с центром в Ухте, стояло Временное карельское правительство, которое имело под своей командой белофинские отряды и некоторое количество белых карел. Освобождение Карелии от этих авантюристов было поручено красному финскому полку. Авангард полка вышел из Кеми 25 апреля в Подужемье, а оттуда в начале мая в Ухту, которая была занята 18 мая. Эта операция требовала упорства и напряжения сил. Часть пути совершалась по р. Кеми и озерам, находившимся в стадии ледохода, часть — пешком по болотам и через леса. Все предметы снаряжения и снабжения люди вынуждены были нести на себе. Белые распространяли среди жителей провокационные слухи о том, что красные войска состоят из китайцев, которые зажигают деревни, насилуют и убивают. Когда паника среди населения несколько улеглась, между нашими войсками и населением установились хорошие, доверчивые отношения.

Белые организовали сопротивление в дер. Ювалакше. После произведенной в июне перегруппировки войск мы возобновили продвижение к границе. 27 июня взяли дер. Ювалакшу. После этого заняли весь Вокнаволоцкий район. Отступившие по направлению к Тихтозеру белые остановились в дер. Хирвисалми. Здесь шли бои до средних чисел июля. Наши силы двинулись теперь и по направлению к Кимасозеру. При занятии Карелии красными белые опять отступили в Финляндию.

Нельзя забыть помощи, оказанной нашим войскам карелами, сочувствовавшими советской власти. Карелы восстали в тылу белых и стали их теснить. Впоследствии из этих карел — главным образом жителей дер. Войниц, — был сформирован партизанский отряд, вошедший в состав красного финского полка. Это доказы-

вает, что карелы сами выступили против белофинских захватчиков, не признали стараний «освободителей», а ответили этим «братьям-соплеменникам» свинцом. Так Карелия действительно освободилась. Лишь Ребольская и Поросозерская волости остались до заключения мира в Юрьеве во власти белых. Карельские трудящиеся вместе с красными финнами и трудящимися Советского союза свергли власть капитала, разбили мечты белофинских захватчиков и создали власть рабочих и крестьян, — социалитическую советскую Карелию.

Летом 1920 года была образована Карельская трудовая коммуна, единогласно признанная представителями трудящихся Карелии. Это осуществление прав самоопределения трудящихся Карелии в корне разрушило захватнические планы и мечты белофиннов. Однако финляндские капиталисты решили еще раз организовать нападение для захвата Карелии с целью включить ее в область, эксплоатируемую ими.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ БАНДИТИЗМА В 1921—22 ГГ.

НЕСМОТРЯ НА ПОЛНУЮ НЕУДАЧУ И ТЯЖЕлые потери, выпавшие на долю белофиннов при прежних их нападениях на Карелию, в 1921 г. они снова повторили свой грабительский поход, подкрепив его путем восстания местного населения. Эти мятежные приготовления белых и произведенные затем с Финляндской территории нападения носили международный характер. Одновременно с организацией белыми нападения на Карелию наблюдались бандитские выступления белогвардейцев по инициативе тех же империалистов и на Дальнем Востоке и на Украине. Эти, происходившие одновременно в разных частях Советского союза, бандитские выступления были, без сомнения, связаны между собой. Они входили в общий гнусный план империалистов, направленный к нарушению успешного хода мирного строительства в Советском союзе. Кроме того, в это время в повестке дня Лиги наций был «Карельский вопрос», поднятый правительством Финляндии для того, чтобы найти у империалистов поддержку своим планам, сводившимся к захвату Карелии.

В Финляндии буржуазия повела сильную кампанию за нападение на Карелию. Так называемые «карельские общества» организовали собрания для политической подготовки нападения. Широко была организована вербовка добровольцев, желающих участвовать в экспедиции. Финляндская буржуазия приступила к работе по снабжению мятежников и нападающих. Само собой разумеется, что вооружение было получено от финляндской армии.

НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ

ПОЛЬЗУЯСЬ ТЯЖЕЛЫМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ положением, вызванным неурожаем как на месте, так и в Приволжском районе, прибывшие нелегально из Финляндии в Карелию белые начали в августе 1921 года вести среди населения аги-

тацию за восстание, наиболее усиленно в Тунгудской волости. Белые добились некоторого сочувствия со стороны кулацкой части населения и создали таким образом несколько мятежных гнезд. Эти последние продолжали подготовку почвы для антисоветской деятельности. В начале октября через границу, в районе Ребол, перешел отряд белогвардейцев в количестве шестидесяти человек. В течение ноября через границу перешло еще несколько групп белых, сконцентрировавшихся в волостях Вокнаволоцкой, Кимасозерской и Ухтинской. Во многих деревнях белые захватили власть, убили местных коммунистов, учителей и советских работников и приступили к принудительной мобилизации населения в войска. Там, где население добровольно не являлось на мобилизационные пункты, прибегали к принуждению.

В начале этого движения на него со стороны советских органов не было обращено достаточного внимания. В декабре численность бандитской армии доходила до трех тысяч человек, из них свыше пятисот человек белых финнов. Район действия бандитов был следующий: в направлении Коккосалми — Оланги — Ругозеро действовал полк Беломорского участка. По направлению Тикша — Келло-гора — Чирка — Кемь действовал полк карельских лесных партизан. Ребольский батальон действовал по направлению Ребола — Поросозеро. Кроме того были некоторые отдельные части и два походных госпиталя, организованные Союзом финляндских врачей.

Главный штаб находился в Ухте. Командный состав состоял из офицеров-карел старой царской армии. Войска были вооружены японскими и русскими винтовками. Артиллерии не было. Большая часть войск была снабжена лыжами.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В МОМЕНТ НАЧАЛА ВОССТАНИЯ ЧИСЛЕННОСТЬ красных пограничных частей доходила лишь до семисот человек. Эти части были расположены на всей пограничной линии длиною в несколько сот километров. Происходили как раз демобилизация красноармейцев и поступление на службу нового состава, в виду чего эти части не были вполне боеспособны. Это дало возможность вторгнувшимся через границу и восставшим бандитами добиться вначале успеха.

Для ликвидации первых выступлений бандитов были направлены лишь незначительные отряды из местных коммунистов и части пограничных войск. Эти силы, однако, не были в состоянии препятствовать движению бандитов.

Около 20 ноября из Петрограда прибыли красные войска. Они состояли из тысячи четырехсот пяти человек с двадцатью пятью пулеметами. Было сформировано четыре отдельных отряда, которые стали действовать.

24 ноября отряд белых занял деревню Коккосалми и укрепился в ней. 10 декабря красные начали со стороны Кестеньги

наступление на Коккосалми. Наступающие продвинулись по озеру к позициям белых, но не имели достаточно сил, чтобы атаковать последние, и были вынуждены вернуться в Кестеньгу.

На ухтинском направлении действовали три отдельных части. В конце ноября и в начале декабря они имели несколько столкновений с белыми на ругозерском, тунгудском и кевятозерском направлениях. 16 декабря белые направили свой удар на Ругозеро. Они заняли Челмозеро и Андронову Гору. Красные сосредоточились в Ругозере. В виду того, что противнику удалось занять несколько деревень в тылу (Хижозеро) и на флангах красных, последние были вынуждены отступить.

На южном участке, в Реболах, стояла одна рота красных. 11 декабря на эту роту произвел нападение со стороны Тууливаара прибывший из Финляндии батальон противника. Рота с боем отступила на Лендеры. Здесь она соединилась с находившимся там маленьким отрядом красных. В виду наступления превосходных сил противника, находясь почти что в окружении такового, красные вынуждены были продолжать отступление. В Лубосалми белые опять окружили красных. Последние прорвали кольцо противника, понеся большой урон убитыми. Противник продолжал наступление и 23 декабря занял Поросозеро.

В этот первый период военных действий противник имел успех. Он продвинулся на линию: Оланга — Коккосалми — Маслозеро — Тунгуда — Ругозеро — Сегозеро — Поросозеро — Пяльозеро. В буржуазной Финляндии эти успехи вызвали восторг. По мнению белых Карелия была уже взята.

Немногочисленные красные части в этот период боевых операций совершенно не были подготовлены к военным действиям в существующих в Карелии условиях. Так как красноармейцы не умели бегать на лыжах, то их бесполезно было бы снабдить таковыми, хотя это явилось бы необходимой предпосылкой успешных действий. Кроме того, эти части совершенно не привыкли к операциям в покрытых лесом местностях.

ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ КРАСНЫХ

ТАК КАК ОПИСАННЫЕ ВЫШЕ БОЕВЫЕ ДЕЙствия желательных результатов не дали, необходимо было приступить к мероприятиям, могущим гарантировать быструю ликвидацию бандитизма. В течение второй половины декабря на фронт были направлены новые войсковые части.

Революционный военный совет республики поставил следующую задачу: возможно скорее закрыть финляндскую границу, изолировать противника от границы и уничтожить его живые силы. Для выполнения этой задачи организовались три, в тактическом отношении самостоятельных, ударных колонны, из которых первая должна была двинуться на границу с севера, вторая — с юга, а третья — с востока.

План наступления сводился к следующему. Первая колонна (северная). Место концентрации — ст. Лоухи. Задача: нанести удар

противнику, группироваться в районе Топозера и закрыть финляндскую границу с севера. Колонна двинулась со ст. Лоухи на Кестеньгу 27 декабря. Вторая колонна (средняя). Место концентрации—Сорока. Задача: направление действий — Тунгуда — Тикша — Ухта. Занять эти места и нанести удар противнику. Колонна двинулась из Сороки 29 декабря на Ругозеро. Третья и четвертая колонны (впоследствии они объединились в одну южную группу). Места концентрации — Медвежья Гора и Петрозаводск. Задача: двинуться с Медвежьей Горы и из Петрозаводска на Поросозеро, нанести там удар противнику, после чего двинуться вперед по дороге вдоль границы, занять Реболы и, далее, все места до Войниц. Третья колонна двинулась 24 декабря с Медвежьей Горы и четвертая в тот же день из Петрозаводска через Линдозеро на Поросозеро.

Общая численность этих войск составляла: 8601 человек пехоты, 166 пулеметов и 22 орудия. Однако артиллерия в значительной степени не могла быть использована. Кроме того, было еще некоторое количество войск в Олонце и в районе Кандалакши, а также в тылу и по железной дороге.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

26 ДЕКАБРЯ КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ РАЙона отдал приказ, согласно которому первые задачи общего задания сводились к следующему: ликвидация противника в Поросозере, Ругозере и Коккосалми.

В ночь на 27-е третья колонна достигла Поросозера. Столкновение с противником произошло в чрезвычайно тяжелых условиях. Снег доходил до пояса, что очень затрудняло движение. Противник выслал партизанские группы на лыжах в тыл, где они нападали на наши резервы и обоз. Наши войска продвинулись по озеру близко к укрепленным позициям противника, но для решающей атаки сил нехватало. По наступлении темноты наши части вынуждены были отступить (в Совдозеро).

Четвертая колонна, двинувшаяся через Валазминский чугуноплавильный завод, достигла Поросозера 29 декабря. Часть войск была отправлена по направлению к Костомукше, расположенной в восемнадцати километрах к западу, по дороге, ведущей в Финляндию. Заметив это передвижение, противник, не ожидая столкновения, отступил, причем часть сил противника отступила по лесной дороге на север. Теперь третья и четвертая колонны объединились, и эта южная колонна получила задание прикрыть финляндскую границу начиная с Поросозера через Реболы до Ровкулы и ликвидировать силы белых на этом направлении. Колонна продолжала наступление и 10 января взяла с боем дер. Шаверки-озеро, а 12-го — дер. Лендеры. В этих деревнях противник попытался оказать упорное сопротивление, но вынужден был бежать в Финляндию, однако до этого он сжег дер. Шаверки-озеро. Во взятых пограничных деревнях нами были оставлены гарнизоны.

ПОХОД ОТРЯДА ЛЫЖНИКОВ-ФИННОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ

В СВЯЗИ С ОПЕРАЦИЯМИ ЮЖНОЙ КОЛОННЫ должен быть особо отмечен поход отряда лыжников-финнов Интернациональной военной школы в Кимасозеро, что заставляло противника очистить южное и среднее направления.

Сформированный из финских курсантов и красных командиров Интернациональной военной школы батальон лыжников отправился из Ленинграда на фронт 5 января 1922 года. Батальон находился в непосредственном распоряжении главнокомандующего и получил специальное задание. В боевом приказе это задание было изложено следующим образом: произвести со станции Масельгской нападение на Реболы и оттуда на Кимасозеро, где, как предполагали, находился штаб белых; рассеять все встречаемые банды белых; ликвидировать их органы власти; уничтожить военные запасы, не могущие быть взятыми с собою; затем двинуться на Ругозеро и объединиться со средней колонной.

Со станции Масельгской отряд лыжников двинулся в путь 7 января, и первый этап до Падан, около семидесяти километров, был им пройден в течение одних суток. Оттуда путь шел в Гонги-наволок. Здесь отряд, численностью в сто двадцать два курсанта и четырнадцать командиров, разбили на две роты. Вооружение каждого курсанта состояло из винтовки, двухсот патронов и пары ручных гранат. Пулеметная рота имела семь легких пулеметов, которые были распределены между ротами.

Из деревни Гонги-наволока отряд лыжников вышел в боевом порядке 11 января. Далее путь шел по необитаемым местностям.

В дер. Пененге находилась сторожевая команда белых. Утром 12 января вторая рота заняла деревню, захватив всю команду в плен. Из Пененги отряд 13-го отправился дальше. Теперь путь шел через бездорожный лес в Челкиозеро, откуда 14-го после полудня отряд вышел на Реболы, которые были заняты в полночь. Из Ребол белые, еще до прихода отряда лыжников, отступили в Финляндию.

Из Ребол отряд лыжников 17 января отправился в Конец-остров, а село Реболы заняли прибывшие туда части южной колонны. Из Конец-острова движение 18 января продолжалось на Кимасозеро. Путь снова шел через бездорожный лес. На пути было захвачено два фельдъегеря противника и две партизанских команды, всего двадцать два человека, которые направлялись из Кимасозера в Конец-остров, где белые предполагали организовать новый фронт.

На Кимасозеро нападение было произведено утром 20 января. Оно явилось полной неожиданностью для белых и было проведено настолько быстро и решительно, что белые не смогли оказать никакого сопротивления. Перестрелка продолжалась лишь около двадцати минут, после чего деревня оказалась в руках красных. Нападение было организовано так, что лыжники ворвались в деревню группами с разных сторон, отрезав пути отсту-

пления противника на Финляндию и на Челмозеро, где находился фронт. Когда в главном штабе противника, расположенном на противоположном берегу губы, заметили нападение, все находящиеся там бросились бежать прямо в лес. Белые потеряли пять человек убитыми. Кроме того, мы взяли свыше тридцати пленных. Склад боевых припасов был уничтожен огнем.

В этом бою, как и в предыдущих, в отряде лыжников не было ни одного убитого или раненого.

Отряд вернулся в Конец-остров, и его командир предполагал оттуда произвести нападение на Челмозеро с тем, чтобы там соединиться со средней колонной, как было предусмотрено приказом.

На обратном пути пленные, при помощи взятых из Кимасозера двенадцати лошадей с подводами, расчистили дорогу в Конец-остров. Это мероприятие дало возможность южной колонне быстро и без задержки двинуться на Кимасозеро, что имело большое значение для будущих операций. Командующий карельским районом, получив извещение о взятии Кимасозера, распорядился об оставлении отряда лыжников в дер. Конец-остров и о предоставлении ему отдыха на двое суток.

Кимасозерская операция явилась сокрушительным ударом для белых. Она заставила их приступить к эвакуации на всех участках фронта.

24—25 января отряд лыжников вместе с частью войск южной колонны снова двинулся на Кимасозеро. 23-го белые очистили фронт в Челмозере. Они отступили через Кимасозеро в Кондокскую волость и приступили там к организации обороны, пытаясь удержать в своих руках дорогу, ведущую в Вокнаволок.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНЕЙ И СЕВЕРНОЙ КОЛОНН

О боевых действиях средней и северной колонн до взятия Кимасозера можно сказать следующее. Средняя колонна двинулась из Сороки 29 декабря по двум дорогам на Ругозеро. 1 января батальон красных в дер. Березовое столкнулся с отрядом лыжников противника. Противник был вынужден отступить. Второй батальон столкнулся 3 января в дер. Маркова-Гора с небольшим отрядом противника; последний, оставив на месте свой обоз, бежал в панике. 4-го колонна прибыла в Ругозеро, где соединились с находившимися там ранее красными войсками. 6 января колонна двинулась в дальнейший путь и заняла дер. Тикшу и Андронову Гору. После непродолжительной перестрелки противник очистил эти деревни. 14 января один батальон красных произвел нападение со стороны Андроновой Горы на Келло-гору. В виду того, что путем разведок не удалось обнаружить хорошо маскированные позиции противника, батальон как раз перед таковыми попал под сильный огонь противника. Одновременно противник направил в тыл красных мелкие группы лыжников. Красные, по пояс в снегу, пытались перейти в наступление. Так как это не удалось, они вынуждены были отступить.

Белые приступили к контрдействиям. Они направили в тыл красных отряд лыжников, который 16-го января взял дер. Кевятозеро, а 21-го — дер. Березово. В тылу красных противник попытался поднять восстание среди местного населения. Из Тунгуды выслали отряд против этой группы противника, действовавшей в тылу красных. Белые были вынуждены отступить в район Ухты.

Северная колонна отправилась со ст. Лоухи 27 декабря и прибыла в Кестеньгу 31-го. 2 января колонна двинулась на Коккосалми. Передвижение оказалось возможным лишь по одной дороге. Лыж не было, и возможность маневрирования поэтому была исключена. Образование цепи в стороне от деревни было затруднительно. Надо было итти в снегу по пояс. Все же колонна утром перешла в наступление, образовав цепь в расстоянии около тысячи шагов от укрепленных позиций противника. Последний открыл по красным хорошо руководимый и меткий огонь из пулеметов и винтовок. Одной части колонны необходимо было перейти через реку, что однако не удалось. Наступление приостановилось и к желательным результатам не привело. По наступлении темноты наши части вернулись в Кестеньгу. Части были чрезвычайно утомлены и страдали от сильного мороза.

РЕШАЮЩИЕ УДАРЫ И ЛИКВИДАЦИЯ БАНДИТИЗМА

ЕШЕ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ КИМАСОЗЕРА ПРОТИВник попытался сосредоточить свои войска для защиты дорог, ведущих в Ухту и Вок-наволок, и для удержания красных под Коккосалми. 23—24 января северная колонна возобновила наступление. Теперь часть войск была на лыжах. В качестве подкрепления прибыл также отряд лыжников из Московского военного округа. Наступление организовалось таким образом, что войска двинулись на деревню с трех сторон, и отряд лыжников должен был проникнуть в тыл противника. Белые допустили приближение наших войск почти к самым позициям, а потом открыли меткий огонь. Кроме того, они направили небольшой отряд лыжников для нападения на обоз и резервы красных, вызвав тем у последних замешательство. Красные произвели три атаки на деревню, но безрезультатно. Огонь противника и глубокий снег не дали возможности прибегать к штыковому бою. Однако была произведена еще четвертая атака, которая и убедила белых в безнадежности их положения. Пользуясь густым туманом, белые очистили деревню.

27 января колонна продолжала наступление на Вонгозеро. По пути на нее нападали лыжники-разведчики противника. Взяли деревню. В результате двухдневного боя 2 февраля взяли дер. Проккойлу. 5 февраля колонна начала наступление на Тихтозеро. Здесь были сосредоточены все северные войска противника. На деревню направили артиллерийский огонь, и войска приступили к окружению деревни. Противник ответил контратакой, послав отряд лыжников для нападения с фланга на наши войска. В конце кон-

цов, когда наши части двинулись в тыл противника, последний отступил в Финляндию. В составе северной колонны оперировал сформированный из карел и финнов-добровольцев отряд лыжников. В качестве защиты северного фланга он совершил операцию в Олангском направлении и вел бои в Тировааре.

Южная колонна (школа 56-й дивизии и отряд лыжников-финнов) получила дальнейшее задание: продолжать наступление вдоль границы на север и отрезать пути связи белых с Финляндией путем взятия Вок-наволока и Войниц.

До отправления на север отряд лыжников должен был взять дер. Барыш-наволок, которая находится на расстоянии двадцати пяти километров от Кимасозера на восток. В деревне был расположен отряд противника. Сама деревня находится на мысе, и нападение надо было произвести по льду. После усиленной перестрелки, продолжавшейся почти целый час, отряд лыжников начал смелое наступление и забрал деревню. Белые, численность которых превышала сто человек, бежали в панике, бросив винтовки на лед озера, где их, — двадцать семь штук, — и подобрали. Отряд лыжников потерял четыре человека убитыми и шесть ранеными. У белых оказалось пять убитых.

Связь со средней колонной отряд лыжников установил 30 января. 31 января части северной колонны заняли Сопосалми.

На среднем участке фронта противник больше не оказывал сопротивления, а опасаясь, что пути отступления в Финляндию будут отрезаны обходным движением нашей южной колонны, в панике бежал. 5 фавраля противник очистил Ухту, и 8-го ее заняли части Красной армии.

Южная колонна продолжала движение на север. В качестве авангарда шел отряд лыжников, который двигался от дер. Лувозеро, и 1 февраля заняли дер. Кондоку. Расположенный в деревне батальон противника отступил без боя в дер. Костомуксу, где оказал сопротивление. Отряд лыжников атаковал дер. Костомуксу 2 февраля, совершив обходное движение на дорогу, ведущую на Вок-наволок; здесь завязался горячий бой, длившийся около двух часов. Отряд лыжников противника был разбит. Дивизионная школа напала на деревню с юга. Противник снова был вынужден отступить. Отряд лыжников и дивизионная школа продолжали операцию. Занятие села Вок-наволока было произведено 4 февраля. Теперь главный путь связи белых между Финляндией и Ухтой был в руках красных.

Несмотря на беспрерывное, утомительное передвижение, отряд лыжников продолжал наступление. 5 февраля первая рота внезапной атакой захватила дер. Понгилахти. Рота двинулась дальше на Айянлахти, где белые сосредоточили свои войска для охраны обоза и отступления эвакуируемого в Финляндию населения. Произведенная ротой атака не удалась. Здесь белые впервые оказались в состоянии сдержать наступление отряда лыжников. Вторая рота была оставлена в Вок-наволоке. Теперь отряд лыжников вновь объединился. В качестве подкрепления к нему присоеди-

нили небольшую роту красноармейцев. Произведенная отрядом лыжников 7 февраля атака тоже осталась безрезультатной. Атака была возобновлена 9-го. На этот раз отряд совершил обходное движение деревни с западной стороны и бросился в атаку через губу. Небольшой отряд обошел деревню справа. Деревня была взята. В деревне Ойнашниеми белые пытались еще оказать сопротивление, но и оттуда они были быстро выбиты. Вечером 10 февраля были заняты и Войницы.

Этим операции лыжников закончились. После этого отряд выполнял лишь некоторые задания по разведке. Установили связь с северной колонной. Части последней вели 8 февраля бой с арьергардом противника в Тировааре, оттуда последний был отброшен в Финляндию.

Стратегическая задача, порученная красным войскам, оказалась выполненной не полностью. Хотя южная колонна двинулась, согласно плану, и с помощью отряда лыжников пути связи противника между Реболами, Кимасозером, Вок-наволоком и Войницами — с одной стороны, и Финляндией — с другой, были заняты и отрезаны, однако полностью разбить живые силы противника не удалось. До окончания операции по окружению противника последний поспешно отступил на средний участок фронта, не рискнув вступить там в бой. Медленное продвижение нашей северной колонны также содействовало тому, что белые успели оттянуть свои силы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПРОТЯЖЕНИЕ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ было следующее: от Петрозаводска до станции Лоухи — шестьсот километров, от железной дороги до границы — двести-триста километров; операции действовавших трех колонн были связаны с дорогами, находящимися друг от друга на расстоянии двухсот-трехсот километров.

По численности и вооружению красные имели перевес. Но в виду того, что пехотные части красных, из-за отсутствия лыж и неумения обращаться с ними, были прикованы к дорогам, этот численный перевес не мог быть достаточно эффективно использован. Зима была чрезвычайно снежная. Глубокий по пояс, рыхлый снег препятствовал пехоте свободно маневрировать. По занесенным дорогам войска часто могли двигаться лишь со скоростью не более двух километров в час. На флангах и в тылу противника пехота не могла совершить какие-либо операции с желательными результатами. Когда пехота начинала обходить фланги противника происходило это из-за глубокого снега, медленно и требовало от войск крайнего напряжения сил. Кроме того, войска в таких случаях подвергались возможности обстрела со стороны противника и риску нападения со стороны отрядов лыжников последнего, как, например, показывают бои у Коккосалми. Вследствие незначительного количества лыжников разведывательная работа красных оказалась вообще слабой. Равным

образом организация связи во время боев вызывала затруднения.

Артиллерия, которая имелась при действующих частях, заметной пользы не принесла. Так как артиллерия не была приспособлена для зимнего похода, она не могла следовать с войсками. Артиллерия участвовала лишь в двух-трех боях. Снабжение войск и организация транспорта вызвали затруднения. Все предметы снабжения для войск необходимо было привозить из тыла. По мере продвижения фронта расстояния перевозок удлинялись, доходя до двухсот километров и более, в виду чего та доля предметов снабжения, которая доходила до места назначения, оказывалась сравнительно небольшой.. В особенности в конце января положение снабжения и транспорта стало критическим. По имеющимся данным, потери Красной армии в Карелии составляли: убитых сто сорок пять человек, раненых четыреста семьдесят один человек, заболевших двести сорок три и пострадавших от морозов двести пятьдесят семь человек.

Эта зимняя кампания показала значение воинских частей из лыжников и необходимость их для успешных зимних кампаний в северном районе. Блестящая деятельность отряда лыжников-финнов Интернациональной военной школы наглядно показала, какие достижения возможны для лыжников. Общая длина пройденного отрядом лыжников пути от ст. Масельгской до ст. Кемь — около девятисот восьмидесяти километров. Кроме того, отряд совершил разведочные действия общей длиной в несколько сот километров. Потери белых убитыми и взятыми в плен были сто семнадцать человек, кроме того, много раненых. В качестве военной добычи отряд лыжников захватил сто пятьдесят винтовок, тысячи патронов, полевой лазарет и прочее. Потери отряда составляли восемь убитых и десять раненых. Что касается значения произведенной отрядом лыжников операции, то надо признать, что она решающе помогла южной и средней колоннам в быстрой ликвидации бандитизма.

О деятельности противника необходимо сказать, что в начале восстания и наступления, когда действия белых частей имели характер партизанской войны, противник обнаруживал относительно высокую активность. Но после занятия противником указанной вначале территории и перехода красных к настоящему наступлению активность противника ослабела. Его деятельность приняла характер пассивной защиты. Правда, он на среднем участке еще два раза направил мелкие партизанские отряды в тыл красных, вызвав этим смятение. Но все же противник не воспользовался всеми доступными ему возможностями.

Части противника шли преимущественно на лыжах. Везде они прекрасно знали местность и могли двигаться в бездорожных лесах. Белые должны бы были все время пользоваться этим преимуществом путем совершения нападений мелкими отрядами лыжников на тыл красных. Но белое командование не имело опыта в военных действиях и не обнаружило энергии и необходимой активности.

Белые, заметив приближение печального конца своей бессовестной игры, начали беспощадно все уничтожать. При отступлении они уничтожали деревни, убивали и даже сжигали скот, как например в Ухте и Ювалакше. Во время военных действий погибли сотни лошадей. Целью белых было уничтожить всякую жизнь в Карелии. Путем обмана и насилий они добились ухода населения в Финляндию. Ушло около одиннадцати тысяч человек, из них большинство женщин и детей. Белые гнали перед собою толпами население, мечтая об использовании его для организации дальнейших бандитских нападений на Карелию. Однако к настоящему времени большинство ушедших уже вернулось из Финляндии в свои родные места.

В это время вспыхнуло восстание лесорубов в северной Финляндии, поднятое там одновременно с военными действиями в Карелии. Это вооруженное восстание пролетариев Севера было направлено против белогвардейцев и лесопромышленников. Оно возникло на почве скверных условий рабочих. Но, одновременно, оно являлось и выражением солидарности борющейся Карелии, став угрозой ведущим бандитскую войну. И несмотря на то, что образовавшийся во время этого восстания вооруженный отряд в количестве трехсот человек не успел принять участия в боевых операцих на фронте, все же выступление этого отряда в Финляндии и его переход в Советскую Карелию занимают определенное место в борьбе за Советскую Карелию и не могут быть не отмеченными.

Нельзя забыть участия революционного пролетариата Финляндии в борьбе против нападения на Карелию белых. В то время, как финляндская буржуазия призывала к наступлению, Финляндская социалистическая рабочая партия организовала кампанию против войны. Партия открыто разоблачала гнусные приготовления белых к нападению. Она призывала и организовывала всех трудящихся к борьбе против своей буржуазии. Партия провозгласила боевой клич: «За Советскую Россию!» Из-за этого члены Центрального комитета ФСРП были арестованы и приговорены к каторге на три года. Вследствие своей деятельности партия в августе 1923 года была объявлена нелегальной. Около двухсот активных членов партии получили каторгу, некоторые до шести лет. Эти и многие другие мероприятия служат доказательством той боевой солидарности, которую революционный пролетариат Финяндия питает по отношению к Карелии.

Сразу после ликвидации бандитизма правительство Советской Карелии с помощью всего Советского союза приступило энергично к восстановлению Карелии под руководством компартии и в союзе с трудящимися страны советов. В результате этой упорной работы Красная Карелия достигла колоссальных успехов во всех областях социалистической экономики и культуры и продолжает строительство социалистического общества.

КОНФЕРЕНЦИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН И УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ В ПЕРИОД 1919—20 гг.

5—6 августа 1930 г.

5 АВГУСТА 1930 г. В ПЕТРОЗАВОДСКЕ, столице Карельской республики, собрались на конференцию красные партизаны и участники гражданской войны в Карелии в период 1919—20 гг. Сто шестьдесят девять борцов за дело революции, за Советскую Карелию, собрались подвести первые итоги действий еще недавнего близкого, но в то же время уже исторического прошлого.

Открывая конференцию, т. Поттоев отметил, что цель конференции заключается не только в том, чтобы поделиться друг с другом своими воспоминаниями, не только в том, чтобы подробно записать все эти воспоминания. Все это, конечно, чрезвычайно важно, но перед всеми активными участниками гражданской войны стоит громадной важности задача усиления обороноспособности СССР.

Колоссальные успехи, бурный рост социалистической экономики и культуры Советского союза и жесточайший кризис, охвативший капиталистические страны, вызывают ненависть, глубокую злобу в рядах врагов пролетариата и свидетельствуют о грозящей стране Советов опасности.

Задача укрепления обороноспособности СССР и, в частности, Карелии — одного из форпостов советского рубежа — приобретает исключительно важное значение.

Ценный опыт гражданской войны должен быть использован для лучшей организации обороны, должен мобилизовать внимание широких масс трудящихся и, в первую очередь, тех, кто

Первая Всекарельская партизанская конференция

Красные партизаны с членами Карельского правительства

Красные партизаны-краснознаменцы

Олонецкая группа красных партизан

Кабин. № Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

с оружием в руках защищали границы Советской страны и кто сейчас на фронте социалистической стройки так же героически ведет повседневную борьбу за социалистическое строительство.

Конференцию приветствовал от правительства Карельской республики т. Ющиев, от областного комитета партии — т. Ровио.

Конференция выделила из своего состава президиум из тринадцати товарищей, куда вошли тт. Локкин, Пикарев, Леонтьев, Захаров, Хейконен (все имеют орден Красного знамени); тт. Кяльмин, Лежаев, Никитин, Спиридонов, Гурьев, Егоров, Поттоев и Колотихин. В состав почетного президиума — тт. Сталин, Калинин, Ворошилов, Ровио, Ющиев и Гюллинг.

Посланы были приветственные телеграммы тт. Сталину, Ворошилову и Центральному комитету Финской компартии.

В своих выступлениях, стенограммы которых здесь приводятся, тт. партизаны поделились опытом прошедшего боевого периода и подчеркнули свою готовность в любой момент, по первому зову партии и правительства, сменить заводские станки, топоры, пилы, плуги и рыбацкие сети на оружие и итти защищать советские границы.

Перенося героизм боев на фронт труда и культуры, партизаны, участники гражданской войны, в десятилетнюю годовщину окончания карельской авантюры получают новую творческую зарядку на борьбу за последний год первой пятилетки, за создание второй пятилетки, за построение социализма в нашей стране и во всем мире.

Строя свое социалистическое хозяйство и культуру, пролетарий не должен ослаблять внимание к вопросам обороноспособности СССР.

Н. А. ЮЩИЕВ

ТОВАРИЩИ! ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ конференции от Карельского Центрального исполнительного комитета! Карельское правительство придает весьма серьезное значение работе вашей конференции потому, что эта конференция должна положить начало изучению гражданской войны в Карелии. Мы надеемся, что на этой конференции вы сумеете обобщить ваш опыт гражданской войны, чтобы эти труды легли в основу изучения пути, пройденного Карелией в гражданской войне. Этим самым мы могли бы дать необходимый материал нашей молодежи. Здесь мы должны будем вместе с вами очень критически отнестись и к тем ошибкам, которые были допущены, чтобы эти ошибки нам не повторить в решительной схватке с капиталом.

В эти дни мы с вами подытожим здесь все колоссальные достижения хозяйственного и культурного роста Карельской республики. Значительная часть этих успехов достигнута в Карелии благодаря тому, что вы у нас здесь, на отдаленном Севере, сами, активнейшим образом, первые с оружием в руках стали на защиту завоеваний Октября. Результаты роста как нашей

маленькой республики, так и в целом Советского союза, готовят могилу для капитализма. Они приближают к смерти мировой капитал. Поэтому каждый год, каждый день нашей сознательной работы ослабляют капитал. Вы все знаете, в каких условиях находятся в данное время наши товарищи по труду в капиталистических странах. Каждое наше достижение, дает зарядку в борьбе рабочего класса и трудового крестьянства с капиталистическими порядками. Не далек тот момент, когда терпение у десятков миллионов, выброшенных с фабрик и заводов всемирным кризисом и обреченных на голодную смерть, взорвется, и тогда будет решительная схватка.

Мы не сомневаемся в том, что все, участвовавшие в годы гражданской войны на фронтах, активно участвовавшие в социалистической стройке, так же будут активно участвовать в последней решительной схватке с капиталом. Не может быть двух мнений о том, чтобы завоеванные сейчас права отдали какой бы то ни было капиталистической стране. Нет, мы их не отдадим. Товарищи, на этой конференции нам надо будет поставить себе задачу самым активнейшим образом развернуть нашу работу по поднятию обороноспособности нашей страны. Под этим лозунгом проходит эта конференция, и мне думается, что эту основную задачу мы должны будем разрешить. Вы не только сами будете активными участниками организаций, кружков общества Осоавиахима на местах, вы сумеете десятки тысяч нашей карельской молодежи втянуть в эти организации. Это будет самым лучшим ответом на выступление фашистов против нас.

Карельское правительство своим актом приняло на себя обязательство в ближайшее время обеспечить все те семьи погибших красных партизан и вообще участников войны, которые еще не обеспечены, а также семьи тех, которые находятся в живых, партизан очень слабо или почти совсем не проводятся в жизнь. но нуждаются в этой помощи. Это мы надеемся осуществить. Так же в порядке самокритики надо указать на то, что к великому стыду, предоставленные правительством льготы для красных Поэтому мы ставим себе задачей, чтобы все льготы, намеченные Карельским правительством, и льготы, предоставленные центральным правительством, были проведены в жизнь, а вы сами на местах обязательно постарались это дело проконтролировать.

Пожелав плодотворной работы вашей конференции, разрешите напомнить вам о задаче широкого развертывания работы по обороноспособности. Вы знаете, что Карелия находится в особых, исключительных условиях. Вы знаете, что сейчас в Белой Финляндии фашизм и буржуазия Финляндии не дремлют. Надо будет и нам дать на это решительный ответ. Да здравствует товарищи, верные революционной борьбе красные партизаны! Да здравствует наша доблестная Красная армия!

РОВИО

ТОВАРИЩИ! ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ горячо приветствует вашу конференцию и, в вашем лице, всех красных партизан Карелии, сыгравших в освобождении Карелии громадную роль.

Партизанское движение в Карелии имело громадное значение, сыграло большую роль в этой тяжелой борьбе которую трудящиеся Карелии вынуждены были вести против интервентов, против белофинских войск, против внутренней контрреволюции. Отмечая громаднейшие достижения нашей республики, мы, понятно, не можем пройти мимо роли в этой борьбе красных партизан. Мы должны отдать должное павшим в борьбе жертвам — красным партизанам, но я думаю, что мы не только должны отдать им должное, не только должны постараться восстановить действительную роль, громаднейшие заслуги партизан, но и должны постараться их роль, борьбу передать подрастающему поколению.

Сейчас активно участвует в нашем строительстве то поколение, которое десять лет тому назад ползало под столом. Для того чтобы это поколение воспитать таким же стойким и самоотверженным, каким было ваше поколение, с оружием в руках восставшее за советскую власть, надо собрать полностью все сведения об этой борьбе и передать молодому поколению, чтобы оно на опыте этой борьбы могло учиться, чтобы оно было способно на такие же жертвы, какие были проявлены рабочим классом и трудящимся крестьянством в Октябрьские дни и после Октябрьских дней, в самые тяжелые дни завоевание советской власти. Поэтому созыв этой конференции имеет большое значение, но я думаю, что на этой конференции мы не сможем исчерпать, запечатлеть на бумаге всю эту борьбу, весь тот опыт, который мы в Карелии имеем, поэтому я думаю, что участники конференции, разъехавшись по домам, постараются дать дополнительные воспоминания. Нам нужно принять все меры к тому, чтобы полнее собрать все эти воспоминания и издать их отдельной книгой, напечатать в наших газетах и осветить возможно всесторонне опыт, историю партизанской войны, историю партизанской борьбы в Карелии. Если мы это сделаем, мы еще больше сумеем укрепить наше строительство, еще больше сумеем поддержать то дело, за которое мы все время деремся. Областной комитет коммунистической партии приветствует вас как активных борцов за советскую власть, принимающих и сейчас активное участие в социалистическом строительстве, и уверен, что он будет иметь в вас самую крепкую опору в деревне, будет иметь в лице вас ту соль земли, которая поможет нам еще больше укрепить нашу работу во всех областях нашего строительства. Областной комитет уверен, что вы, как и раньше, явитесь тем сплачивающим элементом, вокруг которого нам удастся объединить все активное как в городе, так и в деревне. Партия сумеет, опираясь на весь рабочий класс, опираясь на вас, итти вперед с еще большими достижениями и большим успехом на всех фронтах нашего социалистического строительства.

*

Еще раз привет товарищам-партизанам и лучшие пожелания в вашей дальнейшей работе! Партия надеется, что со временем вы все вольетесь в ряды нашей партии и будете вести на мирном фронте так же активно борьбу за советскую власть, за социалистическое строительство, как активно вы вели ее десять-двенадцать лет тому назад, в самые тяжелые для советской власти времена. Партия уверена, что в вашем лице она получит самую лучшую, самую крепкую опору в случае, если наши враги вновь попытаются на нас выступить с оружием в руках. Тогда мы все вместе, как один, станем на защиту советской власти и поднимем под руководством нашей партии всех трудящихся на последнюю, решающую схватку с мировым капитализмом.

Да здравствуют красные партизаны! Да здравствует победа социализма во всем мире!

И. В. МАТВЕЕВ

ТРУДНО ИЗЛОЖИТЬ В КОРОТКИХ ЗАПИСЯХ то, что происходило десять лет тому назад на Карельской равнине .Трудно еще и потому, что гражданская война на Севере носила несколько иной характер, отличающий отдельные ее моменты от гражданской войны в других районах.

После Октябрьской революции в Петрозаводске, карельской столице, переход к советской власти совершился не сразу. Здесь по форме, может быть, советская власть как будто и существовала, но самый Совет был соглашательский, и только, примерно, с января месяца 1918 года надо считать окончательным переход к Революционному совету, подлинному хозяину земли советской. Но и в этом Совете были отдельные группировки: там были, кроме большевиков, левые эсеры и т. д. Кто здесь был участником организации советской власти, тот должен помнить, что по всякому, даже незначительному принципиальному вопросу, особенно по вопросу организации Красной армии, здесь происходили настоящие бои. Вот в каких условиях, в условиях решительной борьбы приходилось работать по организации Красной армии в Карелии. Левые эсеры выдвигали проект организации партизанских отрядов, эсеры (социалисты-революционеры) и с.-д. (социал-демократы) не признавали возможности организации Красной армии, но тем не менее все-таки организация Красной армии широко развернулась.

Возникновение низовых советов шло чрезвычайно слабо. В некоторых уездах, в частности в Пудожском, Каргопольском, Повенецком, Петрозаводском, за исключением Олонецкого, совет которого можно было назвать подлинным советом, были советы с вывесками бывших земских управ. При таких условиях коммунистической фракции Губернского совета, при организации советской власти в наших северных условиях, было чрезвычайно трудно работать. Низовые земские управы всячески тормозили организацию советской власти. Например, Авдеево выпустило много циркуляров, разослало их по бывшей губернии, частично даже в

районы Архангельской губернии, прилегающие к Белому морю. На местах различно реагировали на эти циркуляры. Там, где были революционные организации, там они не имели никакого результата, но там, где работа была слабо поставлена, в частности в бывшем Пудожском районе, Корбозере, некоторые национальные советы довольно своеобразно реагировали на эти постановления. И если поинтересоваться историей этого дела, то можно увидеть, как они реагировали. Особенно характерно реагировало Ведлозеро предложением об обращении к «великой» Финляндии, как было в Ребольской волости, откуда четыре контрреволюционера ходили на поклон к финляндскому сенату, чтобы он взял их под свое крыло.

Вот при каких обстоятельствах советская власть в нашем крае приступила к организации Красной армии. При этом следует заметить, что она создалась не сразу. Ни в одном уезде, ни в одной волости не было ни одного красногвардейца или красноармейца.

Первым же ядром была Красная гвардия, созданная в виде небольшой ячейки из рабочих Онежского завода. Здесь была впервые заложена организация Красной гвардии из отряда в пятьдесять человек, под общей командой т. Суханова. Этот маленький отряд принял на себя чрезвычайно важные обязанности и проделал большую работу.

На западе развертывалась борьба между красными отрядами финской красной гвардии и организующейся белой гвардией под командованием Маннергейма. Через советскую границу просачивались шпионы, контрреволюционеры и другие отбросы старой царской России. На границе, в Реболах, был момент, когда советские посты и заставы разоружались, и, одновременно, за границу уходило золото, хлеб и шпионские сведения. Работа была чрезвычайно трудная для такого маленького отряда, и только спустя неделю после организации этого отряда начинают возникать на местах также небольшие отряды Красной гвардии и партизанские отряды.

Организованный отряд Красной гвардии первым долгом занялся ловлей шпионов, которые обильно наводняли не только пограничные участки, но и Петрозаводск — столицу республики. Если обратиться теперь уже к истории и к архивным материалам, то там вероятно сохранились ценные документы, относящиеся к этому периоду революционной деятельности. Руководители, в частности председатель Губсовета бывшей Олонецкой губ., военный комиссар не только получали сотни писем с угрозами расправиться, но угрозы эти приводились в исполнение; так, несколько покушений было на т. Парфенова; в него стреляли два раза, что было сравнительно еще незначительным фактом. Но вскоре эти факты стали другого порядка. После организации наших маленьких отрядов, в уездах начинает, в свою очередь, деятельно готовиться контрреволюция, мы видим контрреволюционные восстания в Пудожском, Вытегорском, Олонецком уездах. По линии железной дороги начинают просачиваться различные отряды. Тер-

пела поражение финская революция. Отряды Красной гвардии Финляндии проезжали через Ленинград с соответствующими визами для направления на север.

Помимо всего этого, в момент развертывания организации Красной армии появился некий казачий полковник Скачков со своим батальоном. Губернский комитет передал в его распоряжение железнодорожный батальон, а Скачков был с головы до пят контрреволюционером. Помню, как он на заседании Губисполкома требовал отвести ему для того, чтоб сложить взрывчатые вещества — динамит, пироксилин — помещение, примыкающее к тем зданиям, где мы заседали. Только случайным образом удалось вскрыть, что он — контрреволюционер, и его арестовали. Это говорило о наличии у контрреволюции больших сил. Перед Губернским советом, перед коммунистической фракцией совета стал вплотную вопрос об организации решительного отпора всем контрреволюционным выступлениям.

18 января 1918 года была создана комиссия по организации Красной армии. Но эта комиссия просуществовала неделю, ничего не сделала и была распущена. 23 февраля 1918 года Губернский совет создал военный совет из трех лиц: Данилова, Бородулина и Гаупта. Через пять дней Бородулин (бывший офицер) подает в отставку. Примерно, того же числа из центра пришло воззвание: «Социалистическое отечество в опасности» — и, как следствие этого, Губернский совет издает по своей территории постановление о создании Красной армии. 7 марта создается Революционный совет-штаб по организации Красной армии в нашей области. Выделяются товарищи: Матвеев И. В., Тарасов, Молоков, Митюшин. Штаб приступил к формированию отрядов и воинских частей. Нелегко было формировать армию: в деревне велась сильная агитация, потому что мы работали с левыми эсерами, а они всячески противодействовали организации Красной армии. Даже когда Революционному штабу нужно было отвести помещение, то Губернский совет этого помещения не дал, и только по настоянию большевистской фракции помещение нам отвели где-то в небольшом доме, вместе с отрядом, который был организован. Мы организовали отряд в сто двадцать человек, а Ленинград каждый день бомбардирует телеграммами: «Товарищи, давайте силы, немец наступает под Псковом.» Весь отряд — все сто двадцать человек — был отправлен на защиту Ленинграда. В распоряжении штаба осталось незначительное количество губернской и железнодорожной Красной гвардии. Вот все наши силы. Было внесено постановление о назначении меня (Матвеева И. В.) командующим вооруженными силами губернии, а вооруженных сил было всего сто сорок человек. Из отряда Красной гвардии многие ушли на защиту подступов к городу Ленина. С организацией первого отряда положение не изменилось — контрреволюционное восстание расширялось. Отряд, руководимый Парамошковым и Силкиным, снабжался оружием, чтобы защищать границы, а на границе наши посты снимались контрреволюционным отрядом генерала Маннергейма. Здесь необходимо осветить

наиболее интересный момент — это наш разрыв с Мурманским краевым советом. У нас силы здесь были небольшие, но мы чувствовали, что там, на Севере дело не ладно. Здесь, на станции Петрозаводск, также были контрреволюционные организации, пользовавшиеся неприкосновенностью под флагом французской и английской миссий. А тут еще у нас была обнаружена «орловщина», «деливроновщина». Орлов и Деливрон сошлись с миссиями и, как потом мы узнали, оказались шпионами Губернский совет чувствовал, что на Мурмане пахнет кровью, пахнет золотом, и, когда на одном совместном заседании слушался доклад представителей Мурманского совета, то они преподнесли нам интересный документ: соглашение Мурманского совета с союзниками. Это поразило всех; стало ясно, что положение с Мурманским советом становится неважным. Через некоторое время это подтвердилось получением телеграмм так называемого Штаба Мурманско-Беломорского района. Первая — телеграмма Померанцева о том, что он хочет подчинить себе все вооруженные силы Мурманской железной дороги, и вторая — телеграмма от начальника штаба Петрова, который требовал подчинения ему всех вооруженных сил, в том числе и Архангельской губернии. Эти телеграммы в центр не посылались, нами было решено принять соответствующие меры. Но что можно было сделать с нашими силами? Губернский совет послал двух товарищей в Ленинград, но там они никого не застали, так как накануне их приезда состоялся переезд советского правительства в Москву. Застали только товарища Позерна, который сказал: «Действуйте на основании революционной совести, мы вас целиком поддерживаем, вы правы». Но, в то время как совершалась поездка, англичане, с благословения руководителя комиссариатов военного и по иностранным делам Троцкого, высадили десант. Мы вели ожесточенную борьбу с Мурманским советом, ибо рассчитывать на помощь союзников мы не могли. Мурманский краевой совет начал действовать и создал свой военный совет, состоящий из представителей крейсера «Аскольд», майора английской военной службы Фоссэт, начальника французской миссии де Лятатинери и представителя Мурманского краевого совета Веселого (лейтенанта царского флота). Ими был брошен лозунг: «Охрана революционного порядка и революции», а через некоторое время на рейде появились иностранные суда. Там находились английские крейсера «Глория» и «Кокрен».

При такой военной обстановке начала организовываться совместно с союзниками контрреволюция. Полетели контрреволюционные телеграммы, которые мы перехватили и не пускали дальше Петрозаводска, так как провода были в нашем распоряжении, за исключением телеграмм, которые передавались по радио. Одну из таких телеграмм в качестве примера можно привести:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

Войска Вильгейма II занимают город за городом, продвигаясь вглубь страны, угрожая завоеваниям революции.

Правительство Советов не принимает и не в силах принять мер, ограждающих Россию от оккупации немцами.

Совнарком своею политикой предает интересы России.

Мурманский краевой совет вместе с демократией края не может мириться с политикой правительства, не может допустить, чтобы войска Вильгельма через Финляндию заняли Северный край.

Мурманский краевой совет призывает всю демократию России заклеймить политику Совнаркома

Призывает все революционные силы России отстоять страну от гибели.

Призывает демократию, все демократические учреждения протестовать против соглашения с Вильгельмом

Требовать соглашения с союзниками для общей борьбы с германским юнкерством.

Политика Совнаркома идет вразрез интересам революции.

Мурманский краевой совет (Юрьев).

Вооруженным силам Мурманского совета, включающим и десант, который был разрешен Наркоминделом Троцким, необходимо было противопоставить наши вооруженные силы. Пользуясь моральной поддержкой в Ленинграде т. Позерна, заявившего, что «все, что можно, мы дадим», мы получили некоторую реальную силу и вместе с пролетариатом, железнодорожниками, начали организовывать отряды для противодействия продвижению врага. Спустя некоторое время сюда был послан чрезвычайный комиссар Нацаренус, который и принял общее командование. Нашей задачей было парализовать действия продвигающегося противника. На одном из заседаний в Губсовете было решено задержать неприятеля. С этой целью было решено взорвать мосты и даже железнодорожное полотно. Для этой цели отряд Спиридонова вместе с подрывниками т. Вастена и Солунина начинают действовать на железной дороге, которая к тому времени нам сильно мешала в оперативной работе, особенно начальники станций, пути. Создавались пробки на станциях, с целью оставить противнику подвижной состав, продовольствие, т. е. все то, что так необходимо было нам. Железнодорожная интеллигенция не оказала нам должного содействия, рабочие-железнодорожники принимали активное участие в обороне нашей границы. После оккупации мы еще не знали, что творится в оккупированных районах, но мы имели сведения, что в тылу у противника есть наши друзья, что в конечном счете подтвердилось организацией красных партизанских отрядов.

К моменту высадки десанта и развертывания нашего сопротивления внутри СССР были произведены отдельные контрреволюционные выступления — было знаменитое Ярославское восстание. В Петрозаводске совершенно неожиданно появился большой наплыв офицеров; их насчитывалось до четырехсот человек, а наши вооруженные силы не превышали ста человек. Положение в

красноармейских частях было неважно, командного состава у нас не было, вооружения и снаряжения также. Неоднократно ездили мы в центр и просили дать нам вооружение, денег, снабжение. Но были более важные боевые участки, нужно было защищать колыбель революции, революционный Питер, и мы, конечно, понимали, что все то, что мы рассчитывали получить из центра, мы в тот момент не сможем получить. Все силы рабочего класса города Ленина были направлены на отражение наступавшего врага. Мы были до некоторой степени предоставлены собственным силам. Существовавший в Красной армии принцип добровольности был заменен мобилизацией. Не было денег, и, только при нажиме фракции большевиков, я привез пять миллионов рублей, пять тысяч винтовок, пятнадцать миллионов патронов, три батареи, несколько автомобилей, что оживило нас и дало возможность развернуть военную работу. Был организован первый Петрозаводский полк, штаб которого находился в бывшем Коммерческом клубе. Нам нужно было вовлечь офицеров в Красную армию, но, на специально устроенном собрании, на наш прямой вопрос: «хотите ли служить у нас?» — получили ответ, что они придерживаются другой ориентации. Половина поддерживались ориентации союзнической, другая — германской. В конечном счете ни те ни другие нам были не нужны. Оставлять же здесь необезвреженной такую силу являлось большой опасностью. Был издан приказ о сборе всех офицеров в здании Карцика, и там всех их арестовали. Тем самым эта опасность, которая перед нами стояла, была ликвидирована. Много помешало работе также левоэсеровское восстание. Вслед за организацией 1-го Петрозаводского полка организовался 2-й Коммунистический полк особого назначения. В Коммунистическом полку особого назначения больше половины всего состава были коммунисты; их пришлось слить вместе, чтобы создать единую мощную организацию. Организовались отряды финнов. Часть их пошла отражать наступление, которое было произведено на город Кемь. Для отражения первого наступления белофиннов на город Кемь туда были двинуты отряды Гурьева и ряда других товарищей. Впоследствии появился значительный отряд т. Спиридонова. Затем появляются новые, дополнительно организованные части: Коммунистический батальон особого назначения, батарея особого назначения. В батальон вливается часть местных коммунаров и вытегорские коммунары. Центр посылает по нашему требованию два полка: Ораниенбаумский и 5-й Олонецкий. 5-й полк стал на охрану границы Финляндии. После этого мы приступили к организации Губернского военного комиссариата. На эту организацию была возложена высоко-ответственная задача по снабжению всего фронта продовольствием и снаряжением. Трудности были огромные и особенно в области снабжения. Примерно, осенью 1918 года или в начале 1919 года отряд Спиридонова и другие воинские части настолько были плохо обмундированы, что сейчас было бы стыдно человека пустить по улице в таком виде. Помню, когда я объезжал фронт, начиная от Падан и даль-

ше, то некоторые части были выстроены в лаптях и притом в самых плохих лаптях, и все-таки они шли в бой без всякого упрека на отсутствие обуви и одежды.

Дальше идет период большей организованности наших воинских частей и развертывания позиционной борьбы. Это относится к началу 1919 года. 1919 год был годом наиболее ожесточенной борьбы, когда наши воинские части, уже сформировавшись, принимали на себя удары союзников, удары организованной белогвардейской Миллеровской армии. Первые удары принял Спиридоновский отряд, затем отряды красных финнов, оперировавшие на северном участке. Затем эти отряды реорганизуются в полки. Прибывают новые воинские части и, таким образом, наш боевой фронт получает уже довольно большое протяжение. Соотношение наших сил с силами противника количественно было крайне различно. В качестве примера можно привести интересную сводку, где указано, что на фронте находилось пятьсот шестьдесят штыков, в то время как белогвардейцы на том же участке располагали шестью с лишними тысячами штыков. Вот при каких условиях приходилось вести ожесточенную борьбу. Громадное значение в этой борьбе принадлежит тылу противника, где было весьма неспокойно. Карельский пролетариат вставал на защиту революции. Целый ряд интересных моментов будет отражен другими товарищами, участниками прошедшей войны. Мне только хочется указать еще на один интересный эпизод, относящийся к борьбе в южной части Карелии. В апрельские дни 1919 года из Олонца поступили тревожные сведения, что, повидимому, белофинны начинают действовать, воспользовались нашим тяжелым положением на Севере. Их действия есть начало попыток осуществления своих намерений — организации «Великой Финляндии». Белофинны повели довольно-таки хитрую стратегию, намереваясь отрезать наши воинские части, действующие севернее Лодейного Поля. Главный удар был направлен на г. Олонец, который был вскоре ими взят, несмотря на организацию там отряда. Затем из Видлиц получили сведения, что наши коммунары засели там в церкви и многие себя перестреляли, не дождавшись помощи, потому что и Олонец, откуда можно было ожидать помощи, переживал очень тяжелое положение. В 1919 году олончане сделали чрезвычайно большое дело. Нужно отдать справедливость и должное олонецкой партийной организации, — сплоченной организации, которая своими героическими подвигами не допустила форсирования белофиннами реки Свири — важнейшей водной артерии — и занятия Мурманской железной дороги. Здесь нужно отметить тт. Томашевского, Егорова, Проскурякова, Никитина Ивана и других, которые там участвовали. Особенно живое участие принимал, хотя там и было белогвардейское правительство, Иван Антонович Никитин, весьма ценный работник. Когда мы туда приехали, то половина членов Комитета сидела в тюрьме, отряды Красной армии были разоружены. Часть товарищей успела скрыться, а Никитин засел на почте и

успел нам подать телеграмму и, таким образом, спас положение на Олонецком участке.

Затем нужно остановиться на таких важных моментах, какими явились бои вдоль Мурманской железной дороги. Был взорван Ондовский мост, шли бои под Кяпсельгой, Лижмой. В эти дни, когда мы развертывали борьбу, оказались враги и в нашей среде, это надо сказать о начальнике штаба Люндеквисте. Это был барин, который приехал к нам даже в штатском костюме. Он хотел здесь выслужиться, а потом перекочевать в другое, более крупное место. Его контрреволюционные намерения зародились еще в Петрозаводске. Мы ему верили, а командиру бригады Рябинину мы не доверяли. Люндеквист, как всем известно, был в Ленинграде расстрелян, а Рябинин, оказывается, был честным человеком.

В заключение следует сказать, что во всех боях: под Медвежкой, Кяпсельгой, на Пудожском и Олонецком боевых участках, в Заонежьи — всюду наши маленькие силы отличились. На ст. Плесецкую также был брошен отряд. С появлением 1-й Стрелковой дивизии мы уже легко вздохнули, стало легче бороться. Все меры были приняты, чтобы повести решительную борьбу на всех участках фронта.

КЯЛЬМИН

Я ДОЛЖЕН ОСВЕТИТЬ ВСЕМ ПАРТИЗАНАМ работавших в далеком тылу, те ошибки, которые в свое время наблюдались, потому что мы не гарантированы, что контрреволюция не пойдет на нас вновь. Надо тщательно осветить ошибки, которые были, чтобы в дальнейшем уже с ними не встречаться.

Прежде всего надо отметить, что представляли собой эти разбойники, что́ представляли эти предатели и что́ они с делали в нашем крае. Мне хочется сопоставить работу партизанского отряда с работой тех, кто вторгался к нам.

Когда белогвардейцы вторглись в Кемь, многие наши товарищи были расстреляны. С нашими товарищами беспощадно обращались. Расстреляны Космин, Соболь и ряд других товарищей. 24 мая 1918 года на собрании я выступал и указывал, кто наши враги и что цель их — захват нашего края. Я выступал против британских добровольцев и указывал, что Англия — наш враг. Когда мы выступили против мобилизации, то по распоряжению генерала Ермолова мы были арестованы. Я был арестован 18 марта 1919 г. и отправлен на север. Мне пришлось на Чесме испытать розги, но ни меня ни моих товарищей эти зверства не остановили. Дух наш остался тот же. И даже наоборот — они внедряли в нас ту ненависть и злобу, с которой мы должны были бороться против ненавистных «культурных» варваров.

Мне удалось бежать из тюрьмы в Мурманске, и как только я явился в р-н Кандалакшу, где у нас было запрятано оружие, то я с т. Фоминым и другими, — всего шесть человек, — имея четыре

винтовки, приступили к организации партизанского отряда. К нам присоединились товарищи, которые должны были итти по мобилизации. К нам начали свозить оружие, винтовки, пулеметные ленты и продовольствие. Красных финнов у нас в отряде было двадцать семь человек. Мы готовили врагу удар, установили связь с железнородожными рабочими, делали в лесу собрания, готовились занять Кандалакшу и, в случае неудачи, взорвать Ковдский мост и итти дальше.

Нам удалось наладить связь. Мы установили, что английские пришельцы все-таки боялись напасть на нас, но, в конце концов, офицеры, в количестве шестидесяти человек, пошли, чтобы уничтожить наш отряд. 23 сентября мне удалось повести товарищей на Коловицы и занять Лубинку. На посту обнаружилось, что, действительно, двигалось около шестидесяти человек. Я послал товарищей, чтобы скорее тащили пулемет. Через минут десять офицеры подплыли, и пришлось дать бой. Дух был поднят, настроение бодрое. Быстро распределили наши силы и вступили в бой. Сначала бросили бомбу, а потом открыли огонь, и скоро их десанта не стало.

После этого озлобление белых настолько усилилось, что из Мурманска пришли тральщики, воздушная база, и мы оказались в кольце. Из Мурманска был вытребован отряд сербов. Колвичане сошлись в лесу и решили пойти на Кандалакшу в разведку. Нами был взят с собою красный финн, потому что я не знал, где спрятаны («похоронены») винтовки. Я хотел еще завербовать сочувствующих нам. Когда пришли в Кандалакшу, то она была на осадном положении и занимали ее шестьдесят человек англичан.

В эту ночь И. К. Поспелов был освобожден из плена. Он рассказал, что у него была своя отдельная организация. Поспелов с нами не был вместе, и это была одна из его недопустимых ошибок. Благодаря этой ошибке двадцать два товарища княжегубцы были преданы. Я проводил тайные собрания и призывал товарищей переехать в Колвицу, но они на это не решились. А вскоре после этого товарищей предали. Мы решили перебросить нашу боевую силу на фронт для взрыва мостов.

Мы пошли в Отоканду. Отрядом руководил т. Ахава; он стоял в Кандалакше. 1 октября мы трое пошли на Типозеро. Там нам пришлось агитировать и призывать рабочих-железнодорников на помощь. На второй день, в день отдыха, сделали собрание. Предложили занять станцию. Мне предложили занять разъезд, где находилось девять вагонов динамита. Я пошел на Отоканду, а Фомин — на Белый Разъезд, четыре человека пошли взрывать два моста. Фомину было поручено взорвать девять вагонов динамита, и это было выполнено. Я не решился сжигать мосты и план изменил. В 3 часа ночи пошли на линию, к станции; там никого не было.

Когда мы вынуждены были оставить Колвицу, то узнали, что после этого белогвардейцы сожгли там двенадцать домов. 12-го вторично было нападение на Колвицу и через три дня опять повторилось нападение. Мы наблюдали, как хозяйничали белогвар-

дейцы, как они ходили и забирали все продовольствие, оставляя население голым, чтобы нам ничего не досталось. Население вынуждено было впоследствии бежать в Советскую Россию почти раздетым.

Тральщики нас преследовали. Мы держали путь по маякам: отъехав с километр, заметили, что тральщики стояли с огнями, Нам удалось уйти. Отряд открыл стрельбу, и мы, таким образом, не пострадали. В Кривом Поясе крестьяне дали подводу. Мы добрались до Поньгомы, где Федор Стягов помогал нам.

В отряде у нас были финны боевые, но был и шпион. Одна финка рассказала мне, что финн из нашего отряда хочет выдать наш отряд. Я тайно вызываю т. Ахава и говорю ему, что как это ни грустно, но должен сказать, что у него есть изменники. Был поставлен усиленный патруль и, в конце концов, все это оправдалось. Мы в 2 часа ночи стояли на посту, и вот, действительно, наш финн пошел, чтобы выдать нас. Мы в двадцать четыре минуты приговорили его к расстрелу: со шпионами нечего разговаривать, не может быть среди нас изменников — товарищи красные финны были безгранично преданы революционной борьбе.

Если теперь нам снова придется встретиться с контрреволюцией, то этот же дух будет с нами и мы, не щадя своей жизни, пойдем в первых рядах для защиты интересов трудящихся.

АРТЕМЬЕВ

(Кестенгский отряд)

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ СОЛДАТ С ФРОНТА В 1918 году, организовали рабочую артель на Мурманской железной дороге. Вскоре финская буржуазия захватывает карельские богатства, перебросив свои войска через границу в Карелию.

Поднимается вопрос о выступлении против белофиннов. Тов. Архипов привозит из Кандалакши двести винтовок. Вооружившись, решили соединиться с финским легионом и вместе направились в Ярвемпя. Командиром отряда стал т. Поспелов. В Кивисалим в то время прибыла белогвардейская разведка; там был первый бой, и мы потерпели поражение, было пять раненых и пять убитых. Один наш раненый попал в плен, и у него белофинны выкололи ножом глаза и закололи его штыком.

В 1918 году англичане заняли Мурманск, и одновременно организовалось правительство Чайковского. В 1919 году организуется в Ухте Временное карельское правительство с целью, под лозунгом освобождения Карелии, захватить себе богатства Карелии.

В 1920 году, когда Ухту заняли красные войска, отряд опять начинает действовать. В Оланге организуется первый Ревком. В то же время в Финляндии организуется белокарельский отряд для действий против большевиков. Белофинны часто маленькими отрядами делают налеты на Карелию. Олангский ревком переходит в дер. Ниска.

В 1921 году снова перебрались в Олангу, хотя положение было опасное. Не было патронов, оставалось по пяти штук на человека. Пришлось снова перебраться в дер. Рува, где был пункт; там нас снабдили патронами (по сорок штук на бойца), после чего снова заняли Олангу.

Получили приказание о проведении выборов, приступили к организации волисполкомов. Деревня Вартио-Кюля и другие, хотя и были контрреволюционные, но и мы послали делегатов. На собрание прибыло восем человек из бело-карельского отряда (Финляндия), и они лишили наших прав голоса. В дер. Софьяна стоял небольшой отряд, и мне пришлось за ночь итти туда и обратно, приведя с собой тринадцать красноармейцев. Белые провели собрание и удрали, намереваясь перед этим взорвать здание, в котором проводилось собрание.

Организуем в Оланге новый Ревком. В ряде других деревень организуются органы советской власти, в том числе и в Ухте, где председатель Ремшуев и секретарь Меллер действуют против советской власти. Партизаны Никитин Ю., Архипов, Никитин, Середин и другие днем работали в Ревкоме, а ночью стояли на постах, так как не было надежды, что белые оставят нас в покое.

Между тем белые открыто выступили, завладели Ухтой, и мы потеряли наших трех товарищей, которые попали в плен и были расстреляны белыми.

В. Т. ГУРЬЕВ

ОЦЕНИВАЯ ТОТ ПУТЬ, КОТОРЫЙ ПРОЙДЕН, и те условия, в которых вырос и проводил работу наш отряд, я нахожу, что мы очень слабо использовали партизанское движение.

Мне кажется, что слишком распылены были партизанские силы и слишком мало было обращено внимания военным командованием на то, что можно было бы создать в наших условиях. В каких условиях вырос наш отряд и были ли соответствующие условия для того, чтобы этот отряд был создан? Безусловно были. 1918 год — год разрухи как следствия империалистической войны. Эта разруха сказалась и на нашей окраине, на полях Повенецкой Карелии. 1918 год — год голода и решительной революционной борьбы в нашей повенецкой деревне. Я припоминаю такие факты, как организация комитета деревенской бедноты, поход на Шуньгу для восстановления разогнанных кулаками комитетов бедноты.

В условиях этой борьбы создавались такие условия, при которых можно было бы шире развернуть наши партизанские отряды, но, к сожалению, мы поздно взялись за это дело. Наш партизанский отряд приступил к организации уже после того, как Повенецкий уезд был уже почти полностью занят белыми. А между тем до этого в целом ряде селений, в разных уголках уезда, возникали отряд за отрядом.

Я припоминаю первое нашествие белофиннов в 1918 году. Это было, примерно, в марте месяце. Шли они бандами через Реболы, собираясь пройти на Ругозеро, на Парандово, но достаточно было ругозерцам поймать их агента Кормакова, достаточно было его

запереть на несколько дней в амбар, потом выпустить и сказать, что наши отправились за оружием, как эти банды берут другое направление, на Кимасозеро. Затем направляются на Кемь и там разбиваются. Я припоминаю эти времена, припоминаю, как по одну сторону Повенецкой Карелии, вдоль границы ездил наш товарищ, Фесфитянинов, а по другую сторону я сам проехал, и то настроение, которое я встретил в деревнях, говорит о том, что партизанское движение можно было развить значительно шире. Еще когда я находился в Повенце, туда являлись крестьяне-бородачи на подводах, из Ругозера, за двести километров приехавшие в Повенец за оружием и хлебом, для организации обороны. Такие же делегации были из многих деревень, расположенных вдоль границы с белой Финляндией. Тут самостоятельно создавались небольшие отряды, и они послужили основанием того отряда, о котором придется говорить дальше. Условия гражданской войны — классовой войны бедняков и середнячества с кулачеством — создали в деревне такие условия, которые привели к партизанщине.

Кроме того, я должен указать еще на одно условие, которое не могло не сказаться на создании этого отряда, — это борьба за Карелию, борьба за национальные идеи. Еще на первом учредительном съезде Повенецкого уезда раздавались голоса за созыв съезда повенецких карел. Этот съезд был созван в Паданах, и на этом съезде карелы сказали: «Мы не пойдем за белую Финляндию, мы пойдем только к русским». Когда я ездил по этим первым отрядам, я удостоверился, что об этом говорили не только там, где создавались отряды, но и там, где прошли белые банды. В Кимасозере крестьяне помогли одному милиционеру, по фамилии Еремеев, захватить почту с двумя сопровождавшими ее белогвардейцами и содействовали отправке этой почты через Ругозеро в Повенецкий исполком, который в это время вел борьбу против Финляндии. Тогда я созвал собрание крестьян, которые заявили, что не пойдут в Финляндию. Правда, они приводили мотив, что Финляндия не даст нам того хлеба, который они получили. Но нет сомнения, что вражда против белых и национальные идеи, которые носились в голове наших крестьян, точно так же способствовали тому, чтобы вести решительную борьбу с белыми. Все эти условия послужили основанием к тому, чтобы создать тот отряд, который дал стране довольно порядочные результаты; национальные идеи, которые носились в голове наших крестьян, точно так же способствовали тому, чтобы вести решительную борьбу с белыми.

Накануне занятия Повенца я отправился в Олонецкий революционный комитет, подал мысль об организации этого отряда и просил, чтобы организатором направили меня, как знающего местные условия. Олонецкий ревком с этим согласился, и, таким образом, я был в 1919 году, в апреле месяце или в конце марта, отправлен в Повенец. Какие задачи я ставил при организации этого отряда? Главная задача была — оказание помощи военному командованию. Я знал, что благодаря знанию местных условий

можно облегчить ведение военных операций, легче осуществлять разведку тому, кто знает местные условия. Наконец, я высказывался и за то, что можно оказать сопротивление врагу в глубоком его тылу. И, наконец, указывал на возможность проведения войсковых частей в тыл. Из моих воспоминаний и из слов товарищей, которые высказывались на конференции партизан, следует заключить, что все задачи эти в основном были осуществлены. К сожалению, отряд был настолько мал, что не смог сделать всего того, что можно было сделать.

Общую оценку тогдашнего положения можно дать такую: мы не использовали партизанщины в такой мере, как ее использовали белые. Белые отряды занимали деревню за деревней. Нашим партизанским отрядам хватало сил лишь на разведку, т. е. фактически приходилось тереться около наших частей, а не действовать самостоятельно.

Наконец, Революционный комитет возложил на партизанские отряды задачу помощи военному командованию, задачу охраны интересов бедноты, батрачества и середняков. Мы знали, что война проходит в условиях голода, и в таких условиях нет ничего удивительного, что будут перегибы, когда на месте нужно находить продовольствие, обувь, одежду. Посылая отряды, давая согласие на организацию этих отрядов, Революционный комитет надеялся на то, что партизанские отряды, как знающие местные условия, дадут возможность военному командованию лучше разобраться в разрешении многих вопросов.

Призыв о вступлении в отряд был сделан в Повенце накануне эвакуации этого города. Первыми добровольцами были Гарлоев и Михайлов. Мы с этими двумя товарищами поделили остаток Повенецкого уезда для вербовки. Я отправился на Уницкий завод, Гарлоев и Михайлов — в Гимолы и Удму. Это было как раз накануне занятия Медвежки. Во время занятия Медвежки я проводил вербовку на Уницком лесопильном заводе. Здесь несколько рабочих сразу вступили в отряд: Цикарев, Минин, Елесов Иван, мальчик лет пятнадцати, и старик Балахонов. Затем, для организации этого отряда, я был отправлен в Шуньгу, но там никого не удалось завербовать. Точно так же и в Вок-наволоке, куда я перебрался после Шуньги. Мои товарищи из Поросозерской волости вернулись в тот момент, когда, с одной стороны, Поросозеро было занято белофиннами, с другой стороны, Медвежка была занята белыми и англичанами, и товарищи оказались в кольце. Гарлоев был ранен.

Н. П. Гарлоев был первой жертвой. 45 — 50 лет, стойкий революционер-большевик, в партию вступил в Повенце, товарищ, потерять которого было чрезвычайно жалко. При дальнейшей вербовке в наш отряд вступили ремонтные рабочие ст. Кяпсельга, в том числе и т. Романов. Затем вербовка проводилась в Шуньге, накануне так называемого праздника Николы, когда Шуньгу уже занимали белые, и в то время, как отряд Филина орудовал под Паяницами, наши ребята в нескольких километрах проводили вербовку. Сход кончился тем, что им пришлось бежать оттуда.

Ухтинский отряд красных партизан

Кандалакшская группа красных партизан

Заонежская партизанская конференция

Группа партизан Спиридоновского отряда (в центре с тростью тов. Спиридонов)

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Наконец, в отряд вступили селецкие товарищи, которые участвовали в боях против белых на Медвежьей Горе, и в Кяпсельге они присоединились к нашему отряду. После этого отряд насчитывал до сорока человек. Было избрано начальство. Командиром был избран М. Г. Романов из Кяпсельги, а комиссаром отряда был выбран я. Мы не были воинской частью, на довольствие не были зачислены. В первое время кормились милостью Повенецкого продкома. Квартиру в деревне Кяпсельге заняли у одного крестьянина, а потом нам предоставили вагон. Во время наших походов мы должны были кормиться, кроме продкома, экспроприацией у буржуазии. Этим мы занимались, правда, не в широкаих размеров, а лишь тогда, когда нужно было добыть себе продовольствие. Но, зная, у кого брать, мы подходили весьма осторожно, таким образом, чтобы не обидеть бедноты и середняков.

Настроение отряда было очень бодрое. Значительную часть отряда составляли кяпсельгцы, и они из своей деревни ходили повоевать, как на охоту. Повоюем и обратно домой придем. Строевого обучения мы не проходили, но зато с самого первого дня стали подготовляться рвать мосты. Под руководством моего брата Степана были организованы специальные кружки, которые готовились к тому, чтобы итти в тыл для взрыва мостов.

Взаимоотношения с военным командованием первое время были такие: признаем друг друга, ходим друг к другу, советуемся и помогаем друг другу. По истечении месяца нас окончательно зачислили на снабжение со стороны военного командования; наш отряд остался самостоятельной частью, но считался прикомандированным.

Впервые, когда наш отряд принял участие в военных действиях, это — усмирение кулацкого восстания в дер. Тивдия. Через эту деревню шло собщение между Мурманской железной дорогой и трактом Мяндусельга — Петрозаводск. Это сообщение было одним из важных: путь по воде со стороны Святнаволока в Тивдию и новый путь по воде через Кяпсельгу. В этом пункте, примерно, в мае месяце было поднято кулацкое восстание против красных. Под командованием командира т. Иванова мы отправились ночью по Лижмозеру в дер. Лижмозеро, которая находится на берегу. Здесь мы узнали, где находятся тивдийские повстанцы, а они были на другом берегу. Мы вернулись обратно и по озеру, кругом объехали на лодках с тем, чтобы отрезать им путь, чтобы они не могли дать знать о нашем нападении в деревню. После короткой перестрелки сразу же вытеснили повстанцев, без сопротивления подошли к деревне и рано утром заняли ее без всяких потерь. Когда мы пришли в деревню, то повстанцев там не оказалось, — они покинули деревню. Наша задача была — дать возможность переселенцам из бедняков вернуться в наши ряды. Мы уговорили командование дать им срок, чтобы они могли вернуться и вступить в Красную армию. Командование согласилось, но мужики не поверили и не пришли. После этого мы и начали реквизировать скот в Тивдии, так как мы имели дело

уже не с сочувствующими нам, а с врагом. Тивдийцы-кулаки причинили не мало вреда нашим частям.

Второй поход—это Шуньга. Это был длительный поход; о нем можно много рассказать. Утром, кажется накануне праздника Вознесения, прошли мы мимо Дионовой горы, пришли в Федотово и узнали, что враг покинул тот берег, куда мы явились. Мы выяснили, что можно отправиться и занять Шуньгу, но, к сожалению, это не было сделано.

В конце концов Федотово было занято, но там никого не было. Мы были убеждены, что можно было итти на Шуньгу, и если бы мы шли не останавливаясь, то Шуньгу бы взяли и смогли бы очистить весь Шуньгский полуостров. После того, как некоторые из отряда не согласились и вернулись обратно, мы заняли Лижму. Мы делали набеги на другую сторону озера. Первое время ходили напрямки, пока неприятель не обосновался там. Припоминаю одну ночь, когда прибежали ребята, все мокрые: противник так встретил их, что им пришлось побросать оружие и скорее спасаться. В другой раз мы ехали через губу Святуху, но на другую сторону не могли перебраться. Тут был ранен т. Архипов. Под самой Уницей на партизанский отряд была возложена охрана моста. С этим мы справились. Когда все части были переведены, нам был отдан приказ — отступить на Лижму. Здесь я получил приказ вернуться обратно, в Олонецкую губернию, в продовольственный комитет, комиссаром. Таким образом я покинул отряд.

Нельзя не отметить особо т. Романова. Он был участником империалистической войны, был уже до этого контужен, ранен и когда шел, у него скрипела нога, тем не менее он всегда был первым и с поразительным хладнокровием, которое подобает иметь каждому бойцу, стойко и бодро вел нас в бой. Я припоминаю один случай, когда т. Романов в деревне Фоминой остался в цепи один для того, чтобы поддерживать огонь и тем дать возможность отступить ребятам, а сам потом один прибежал через поле, которое было под обстрелом. Я хочу подчеркнуть то, что это такой парень, который боялся потерять любого из нас, но себя не жалел, и был беззаветно предан делу революции.

Н. В. АРХИПОВ

МНЕ ХОЧЕТСЯ ОСВЕТИТЬ БОРЬБУ ВОКРУГ Ругозеро и Ругозерского района, неразрывно связанную с общей борьбой за организацию Советов, — борьбой против местной контрреволюции, борьбой за организацию самообороны, самозащиты и, наконец, с той борьбой, которая впоследствии вылилась в действия наших партизанских отрядов против общего врага, окружавшего в тот момент Советский союз со всех сторон.

Несмотря на отсутствие связи между всеми партизанскими отрядами и отдельными частями отрядов, полное отсутствие связи с центром, которое уже отмечали отдельные товарищи, все-таки мы должны констатировать, — и тогда несомненно мы инстинктивно это чувствовали, — что мы ставили себе во всех углах

тогдашней Олонецкой и Архангельской губерний, ныне Карелии, одни общие задачи. Эти общие задачи сводятся к тому, о чем я уже выше говорил.

Ругозерский район отличался от других районов тем, что он находился в наиболее отдаленном углу, не имея никакой связи ни с Повенцом, который являлся советским центром и где в тот момент намечались контуры организации советской власти, ни с Мурманской железной дорогой, район не раз затруднялся, как ему поступить в том или ином вопросе. Ругозеро отличалось тем, что 1918 год был для него годом исключительного голода, и, кроме того, Ругозерский район находился в таком положении, что у него с одной стороны хозяйничала Финляндия, а с другой был англо-французский фронт.

Когда Сегежа была в руках белой армии, то Ругозеро находилось в тылу и мужественно охраняло интересы советской власти. Начальный период организации здесь Советов относится к 1918 году, к началу февраля-марта, т. е. к тому моменту, когда демобилизованная армия, насыщенная в известной мере большевистскими идеями, вернулась и потребовала разрешения насущнейшего вопроса —вопроса о переделе земли. В течение трех месяцев организовался Совет, и шла борьба за места в Исполкоме. Если сейчас советы собираются через каждые два года, то в тот момент мы собирали Совет каждый месяц. На одном съезде побеждали те, которые ставили задачи несколько иначе, чем большевики, на другом — большевики, на третьем снова одерживали победу другие, и так каждый месяц собирался съезд и избирался Исполком. Только благодаря удачному выявлению интересов большинства возвратившихся из армии, т. е. правильному разрешению земельного вопроса, разрешенного в той плоскости, что был сделан передел и зажиточная часть была лишена тех привилегий, которыми пользовалась по владению землей, удалось парализовать тех, которые не сочувствовали советской власти, и получить большинство в Исполкоме. Это было в период войны за организацию советской власти, когда в белой Финляндии пролетарская революция была подавлена и мы начали принимать бежавших из белой Финляндии рабочих и направлять их на Мурманскую дорогу.

Это пока не требовало никакой самообороны, но уже в апреле, даже уже в конце марта, мы получили известие, что Реболы заняты финскими частями и что колонны финнов движутся на Ругозеро. К этому времени Ругозерский район наводнили агенты белой Финляндии, в лице торговцев, просто знакомых, родственников, имеющих связь в районе; район насыщался листовками, велась порпаганда о присоединении к белой Финляндии. Это вызвало необходимость организаций обороны. В распоряжении небольшой группы большевиков находилось всего две винтовки и карабин, привезенные демобилизованными из старой армии.

В момент получения телеграммы из Повенца о занятии Ребол, по постановлению группы товарищей, был арестован активный

пропагандист Кормаков, и нужно было сделать некоторый маневр, дабы дать понять белым финнам, что у нас есть сила для их отпора. Мы продержали Кормакова два дня арестованным, забрали скот и на общем собрании граждан единогласно постановили — срочно командировать в Повенец за оружием, собрали между собой деньги на покупку и провоз этого оружия. На этом же собрании мы держали этого Кормакова в углу, чтобы он слушал то, что мы постановим, а через два дня отпустили его обратно. Он сообщил своим товарищам, что ехать в Ругозеро и наступать на Парандово нельзя, и они повернули через Ругозеро на Кемь. Конечно, мы через два дня не могли получить оружия. Мы послали наших представителей в Петрозаводск и позже уже получили винтовки. Но если бы белобандиты не поверили Кормакову и если бы мы не сумели его сагитировать, то они легко могли бы перейти через Ругозеро и наступать на Парандово.

Мы подошли вплотную к организации самообороны. По получении оружия мы организовались в отряд, — не партизанский, а отряд самообороны, — который насчитывал в своих рядах до тридцати пяти-сорока человек, и как раз на это количество нами было получено оружие. Несмотря на то, что белобандиты направились в Кемь, охрана Ругозера была необходима, в особенности после того, как белофинны получили урок в Кеми и расползлись по лесам, где, в Ругозерском районе, организовали отдельные налеты на деревни. Поэтому нашей задачей стало — охраняя Ругозеро, одновременно вести разведочную службу до Мунозера и Кимасозера. Была организована своя конная разведка из нескольких человек, которая должна была регулярно делать разведки из Ругозера вплоть до Мунозера и Кимасозера, в тыл, для того, чтобы своевременно предупредить возможное наступление белофиннов. В одной из этих разведок почтальоном Ереминым, впоследствии расстрелянным белобандитами, была захвачена почта.

Затем создался второй фронт — англо-французский. Сорока была в это время занята. Фронт передвинулся на Онду, и тут делегация за делегацией ходили в Ругозеро и настаивали на присоединении к тому движению, которое направлялось со стороны Мурманска. Поскольку в Исполкоме было наше большинство и поскольку отряд являлся настроенным против белых, эти настояния получили отпор, и на присоединение Ругозеро согласие не давалось. Однако перед праздником Петрова дня надвинулся определенно голод, все замерло, мы вынуждены были спешно организовать Революционный комитет бедноты. Ревком, не имея никаких указаний насчет действий революционной власти, вынужден был реквизировать весь излишек хлеба у населения. Таким образом он создал свой запас, так как со стороны Повенца мы за все время получили только четыреста пудов овса и стали распределять нуждающимся по шести-семи фунтов овса на неделю.

Так прошло самое голодное лето. Население не могло выходить на работу; оно вынуждено было питаться рыбой, корой, овсом. Появились болезни, больше тридцати человек умерло, на-

строение населения падало. В то же время со стороны Сороки приходили агитаторы, предлагали хлеб, консервы и белую муку. Все это, конечно, осложняло в Ругозере положение и работу советской власти. Тогда мы провели чрезвычайные меры по изъятию хлебных излишков, провели чрезвычайный налог, отобрали все деньги у зажиточной части населения и, таким образом, укрепили наше положение.

К осени, с наступлением темного времени, активные действия со стороны белых особенно развились. Со стороны белой Финляндии появились новые агитаторы, которые, под видом товара, везли целые возы листовок. Среди агитаторов оказался Мавроев, который был в Ругозере арестован и, вместе с хозяином, расстрелян. Белофинны не могли нам этого простить и организовали отряд «егерей смерти», которые сделали налет на Ругозеро и искали виновников расстрела Мавроева, чтобы покончить с ними. Не найдя их, они оставили письмо, что они еще приедут, что они не простят ругозерцам и что за это им придется расплатиться. Затем, в дальнейшем, усиленная агитация со стороны Сороки заставила отряд вновь стать на боевое положение, и уже с августа месяца была организована регулярная сторожевая охрана, и были свои командиры, взводы и отделения; товарищи ночью несли службу, а днем производили работы. Так протекала эта работа в течение нескольких месяцев. Не помню точно, в августе или сентябре мы получили возможность иметь связь с Паданами. По инициативе Повенецкого исполкома и В. Гурьева в Паданах был созван первый карельский съезд волостей. На этом съезде мы выбрали единую линию борьбы за Советы. На съезде выявились и предатели. Таким предателем оказался М. Агеев. После этого вся Кимасозерская волость, активно участвовавшая в борьбе против Финляндии, совершенно отошла от советской власти и присоединилась к белой англо-французской власти. Следовательно положение наше еще ухудшилось, изменялась и граница: по направлению к Сороке она шла в расстоянии километра, а в направлении к Финляндии — в пятнадцати километрах.

Такое положение заставило отряд нести сторожевую охрану и организовать общественное питание из тех же реквизированных продуктов, которые собирались в деревне. Понятно, что при такой атмосфере при необходимости активных действий против своей внутренней контрреволюции, против приспешников ее извне, внутреннее положение в Ругозере становилось напряженным. При охране реквизированного хлеба мы в сентябре месяце потеряли убитым на месте одного бедняка, члена Комитета, охранявшего хлеб для партизанского отряда. Это убийство было совершено внезапно и в то время осталось, несмотря на следствие, невыясненным, но сейчас становится ясным, что оно было организовано в своей среде, даже участниками самого отряда.

В декабре месяце 1918 года был созван чрезвычайный Съезд советов. Понятно, что атмосфера была такова, что отдельные руководители отряда чувствовали, что мы находимся в весьма опасном положении, в котором нас могут каждую минуту захватить.

Одни настаивали на присоединении к белой Финляндии, другие — к англо французским интервентам.

Как только Съезд окончился, на Ругозеро было организовано наступление со стороны англо-французов. Финляндия больше никаких действий не предпринимала, но понятно, что все наши посты, все, что творится в Ругозере, где какой отряд, сколько сторонников Советов — все было им известно, и все наши, даже тайные, планы были известны неприятелю. Он сделал несколько наступлений к Ругозеру и в один прекрасный день, с 1-го на 2 января 1919 года, окружив Ругозеро, ждал, когда мы снимем посты. В конце концов они охватили с трех сторон Ругозеро, разогнали Совет, убили одного товарища и оккупировали Ругозеро. 2 января 1919 года Ругозеро пало. В момент занятия Ругозера четырем товарищам удалось бежать. Один из них был убит. Нам удалось бежать только поздно ночью, скрываясь преимущественно в женском платьи. Ночью нам удалось пробраться сквозь строй белобандитов и оккупантов и уйти к красным.

Такова краткая характеристика борьбы за Советы в Ругозерском районе. После того, как Ругозеро пало, 6 января оно было вновь занято красными частями, а 9 января пало надолго. Уцелевшие товарищи были направлены в распоряжение Повенецкого исполкома, и в момент организации Гурьевского отряда остаток его в числе трех человек, в том числе и я, влился в Гурьевский отряд и оперировал противо англо-французов на Мурманском фронте. После того как фронт был в 1920 году очищен, товарищи при помощи Красной армии вернулись вновь, организовали Совет, но сделать того правильного вывода, который нужно было сделать из итогов нашей деятельности 1918 года, не сделали. Контрреволюция не была обезглавлена, и в период Карельской авантюры, в 1921 году Ругозеро было на особом счету белобандитов. 6 ноября 1921 года, во время торжественного заседания по случаю годовщины Октябрьской революции заседавший здесь коллектив в числе одиннадцати товарищей, был захвачен белобандитами и в присутствии всех граждан расстрелян. Товарищи, правда, пали не в момент организации Советов в 1918 году, а пали от рук тех же палачей в 1921 году, но несомненно — этот их расстрел имеет связь с той работой, которую они провели в 1918 году.

Повторяю: несомненно — они расстреляны за свое активное участие в 1918 году. Ошибка их была та, что они не сумели обезглавить контрреволюцию в 1920—21 году. Все те активные контрреволюционные элементы, которые в 1918 году организовывали сопротивление, в 1920 году были оставлены на местах, и они расстреляли наших товарищей при первом же благоприятном случае в 1921 году.

Такова краткая характеристика бывшего положения в Ругозере. Можно было бы много рассказать, ряд отдельных эпизодов, может быть маленьких, но в то же время очень важных.

Несмотря на то, что условия были невероятно трудные, что не было никакой связи с отдельными отрядами, а также связи

с советским центром, отмечалась военная неграмотность, — сторонники большевиков, впоследствии партийцы, сумели правильно поставить себе задачи, за которые они боролись и умирали, которые защищали и которые совпадают со всеми теми задачами, которые ставили другие товарищи, организовавшиеся в тот момент в партизанские отряды против контрреволюции в борьбе за Советы. Ругозеро имеет право быть отмеченным в этой общей цепи историко-революционных событий организации советской власти, борьбы против контрреволюции. В Ругозере погиб целый ряд товарищей, которые расстреляны, но его неоценимая заслуга — в том, что здесь белая Финляндия в то время получила первый отпор со стороны северной Карелии.

Ф. И. ЕГОРОВ

Я ЗДЕСЬ ХОЧУ СКАЗАТЬ О ДЕЙСТВИЯХ ОЛОНЕЦКОГО отряда. Незадолго до выступления белофиннов у нас, в Олонецком уезде, было два больших события. Первое событие — это два восстания в 1918 году и второе событие — это переворот, когда мы захватили власть от левых эсеров и меньшевиков. Надо сказать, что организация левых эсеров была наиболее сильной организацией в бывшей Олонецкой губернии. Те из них, которые у нас в тот период после восстания остались, были освобождены из тюрьмы кулаками и перебежали в белую Финляндию, а кулацкий элемент не получил достаточного возмездия за восстание. Этот элемент и явился той силой, на которую в известной степени опирались сторонники «Великой» Финляндии у нас, внутри Карелии. Кроме того, важным обстоятельством является тот факт, что белофинны опирались и на русское купечество, а что это так — это доказывается всем ходом развернувшихся событий, тем, что белофинские капиталисты заключили самый тесный союз с русскими купцами в Олонце. И, таким образом, шел разговор насчет освобождения Карелии. Это русское купечество, чиновники и всякая шваль, заключившие союз с белофиннами, меньше всего думали о свободе Карелии; они же были противниками свободы и самой Финляндии.

Первое известие о появлении белофиннов в Олонецком уезде мы получили как раз на Пасху. До того времени у нас не было достоверных данных о том, действительно ли они выступят и в какое время. Но сведения о том, что активность там усилилась, мы имели, были разговоры, ходили слухи, что предполагается выступление, и нами на свой страх и риск было объявлено осадное положение. Однако, мы не имели права этого делать без ведома Ленинградского военного округа, к которому относился Олонецкий уезд. Сведения о свершившемся выступлении, о том, что бой идет в Тулоксе, в тридцати пяти километрах от границы, уже в глуби уезда, застали нас врасплох. Мы были неорганизованны и, в отношении боевой подготовки наших сил, мы оказались неподготовленными. У нас, кроме пограничных частей, еще стоял 171-й полк. Надо сказать, что наши советские учреждения также оказались неподготовленными. Многие ушли «в гости», так как дело

было на Пасху, и очень мало товарищей оставалось в городе. Мы сговорились с комиссаром полка Кимундрисом, что он проедет в Тулоксу, а я останусь в Олонецке для организации сил.

Нами сразу был организован отряд. По получении сведений, я бросился на телеграф, чтобы сообщить в Петрозаводск, но телеграф, который идет по линии Олонец — Лодейное Поле — Петрозаводск, оказался прерванным: повидимому, по линии Олонец — Лодейное Поле стало неблагополучно. Тогда я послал одного за другим двух ординарцев верхом, с наказом — во что бы то ни стало добраться до Лодейного Поля и сообщить телеграфом в Петрозаводск. Отряд сформировался из части караульной роты, которая оставалась в Олонце, затем коммунистов городской организации и трех ближайших волостных организаций, которые мы успели собрать, затем части советских служащих, которых мы мобилизовали. Первоначальная численность отряда составляла двести девяносто восемь человек — количество довольно порядочное, но надо сказать, что часть из них уже при выступлении из Олонца оказалась враждебным элементом. Семьдесят человек из них перешли к белым. Надо сказать, что незадолго до того, как мы отправили ординарцев в Лодейное Поле, были получены сведения о том, что бои идут уже в Мегреге, в двенадцати километрах от Олонца.

Между тем у нас шло обучение людей, так как многие не умели владеть оружием, и, одновременно, мы расставили людей в сторожевые заставы, так как противник занял Ильинское и шел дальше. В конце концов белофинны постепенно вытесняли части 171-го полка и заняли позицию, примерно, радиусом в два километра от Олонца, причем все три направления: со стороны Верховья, Ильинского и Мегреги были уже заняты противником.

Нами в этот период был организован Совет обороны, который просуществовал, примерно, сутки. В него входила часть товарищей: командир 171-го полка Стариков, Никитин, Текстер, Кимундрис и я.

Надо указать на анекдотический случай: мы были до такой степени утомлены, — так как мы совершенно не спали, и это при напряженной обстановке работы, в окружении со всех сторон противником, — что, собравшись ночью на заседание Совета, все товарищи уснули за столом, за исключением командира полка Старикова. Тов. Никитин выстрелом в потолок разбудил нас.

На этом совещании мы решили пробиваться в лодейнопольском направлении. Часть отряда, примерно пятьдесят-шестьдесят человек, была выделена в ильинском направлении, в помощь 171-му полку, мы же, собрав остальную часть, пошли в направлении Кошнаволока, где был противник. Часть ехали верхом, остальные шли сзади. У меня был помощник т. Томашевский, бывший офицер, и т. Текстер в качестве советника. Красноармейские части поодиночке и группами отступали, и тогда разными мерами пришлось их призывать обратно. Потом мы бросились верхом и увлекли своим примером красноармейцев. В дер. Кошнаволоке мы нанесли белым удар и заставили их отступить. Они попы-

тались задержаться в Юргелицах, но здесь мы снова ударили на них, и они, под угрозой нашего наступления, в панике отступили, побросав амуницию, и ушли через реку на другую сторону. Часть 171-го полка, часть нашего отряда и пулеметная команда пошли в мегрегском направлении, а наш отряд пошел на другую сторону за противником, и мы заняли дер. Верхинема. На другой день получили приказ занять деревню Сармяги и Обжу. Мы заняли их, и наша разведка достигла берега Ладожского озера. В этот период у нас возникла мысль, пользуясь знанием местности, пробраться лесными тропинками в тыл белых с остороны Тулоксы, хотя передвигаться в то время было очень трудно, потому что была весна и были сильные разливы. В одном месте, по дороге на Обжу, пришлось итти в ледяной воде, но в период заморозков можно было пройти болотом и тропинкой; и вот с этим планом мы решили, что это будет правильно. Я выехал в штаб полка и договорился, что это можно будет сделать, но потом, когда я выехал обратно, меня догнали и сказали, что этого делать нельзя, потому что наши отступают и Олонец отдан белым. Бой шел у Юргелиц, с другой стороны. Мне было приказано занять позицию в Верхинеме. Заняв Олонец, белые расстреляли наших раненых в количестве нето двадцати восьми, нето восемнадцати человек. Надо отметить, что, отступив, 171-й полк не поставил нас об этом в известность, и мы, заняв дер. Верхинема, выставили заставу в другом направлении, совершенно не предполагая, что Мегрега находится в руках белых. Послали людей в штаб, для связи. Сперва одного послали — не вернулся, потом еще двух послали — тоже не возвращаются; таким образом мы послали человек семь или восемь. Тут мы поняли, что дело неладно, и выставили секреты в сторону Мегреги. Оказывается, она была занята белыми — посланные нами попали к белым. Ильинский учитель Репников был расстрелян. Отряд находился в тяжелом положении. Некоторые, пользуясь темнотой, удрали в Лодейное Поле. Один товарищ, Васильев, под утро вернулся: он нарвался на белых. На мосту он встретил часового белых, но, зная финский язык, объяснился с ним и прошел на ту сторону, а утром вернулся к нам в отряд и сообщил обо всем. Мы обсудили создавшееся положение и решили, отступить. Для наступления у нас не было пулеметов. Вывел нас из положения крестьянин этой же деревушки, фамилии не помню. Перед Мегрегой есть кладбище. Там была белая застава; она по нам стреляла, но мы проскользнули. В другой деревне — Инемский Мост, стояла наша пулеметная команда и части 171-го полка на защите со стороны Мегреги. Группа товарищей, которая шла в разведку, сначала была обстреляна своей же заставой.

В тот же день, вечером, белые атаковали позиции 171-го полка, который занимал дорогу и стоял несколько левее от нас. И мы опять отступили, причем общее отступление было остановлено у дер. Александро-Свирское, где была выставлена сторожевая охрана.

Сюда было прислано подкрепление: 47-й стрелковый полк, Вознесенская рота, финский красный полк и Лодейнопольская

рота, так что сила в количественном отношении была порядочная. Позиции на этот раз здесь занял 47-й полк. На другой день белые пошли в наступление, и 47-й полк отступил. Когда мы узнали об атаке белых, то наш отряд также вступил в бой, который продолжался здесь около двух часов. Нами была выделена особая группа товарищей в засаду, на случай прорыва, во главе с Павлом Егоровым, причем, когда наши отступили и группа попала в тяжелое положение, многие из них, в том числе т. Егоров, были убиты. Бой закончился отходом к дер. Канома на Свири.

На другой день отряд выступил в направлении на Александро-Свирское. Многие в этот период дрогнули, и не все выступили. Тут мы заняли позицию в шести километрах от Александро-Свирского, где и окопались, а затем выслали разведку в направлении Александро-Свирского. На утро выяснилось, что белые поспешно отступили к Мегреге, где укрепляются. В тот же день 1-м красным финским полком дер. Александро-Свирская была занята. Мы с т. Текстером выезжали в штаб фронта к т. Шатову. У нас в Лодейном Поле был народ, который стянулся с разных концов. Мы сколотили группу товарищей, примерно в пятьдесят человек, в качестве пополнения к нашему отряду.

30 апреля отряд, соединившись с 1-м красным финским полком, двинулся к Мегреге и 1 мая около 8 часов занял позицию на правом фланге. На тракте к Мегреге мы вступили в бой, причем центральная группа доходила почти до самой изгороди, на расстояние в двести шагов от деревни, но нас не поддержал левый фланг, где были Лодейнопольский и Вознесенский отряды. Бой был довольно сильный, продолжался он часа три-четыре, причем мы вынуждены были здесь отступить. Центральная группа держалась довольно долго, в том числе т. Текстер, который был ранен, но долго отстреливался. Видя, что толку нет, мы должны были отойти. В этом бою мы потеряли довольно большое количество людей, но большие потери понесли здесь и белофинны — очень многих увозили потом в гробах. Белофинны всех убитых увозили в Финляндию.

Тут отряд получил от штаба разрешение на отдых. Отдохнув до следующего дня, приняли участие в бою у деревни Судалицы. Один взвод был двинут на поддрежку 47-го полка, а второй направился наперерез пути противника. В результате этого боя был, в ночь на 5 мая, занят гор. Олонец. Впоследствии один взвод отряда был дан на помощь 1-му красному финскому полку, который сдержал начавшееся новое наступление противника. Наш отряд вместе с красным финским полком повел бой, но мы вынуждены были отступить к дер. Мегреге, где несли сторожевую охрану.

После занятия вновь Олонца отряд находился в распоряжении штаба. Надо сказать, что Олонец три раза переходил из рук в руки.

О напряженности действий не только всего отряда, но и частей его, которые приняли на себя первые удары белофиннов, можно судить по тем потерям, которые отряд понес людьми. За

период этих боев мы понесли потери: убитыми двадцать семь человек, ранеными — шестнадцать, без вести пропавшими — пятнадцать. Пропавшие без вести — это в большинстве товарищи, погибшие в лесах, болотах, — товарищи, которых мы не могли в той обстановке подобрать, и они похоронены крестьянами. Таким образом, общее количество потерь в отряде — пятьдесят восемь человек. Если учесть, что у нас были оставшие и перебежчики на сторону противника и что некоторые из них впоследствии играли пассивную роль, то всего в отряде насчитывалось около ста пятидесяти человек. Потери в нашем отряде были довольно значительны — около 40%.

Громадные потери понесла и наша партийная организация. Партийцы, разбитые на три отряда: Видлицкий, Тулмозерский и Олонецкий, застигнутые во многих местах врасплох, были частью расстреляны, а частью погибли в боях. Количество павших товарищей из партийной организации насчитывается до двухсот человек. В то время партийная организация в Олонецком районе была большая, гораздо больше даже, чем теперь. В Видлицкой волости партийные организации даже были при многих сельсоветах.

ЛОБСКИЙ

Я ЗДЕСЬ РАССКАЖУ О ВИДЛИЦКОМ ДЕСАНТЕ и разведке. Расскажу, как при помощи Видлицкого десанта был освобожден весь фронт, начиная с Ладожского и кончая Онежским озером.

В апреле месяце 1919 года впервые было занято село Видлицы. Пограничная часть была маленькая, и как раз в дни Пасхи пограничники были уволены домой в ближайшие деревни. На второй день Пасхи, утром вторглись белогвардейцы. Один милиционер, Герасимов, заметил идущих белогвардейцев, побежал в штаб, где был только комиссар. Герасимов доложил об этом комиссару. Тот вскочил, поднялась тревога. Комиссару удалось убить командира белогвардейцев. Местные товарищи собрались и стали толковать о необходимости вооружиться, прошли в штаб к т. Розову, который вооружил человек двадцать, и мы направились в разведку. Часть товарищей, которые были невооружены, заняли видлицкую церковь. Мы послали две партии разведчиков, по три человека, в Олонец с сообщением, что на Видлицы наступают белые. В это время белогвардейцы наступали на Олонец с двух сторон. Наши разведчики пропали без вести.

Мы засели в церкви.

У белогвардейцев были небольшие пушки, пулеметы, у нас были топоры. Часть товарищей ушла из церкви, чтобы дать знать в Олонец, остальные остались ждать поддержки из Олонца.

22 апреля белогвардейцы подорвали церковь. Наши насколько могли отстреливались. Белогвардейцы многих расстреляли около церкви. Этим они подняли дух населения, которое подготовляло тыловые позиции против белых.

В Олонце нам удалось примкнуть к отряду, и мы вместе с ним

вели бой, когда освобождали Олонец. Мы не знали, что творится в Видлицах; носились слухи, что наши семьи будут расстреляны. Тов. Гаврилов убежал от мобилизации белых и поехал на лодке за сорок километров. Потом Гаврилов ушел в разведку. Резведка была удачная, но мы были дважды под обстрелом.

В разведку мы ходили тайно от всех, так что даже наши товарищи не знали, куда мы идем. Наши семьи передавали нам многое, и мы усиленно работали в тылу, подготовляя внутреннее сопротивление белым.

Ружейный мастер, которого мобилизовали белогвардейцы, умышленно во время починки приводил в негодность оружие: снимал пружины в винтовках, при ремонте автомашин вынимал шарики из втулок, а без шариков загорается ось. Все это делалось в ожидании наступления красных, чтобы белые не могли нас обстреливать.

Наша разведка продолжалась с неделю. Затем я и т. Медников явились в штаб к военному командованию с донесением обо всем виденном. Когда мы пошли на фронт с двумя ротами красноармейцев, десантом командовал т. Рахья. У нас были две миноноски и буксирный пароход. Проплыв к устью Тулоксы, мы подошли к Видлицам.

Белые стрелять не могли, так как, ружейным мастером были испорчены их орудия. Красные стреляли согласно указаниям разведчиков; разбили только два дома, где был штаб белых, и в два часа утра белым пришлось из древни Видлицы бежать почти что голыми.

Там, где находилась белая застава, высажена была одна рота. Завязался бой. Белым пришлось бежать также из ближних деревень. Бо́льшая часть деревень, сочувствовавшая красным, встречала красный десант. Подошли еще маленькие канонерки, на которых находились наши разведчики; они стреляли в воздух, а по домам не стреляли. Белые удрали, и красные заняли деревню. У нас был ранен один человек. Белогвардейцы лишились своего генерала. Едучи по дороге, генерал говорил, что красные хорошо стреляют.

Таким образом, 22 июня Видлицы были заняты, однако связи с Олонцом еще не было, так как в Тулоксе находились белые. Красные сидели в окопах, нужна была большая подготовка, так как белогвардейцы не давали видличанам покоя, поскольку оставалось всего три километра нейтральной зоны.

В общем, белые занимали Видлицы два месяца и один день. После этого мы стали собирать старых, сочувствующих нам товарищей. Соседи нам рассказали, что семнадцать человек были расстреляны белогвардейцами. Среди них был один товарищ — партийный организатор, рабочий Путиловского завода, Розенштейн, который в 1918 году поднял на ноги нас, крестьян, сочувствующих Советам. Он был первым организатором в Видлицах. Затем был убит один слесарь Путиловского завода.

Проходили месяцы, и белогвардейцы не давали нам покоя. Осенью, около 20 октября белогвардейцы начали наступать на дер.

Кавай-наволок. Красные роты оставили окопы. Мы получили телеграмму — выйти на фронт. Выступило на фронт шестьдесят человек. Заняли деревню Кавай-наволок. Четверо суток мы находились в окопах; просили, чтобы командование разрешило занять Пограничные Кондуши. Сначала это было нам разрешено, а потом пришло извещение, чтобы их не занимать.

Пограничные Кондуши оставались в руках белых до весны 1920 года. Партизаны не могли с этим примириться, и весной на одном собрани было постановлено пойти в Пограничные Кондуши. Военное командование разрешило занять Кондуши, чтобы отогнать белых от границы. Партизаны открыли действия, находясь на казарменном положении. Так у нас проходит время до 1921 года. В конце ноября 1921 года центральной властью проводилась вербовка лыжников-добровольцев. Мы проводили вербовку лыжников по волостям. В то же время белогвардейцы, узнав об этом, послали через границу свои отряды. Когда происходивший в то время съезд узнал, что неизвестные лыжники проезжают по территории Олонецкого уезда, решили часть товарищей командировать на поиски белогвардейцев. Отряд собрался ночью. В отряде числилось двенадцать человек. Мы напали на след белогвардейцев, которые намеревались взорвать Свирский мост, чтобы прервать работу Мурманской железной дороги.

ПАЛЛАЕВ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕДАТЬ О СОБЫТИЯХ, ПРОисшедших в Видлицах, связанных с нашествием банд белофиннов в 1919 году, я считаю своим долгом сказать о значении и роли т. Розенштейна, о той роли, которую он сыграл в организации Видлицкого отряда и в организации ячейки партии в пределах Видлицкого района. Розенштейн был рабочий Путиловского завода, член партии с 1905 года; был в ссылке, в тюрьмах, направлен в Видлицы после Октябрьской революции рабочими Путиловского завода как председатель контрольной ревизионной комиссии по лесным делам общества Путиловских заводов. До приезда т. Розенштейна в Видлицкий район организации гражданской коммунистической ячейки на месте не было. Была ячейка, но военная. Вообще, что касается советских властей, то, надо сказать, за небольшим исключением, особенной активности не было. Под председательством т. Розенштейна был организован в Видлицах коллектив численностью до двадцати двух человек. В общем, была закреплена — в организационном понимании этого слова — система советской власти.

Готовились к празднику Пасхи. Это было в апреле 1919 года. Ничто не предвещало событий, которые развернулись на второй день Пасхи, когда утром, около шести часов утра, разведка белофиннов впервые заняла Видлицкий завод. Розенштейна в это время ни на заводе ни у себя на квартире не было. Мы с ним условились пойти на охоту, но я собраться не мог, и он пошел один. Вероятно белые были осведомлены, что т. Розенштейн находится здесь, но не нашли его, хотя искали. Когда бе-

лая разведка отступила с завода, мы дали телеграмму, но связь была прервана и телеграмма не достигла назначения. Около десяти часов утра, совместно с отрядом пограничников, было созвано собрание, на котором решили дать отпор наступающим белобандитам. Красногвардейцев собралось человек двадцать, а винтовок у нас было всего семь-восемь штук. Мы по очереди несли винтовки. Хотя вскоре мы окончательно выяснили, что со стороны белых нет организованного наступления, а это просто бандитский налет, но надо сознаться, что со стороны военного комиссара Розова нам не было оказано должного внимания, в нашем отряде достаточного военного руководства не чувствовалось.

Должен сказать, что часть кулаков о нашествии белых знала еще до их наступления. Мы предполагали, что это налет, и вследствие этого ограничились принятием кое-каких мер, исходя лишь из необходимости дать отпор.

Около трех часов вечера, когда разведка, направленная на завод, вернулась и когда выяснилось, что белофинны наступают, мы около Видлицкого моста, который переброшен через реку Видлицу, приняли бой, но вынуждены были отступить. В это время командир отряда т. Розов ушел в разведку и после этого к нам не вернулся. Мы остались без командира. Уходя в разведку, он не передал командования Быкову, которому он не доверял, и, когда белофинны напали, мы вынуждены были укрыться в церкви, так как иного выхода у нас не было.

В момент организации отряда для того, чтобы связаться с находящимися в селе Тулоксе товарищами, мы направили двух красноармейцев для связи. Мы же, оставшиеся, считали, что следует обождать прихода помощи и, в то же время, постараться задержать движение белофиннов. Около десяти часов вечера белые подошли к церкви и предложили нам сдаться. Мы отказались. Около одиннадцати часов они открыли стрельбу по церкви из орудий. Мы при помощи тех ружей, что у нас были, кое-как отстреливались. Было у нас винтовок и патронов очень ограниченное количество. А тут еще оказалось, что у нас немецкие винтовки, а патроны — русские. Около двенадцати часов ночи по предложению Быкова устроили товарищеский обмен мнений. Быков предложил выйти из церкви. Розенштейн настаивал на том, чтобы до прихода помощи не выходить. Быков подчинился его решению.

Ночь темная, впереди — жуть неизвестности. Мы чувствовали, что кольцо противника сжимается. Это было около трех часов ночи. Быков предложил из церкви отступить. Другие отказались, и около трех часов ночи он пустил себе пулю в лоб. Около пяти часов утра выяснилось, что патронов у нас и ста штук нет, так что нам приходилось реже отвечать на стрельбу противника. Около шести часов утра белые опять подошли вплотную к церкви, подложили пироксилиновые шашки и подорвали один угол церкви.

После того как Быков покончил самоубийством, мы разделились — шесть человек, в том числе Розенштейн, я, Ананьев, Миккоев, ушли на колокольню, другие остались внизу. Когда белые

произвели второй взрыв, лестница на колокольню рухнула, и около семи часов утра мы уже потеряли всякую связь с низом. Что после этого там делалось, мы не знали. Белых было убито два человека; один лежал на церковной паперти, другой — около церкви.

Около десяти часов утра мы увидели неприятельский аэроплан. Перед этим белые сделали нам в третий раз предложение сдаться, причем взорвали предварительно два угла церкви. Находящиеся внизу товарищи, — их было семь человек, — не выдержали этого положения и, когда белые стали забрасывать церковь гранатами, сдались. Вследствие того, что белые не могли добраться до нас, они предложили нам сдаться. К тому времени у нас оставалось всего три винтовки, ружье и наган, в котором осталось три патрона. Белые подошли к церкви. Кто-то крикнул, что там пулемет, которого и близко-то не было, и они разбежались. Аэроплан не долетел до церкви: он потерпел аварию.

Наконец, мы пришли к выводу, что нужно сдаться. Аронов тут же застрелился. Несколько позже застрелился Германов.

Вышли мы из церкви около трех-четырех часов вечера. Розенштейн застрелился на колокольне. Он сказал, что, когда последний из нас спустится, он сам пустит себе пулю в лоб. Между тем он был там в сравнительной безопасности, потому что пробраться туда было нельзя.

Нас пять человек спустилось вниз. Белые нас избивали. После этого нас повели в штаб. В это время нас окружили наши сторонники и чужие, и передали нам, что наших товарищей поблизости расстреливают. Однако нас пятерых, в силу каких-то соображений, не расстреляли. На второй или на третий день нас, человек десять-двенадцать, в том числе Егорова, Денисова и других товарищей, собрали и погнали на кладбище. Там нам дали топоры, ломы и лопаты и сказали: «ройте могилы». На наш вопрос: для кого? — нам ответили: «может быть сами ляжете». Так как земля была мерзлая, мы рыли могилы с десяти часов утра до четырех вечера. Мы были уверены, что живыми отсюда не выйдем, так как конвой стоял тут же. Но вот прибегает вестовой, отзывает офицера в сторону, и офицер уходит в штаб белых. А мы уже были раздеты. Затем нам сказали, что сегодня нас не расстреляют.

На другой день над нами — уже не двенадцатью, а примерно тридцатью пятью — устроили суд-комедию, и смертную казнь заменили другим, послав на работу в Олонец. Пришли мы туда. В это время как раз красные сильно наступали, шла орудийная пальба. Командующий белыми нам передал, что взамен работы мы должны воевать с красными. Мы заявили, что воевать мы ни с кем не хотим. Он два раза предлагал и в последний раз заявил: «Вам дается на размышление десять минут. Если откажетесь сражаться, мы вас расстреляем». Для того чтобы подтвердить свои слова, командующий вызвал карательный отряд. Мы подумали-подумали и решили, что лучше, чем стать бесцельными жертвами, пусть нам дадут оружие, а когда понадобится, мы возьмемся за него. Поэтому мы согласились, и нас через полчаса погнали на Обжу. Мы предполагали, что этот наш отряд в тридцать пять человек там

и будет оперировать. Когда мы прибыли туда, то решили — если поставят караульными около пулемета — попытаться завладеть пулеметом. Но нас не только никуда не послали, а еще приставили к нам охрану, потому что увидали, что никакой пользы от нас нет, и сказали: «Поезжайте в Ильинское, в тот отряд, который направляют в Олонец».

В Обже был брат Николаева, который брался нас провести болотом на Инемский мост, но это не удалось, и мы вернулись в Ильинское. Не доходя одиннадцати километров до Олонца нам вдруг заявили, что там много красных. Возникла суматоха. Все смешались, мы решили, что теперь — самый подходящий момент, чтобы удрать. Часть из нас: Ермаков, Германов, Макаров, Миккоев М. ушли отдельно, остальные же наши товарищи, бывшие в числе тридцати пяти человек, тоже ушли — ушли самостоятельно и попали в другую группу. В общем всего нас ушло человек двенадцать-четырнадцать.

Когда несколько успокоились, начали строить отряд. За ними была послана погоня, но никого не могли поймать. Из убежавших пять человек считали, что нужно пойти на Олонец. Германов, Макаров настаивали, чтобы итти в Видлицы. После таких испытаний, как мы перенесли, когда пришлось рыть себе могилы, мы с Ермаковым заявили, что не пойдем туда, и их отговаривали. Они однако не послушали нас и направились на Видлицы. В Тулоксе бывший председатель сельсовета Петров Ф. И. их задержал и передал в штаб белых. Не доходя трех километров до Видлиц, Макаров, Германов и Гаврилов были расстреляны в лесу. Мы этого избежали, потому что взяли направление на Олонец. В Олонец мы попали лишь через день, так как нужно было итти болотами через Туксу, через Ильинскую горку. Мы явились в Революционный комитет и были прикреплены к штабу, который находился в Александро-Свирском, — к штабу 1-й бригады, для разных поручений, так что на Олонецком участке, — чисто боевом участке, — мы участия в боях не принимали.

При обороне Видлиц, отсиживаясь в церкви, мы думали — и правильно, — что, задерживая здесь белых, дадим возможность сорганизоваться нашим товарищам в Олонце. Если бы белые знали наше снаряжение, наше количество патронов и пулеметов, что у нас были, они не задержались бы на этом участке и оставили бы нас там, так как впоследствии мы все равно вынуждены были бы сдаться. Они были убеждены, что у нас снаряжение лучше и его значительно больше, чем на самом деле оказалось.

Тов. Розенштейн, участник и активный создатель нашего отряда, был одной из ярких фигур в деле организации и укрепления советской власти на окраинной полосе, на границе с белой Финляндией. В память его в городе Ленина, около улицы Стачек, одна из улиц названа именем Розенштейна, а в Видлицах, на том месте, где его, мертвого, сбросили с колокольни, открыт клуб. Я думаю, что партизаны Видлиц, когда это потребуется в момент окончательной схватки с капиталом, вспомнят старые традиции и постоят за завоевания великих Октябрьских дней!

Пряженская группа красных партизан

Кестеньгская группа красных партизан

Пудожский отряд красных партизан

Группа комсостава красных партизанских отрядов Карелии

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ЛЕОНТЬЕВ

НАШ ОТРЯД БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ — ВСЕГО ТРИдцать шесть человек. Перед Пасхой приходит военный комиссар и объявляет, что нужно отправиться совместно с флотилией на фронт. Вечером в клубе записалось тридцать шесть человек. На второй день нас отправили в Сулаж-гору и объявили, что наша задача итти на Пряжу. Когда мы пришли на Пряжу, нам было дано новое распоряжение отправиться в Мангу.

Мы здесь держались тридцать шесть часов. У нас было шесть пулеметов и порядочное количество гранат. Нашим заданием было взорвать мост, но мы не смогли этого сделать, потому что нас обстреливали с обеих сторон. Прошло уже больше суток, как мы получаем сообщение, что нас окружают в Пряже, так как подходят белофинны.

Мы пришли в деревню, — не помню какая. Пришлось остановиться и итти в разведку. К ночи нас начали обстреливать со всех сторон. Мы с т. Авдеевым направились в разведку и с нами пошел командир красного финского отряда т. Вастен. Вооружились гранатами. Только что мы вышли за деревню, как нас встретила белофинская разведка. Начали бросать гранаты, пошла стрельба. Пришлось налаживать передвижение по речке. Мы захватили всех лошадей, и отправились в деревню Пряжу, куда прибыли к трем часам ночи. Здесь мы окопались, и белые не успели подойти.

Мы охраняли правый фланг от белобандитов и позицию держали довольно порядочное время. Никто не падал духом. Когда у нас было убито двое товарищей, мы заявили, что за них отомстим.

К вечеру пришлось отступить от Пряжи; у нас оставалось тридцать пять человек, двое было ранено, несколько заболело и в конце концов осталось всего двадцать шесть человек. Часть стала отступать в дер. Матросы. Наш командир, Зеленин, был очень молод, но у него все-таки было военное образование. Мы же толком никого ничего не знали. Нам красноармейцы как-то говорили: «в случае чего окапывайтесь».

В ту ночь мы отступали до дер. Матросы. Там собралось много войска, но местное кулачество из деревни Манга мешало нам. Братья Балахоновы указали нам путь: «если дер. Матросы отрежут, — говорили они, — то можете прямо на Петрозаводск итти». Помню, в разведку поехало четыре товарища, чтобы посмотреть, что в Пряже делается. Из них вернулись лишь двое.

К нам должен был подойти полк моряков Ленинградского военного округа. Он дошел до Сулаж-горы. В то время была распутица, все были плохо одеты, трудно было итти дальше. Наши надежды рухнули, а тут мы получаем известие из дер. Половина, что подкрепления нет.

Мы все-таки кое-как держались. Когда подошли к Сулаж-горе, один товарищ из Онежской флотилии был назначен комендантом, и ему пришлось заботиться о переброскаx и продовольствии.

Многие из заонежцев рвались на заонежский фронт, чтобы отомстить за своих товарищей, но отряд не пустили. Т. Ширшин говорил, что кто куда назначен, там и должен находиться. 8 ноября я вернулся из Пудожа, и пришлось делать высадку.

Когда мы отступали с Кижского полуострова, то там погибло немало товарищей — красных финнов и наших партизан. Зверски расстреляли двух командиров: одного ротного, другого взводного. Два брата Кургачевы были увезены в тыл. Местное кулачье заявило, что их нужно истребить. Белые, обоих братьев расстреляли. Мы должны найти виновных и воздать им по заслугам. Мне пришлось также высадку делать с отрядом Спиридонова, затем я делал десант в Пудожской горе, потом в Кузаранде.

В июле, когда я узнал, что у меня расстреляна семья из четырех человек, я стал проситься в отряд, но комиссар флотилии Лудри сказал, что я не имею права покидать свой пост: куда меня отправили, там я, мол, и должен быть. На острове был высажен отряд наших моряков вместе с Кузьминым.

Когда пришли в Толвую, я просил т. Матсона дать лошадь, чтобы съездить к семье. Когда я вернулся, то нами было получено от начальника штаба распоряжение — высадиться вблизи Шуньги. Когда мы пришли к Диановым Горам и высадились в тыл, отряд свое дело сделал.

В районе Шуньги были расстреляны, в присутствии их матери, два брата Беловы. До сих пор виновники ходят на свободе и не наказаны. Впоследствии мы отправились в Воров-губу. Было дано задание занять Повенец и пройти реку.

Много кое-чего можно порассказать о наших товарищах. Хорошо сражался полк т. Вастена. Когда я его встретил, то он говорил, что от полка почти никого не осталось, — все погибли.

Контрреволюционеры зверски расправлялись с захваченными партизанами. Воронов расстрелян, Шабаев был избит. Т. Мартынов погиб во время Кронштадтской авантюры; его семья получает пенсию. Тт. Копыкин и Крюков расстреляны. В отряде у нас сражался и т. Порхин, комиссар Великогубского исполкома, и т. Картагонов (впоследствии вышел из партии, но был стойкий боец).

Но есть и другие, действовавшие совсем в другом направлении. Тут особенно близкое, горячее участие принимали братья Изотовы, которые расстреляли до двадцати человек; они ходят на воле. Есть такой молодец — Мелехов. У меня расстреляли трех теток и дядю, остальную семью посадили в лагерь.

ВЛАДИМИРОВ

ВОССТАНИЕ В ТОЛВУЙСКОЙ ВОЛОСТИ НАНЕСЛО громадный удар советской власти и военному командованию. Корни этого восстания возникли на почве классовой борьбы в то время, когда комитеты бедноты отбирали хлеб у богачей, когда проходила подготовка к организации Красной армии. Кулачье старалось сорвать эти меры, говорили, что большевики отбирают хлеб и делят между голытьбой. Затем, когда белые

заняли Руньгу, кулаки послали к ним делегацию — просить, чтобы они скорей взяли Толвую. Повстанцы из Фоймо-губы для агитации привезли англичанина и француза. Кучка богачей, под влиянием состоявшегося собрания, записалась в белые банды. Мне удалось в этот момент сообщить о собрании в Кузаранду, где был командир отряда Фролов. Собрание происходило в четыре часа дня в Фоймо-губе 23 мая. Отряд, высланный т. Фроловым, опоздал на этот сход. Здесь было свыше двухсот человек белых партизан; они обещали населению много белой муки, сахару и т. д.

У меня была возможность попасть, по заданию военного комиссара Ширшина, на разведку в Шуньгу, что я и сделал. Как участник Октябрьской и февральской революций я знал, где у нас друзья, где у нас враги. Я выяснил, что двести северян и местное толвуйское селение собралось итти на Великую Ниву, где стоял красный финский батальон в составе восьми пулеметов и одной батареи. Я повидал капитана Дедова. В ночь я постарался с тремя крестьянами удрать с Шуньги и все передал т. Ширшину, так что все козни, которые белогвардейцы нам готовили, благодаря нашей разведке им не удались.

После этого на второй день был большой бой в дер. Ергачевской. Благодаря тому, что местные кулаки знали все лазейки, партизанам было трудно держаться. Я не знаю, почему находятся на советских должностях братья Ждановы, которые руководили восставшими. Одного даже советская власть послала учиться на техника-строителя. Второй брат был бухгалтером в совхозе.

На нашей конференции говорили, что в будущей войне не будет тыла и фронта. Наша задача — подготовить к обороне нашу крестьянскую массу. В этом отношении я бы внес такое предложение. Мы имеем боевой опыт, умеем хорошо стрелять из винтовки, из пулемета, но мы мало развиты технически, именно мало знаем о химической войне. Я считаю, что нам необходимо этим вопросом заняться и организовать переподготовку красных партизан, хотя бы в добровольном порядке. Если мы пожертвовали три года на то, чтобы отстоять советские границы, то мы охотно месяц отдадим тому, чтобы изучить технику химической борьбы, чтобы передать приобретенные нами знания нашим трудовым крестьянским массам. Да здравствует общественная работа красных партизан среди трудящихся!

СПИРИДОНОВ

ТОВАРИЩИ, СТАРЫЕ БОЙЦЫ, СТАРЫЕ ВЕТЕРАНЫ за дело рабочих и крестьян! Прошло уже десять лет со дня освобождения Карельской республики и трудящихся Карелии от белого нашествия. Я давно искал случая поделиться тем, что было сделано в те дни.

Рабочие промышленного и революционного центра, города великого нашего вождя, — товарища Ленина, идея которого воплотилась в нас, выделили в тот тяжелый момент часть революционных сил в составе трехсот шестидесяти человек и послали сюда, для защиты границ Карельской республики.

Начало нашего формирования как отряда — это день Корниловского мятежа. После ликвидации авантюры Корнилова и Керенского мы возвратились на свои заводы и фабрики. Накануне пролетарской революции, когда была проведена известная подготовка, когда старые воинские части были на нашей стороне, рабочие срочно вооружились. Вот это время и было собственно началом вооружения рабочего советского войска, так называемой Красной гвардии.

Первое боевое крещение отряд 2-го района Ленинграда принял под Детским Селом, старым Царским Селом, занимая станцию и радиотелеграф. По возвращении отряд нес внутреннюю охрану города Петрограда, ныне Ленинграда. Наконец наступил тревожный момент — 26 февраля 1918 года, когда раздались призывные гудки фабрик и заводов и был брошен клич: «Советская Россия в опасности».

Мы выехали, эшелон за эшелоном, вместе с другими отрядами. Сначало попали в Гдов, а после издания декрета о создании Красной армии нас как Красную гвардию просто переименовали в Красную армию.

Из Карелии, которую многие из нас знали, были получены тревожные сведения. 11 апреля был получен срочный приказ выехать в Кемь, для отражения финской белой гвардии. По пути, в центре Карелии, Петрозаводске, мы должны были явиться в распоряжение военного комиссариата. Но, получив сведения, что была опасность со стороны белофинской границы, мы были двинуты в гор. Кемь. Приехав в Кемь, мы совместно с местными силами, железнодорожниками и красногвардейцами Петрозаводска фронт ликвидировали, но среди местного населения было брожение, было много кулацких сторонников, сторонников буржуазии.

Я уже точно не помню, но, кажется, около Кеми есть село Подужемье. Нами были получены сведения, что кулаки формируют там вокруг себя белогвардейцев. В то же время местная власть опиралась на нас как на рабочих-революционеров крупного промышленного центра. Несмотря на незначительную нашу численность, все же это была реальная помощь.

Нам приходилось выделять небольшие отряды по пятидесяти-семидесяти человек и рассыпать их по району, но ядро было в Кеми. Некоторое время ядро бездействовало. Настал момент, когда понадобилась охрана Мурманской дороги, и мы перешли на охрану дороги, на что нужно было согласие штаба железной дороги.

В то время, как части бездействовали, шла усиленная подготовка в Мурманском краевом совдепе. Подготовка проходила совместно с белогвардейцами и с бывшими союзниками царского правительства, которые не могли примириться с тем, что рабочие и крестьяне захватили в свои руки власть. В первых числах июля часть Мурманской дороги, вплоть до Кеми, была оккупирована, и часть наших отрядов была обезоружена.

Часть Сорокского отряда осталась. Петрозаводск ничего не

мог дать. Наши части добрались до ст. Шуерецкой, и здесь мы решили снова действовать. Связываться с Петрозаводском и с другими пунктами не было времени. Решено было на железнодорожной магистрали, как главном пути, по которому продвигаются основные силы противника, его эшелоны, артиллерия и т. д., сжечь мост за ст. Шуерецкой. Моста на Сегеже не трогали.

Между тем приехал т. Нацаренус. Он был назначен чрезвычайным районным комиссаром. Он приехал, не имея при себе никаких сил. Я в это время был начальником охраны Мурманской железной дороги. Узнав от меня о положении дела, т. Нацаренус зашел в штаб и написал приказ № 1, согласно которому все принадлежащее советской власти ценное имущество, как подвижной состав, продовольствие и т. д., должно было эвакуировать в Петрозаводск. Всех сочувствующих нам также пришлось эвакуировать. Все же остальное, что могло содействовать врагу, — уничтожить и отступать на юг.

В этот момент открывается северный фронт в Мурманске. Образуется позиция: Онда — Сегежа — Надвоицы. Онда была преградой. Мост был разрушен и восстановить его было нелегко.

Дальнейшие события развертываются с 19 февраля 1919 года. Всем известно, какие здесь морозы. Отряды были плохо снабжены. Противник сгруппировал силы, и Сегежа была взята. 20-го утром мы в числе семидесяти человек ведем контрнаступление, имея два орудия, но использовать могли только одно. Фланги были слишком отдалены и подкрепление вызывать оттуда не было возможности.

Заняв Сегежу, противник не проявляет активности, но группирует свои силы. Нам приходится растягивать фронт, — создаются постепенно новые боевые участки, кроме Мурманского: Олонецкий и Заонежский. Нам приходилось разбрасывать свои силы, несмотря на это все-таки борьба продолжается. Она продолжалась в течение полутора лет, но вера в конечную цель, что победа будет на нашей стороне, нас поддерживала.

В конце апреля, как товарищи указывали, создалась угроза Петрозаводску. С юга — Петрозаводск, с другой стороны — Мурманский и Заонежский участки,—отступать было некуда. Соседей не было. По просьбе местных организаций и самого командующего Межозерным районом т. Гусарова, мы выделяем первый отряд, затем второй и третий (в составе которого были китайцы). Совместными усилиями Олонецкого, Петрозаводского участков, Онежской флотилии, частями 57-й бригады нападение в короткий срок было ликвидировано.

Затем наступает момент, когда нас можно было сменить и отвести в резерв. Но в сентябре месяце за Онегой создалось катастрофическое положение. Согласно приказу, стоявшей здесь в то время 1-й стрелковой дивизии надо было выехать за Онегу и принять боевой участок. По приезде в Усть-Шалу получились тревожные сведения об оставлении Заонежского участка. Пудожу

грозила непосредственная опасность. В шести километрах был противник. Обороняли Пудож местные коммунары, — несколько десятков человек, — но этого было мало для города. Там были хорошие работники, из которых в дальнейшем вышли отличные командиры.

9-й полк, совместно с десантом Онежской флотилии, отбросил неприятеля к Повенцу.

25 октября я выбыл из строя. Я был уверен, что, несмотря на все тяжести и невзгоды, которые мы перенесли (нехватка вооружения, обмундирования, снаряжения, недостаток командного состава), в конечном итоге победа будет на нашей стороне. Солдаты революции, необутые и в рваном обмундировании, совершат героические подвиги. Ведь революция совершается во имя будущих благ рабочих и крестьян.

Я должен еще добавить, что «дорогие хозяева» оккупированной части Северной территории прислали нам приглашение в виде письма. Они праглашали нас в гости, и вот это письмо сохранилось у меня. Подлинник был послан т. Нацаренусу, который направил его в архив. Вот оно:

26 августа 1918 года

Командиру красноармейских отрядов и чрезвычайной охраны железной дороги деревни Надвойцы и железной дороги Ондо — Сегежа.

23 августа сего года один из наших патрулей был встречен стрельбой, произведенной вашими людьми в деревне Коргозере, и один солдат у нас был убит ими. Ваши люди начали стрельбу первыми из окон и дверей домов мирных жителей. Это преступление будет наказано, и двое взятых в плен красноармейцев понесут заслуженную кару. Предупреждаю, что каждому, поднявшему оружие, против союзников, грозит смерть. Предлагаю вам всем имеющееся у вас оружие. патроны, снаряжение сдать мне в Сумостров, доставив его в Ендо-губу подводами, а оттуда на лодках в Сумостров в сопровождении ваших людей, которым гарантируем полную свободу.

Если же оружие не будет сдано, то двину все имеющиеся у меня силы, артиллерию и аэропланы, и вы будете жестоко наказаны. Союзники вас не признают регулярными войсками, а вооруженной бандой людей, которые делают ужасное преступление в отношении своей истерзанной родины, подымая оружие против союзников и этим помогают нашим смертельным врагам — немцам.

Ваше большевистское правительство уже отыграло свою преступную роль и позорно сбежало из Москвы в Петроград, а оттуда в Кронштадт. Судьбу России может решить только Учредительное собрание.

В случае исполнения моего требования о сдаче оружия, гарантирую вам и вашим людям жизнь словом английского офицера.

Все оружие должно быть сдано до 31 августа с. г. Оружие должны сопровождать не более двух человек при каждой подводе. Прошу ответить через посланного. Если посланный крестьянин не вернется к 29 сего августа, то аэропланы начнут бомбардировку всех ваших пунктов до Петрозаводска,

Командующий войсками союзных сил Сумского района
С. С. Штекле.

Письмо привезли нам два крестьянина: один — возчик, а другой — старик — был парламентером. Он вручил письмо и был

задержан нами, но, когда выяснилось, что старик ни при чем, что он невиновен и только в силу необходимости должен был везти письмо, его отпустили. На это письмо мы дали ответ, одобренный общим собранием нашего отряда и Ораниенбаумского батальона; присоединились к нам и товарищи-финны. Письмо было предварительно послано т. Нацаренусу, который его одобрил, написав: «Благодарю. Нацаренус». Ответ был таков:

Командующему войсками союзных сил Сумского района.

Отвечая на ваше требование о сдаче оружия и переходе на вашу сторону, заявляю вам, что власть большевиков, т. е. рабоче-крестьянская, не пала, а попрежнему существует, опираясь на силы русской демократии. Мы не банды, а отряды регулярной Красной армии, которая умеет честно и добросовестно исполнять свой долг перед родиной и революцией и готова умереть на своем посту, защищая советскую власть, т. е. власть рабочих и крестьян.

Ваши угрозы не страшны. Мы, в свою очередь, называем вас бандой капиталистов, которым вы служите, как наемники и приспешники буржуазии.

У нас называют такие войска белой гвардией и рабами богачей, которые пресмыкаются у ее ног. Какими бы силами вы ни располагали, я заявляю от имени своих отрядов, что о сдаче оружия не может быть и речи.

Ответ один: я принимаю ваш вызов не на жизнь, а на смерть. Проклятие вам всем, наемники богачей, империалистов всех стран!

Борьба с вами будет не на жизнь, а на смерть. Проклятие вам всем наемники богачей, империалистов всех стран!

Начальники отрядов Красной армии не сдаются, а умеют умирать в бою с наемниками бандитов.

Начальник отряда Спиридонов.

На этом переписка прекратилась.

ФЕДОРОВ

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, СТАРЫХ ПАРТИЗАН, от имени тех находящихся здесь одиннадцати-двенадцати товарищей, которые вместе с вами плечо к плечу переносили все невзгоды и тяжести на боевом участке Карельского фронта. Товарищи, от имени которых я выступаю, собрались сюда с тех фабрик и заводов Ленинграда, откуда в 1918 году они уезжали на Карельский фронт. Они приехали к вам не для того только, чтобы просто полюбоваться вашими достижениями, а приехали с тем, чтобы разделить ту радость, которую можно было наблюдать в день десятилетней годовщины. Мы рады, что приехали сюда, рады увидеть партизан — части Красной гвардии и Красной армии, — с которыми можно обменяться опытом и воспоминаниями о боях, в которых мы вместе участвовали на Мурманском фронте.

Действуя совместно с Красной армией, мы не могли называться партизанами, но в том положении, в каком мы находились, можно сказать, что мы были партизаны. В количестве трехсот шестидесяти человек мы были разбросаны на трехстах километрах, это значит — на каждый участок, на деревню приходилось по пятнадцати человек, в то время как силы противника значительно превышали наши.

Я хочу отметить отдельные периоды. Первый период — это Кемь. Те, которые приехали к вам тогда, уже имели боевой опыт еще и до Карельской авантюры. Тот отряд, который прибыл, имел заслуги и на германском фронте, поэтому, приехав в Кемь и увидав сербов, англичан и французов, мы не побоялись их.

Надо сказать, что вся подлая соглашательская политика сводилась к тому, чтобы вредить нашему советскому правительству. На нее мы ответили тем, что ни один красноармеец не согласился пойти на их подлую штуку. Мы сидели четыре дня в Кеми и ожидали смерти. Нас соблазняли привольной жизнью, но ни один честный рабочий не соглашался на это; мы и тогда клеймили и теперь клеймим тех предателей, которые приехали из других областей и которые нам это предлагали.

На этом боевом участке, мы находились в напряженной бдительности, нас поразили сербы. Я расскажу один факт, относящийся к этому времени. Когда мы ехали через мост, то думали, что мост подготовлен для взрыва. Мы предполагали, что они нас уничтожат, и все-таки, несмотря на это, перешли на другую сторону. У нас были спрятаны бомбы, и мы предполагали напасть на этот отряд сербов, но, благодаря начальнику отряда, т. Спиридонову, мы этого не сделали: он выяснил, что у них имелся пулемет, и мы только понесли бы большие потери.

Второй период нашей жизни — это наша стоянка в Надвойцах. Здесь однажды белые с нами вели переговоры и прислали нам бумажку о том, что, мол, они не против нас, а лишь против некоторых лиц, и поэтому просили сдать участок. Наш отряд ответил: «подите к чорту, а если придете, то посмотрим, кто кого возьмет».

Мы подбили аэроплан белых. Во время стычек особенно отличался т. Романов, который с другим товарищем выступил против семидесяти человек сербов и был ими взят в плен. К удивлению, их не расстреляли.

Это был первый бой наших товарищей, и они сумели доказать, что в каждом красноармейце, каждом партизане живет глубокое чувство ненависти к капиталистическому миру.

Сам капитан сербов заявил, что если все большевики и петроградские вояки таковы, то им не взять Петрограда, и они не смогут наступать даже на Медвежку. Впоследствии, когда мы заняли город Кемь, мы освободили этих товарищей. Однако не оставили их там дальше, потому что оба были тяжело ранены. Сейчас они работают в Ленинграде: один из них слепой.

Эти факты характеризуют положение отряда. Мы не говорим об отдельных личностях, но отмечаем, что при содействии ваших партизанских отрядов, при содействии товарищей, сидящих здесь, мы, как организованная, дисциплинированная Красная армия, многое могли сделать. Здесь много товарищей-партизан, которые присоединились к нашему отряду и работали под нашим руководством.

Дальше хочу отметить тот факт, что нас не забыли. В день нашего торжества, когда мы сменились с фронта и приехали

в Петрозаводск, товарищи устроили нам торжественный прием. Кто был в 1919 году, тот мог увидеть парад босоногих, у которых не было ни рубашки ни сапог, но которые шли потому, что были воодушевлены боевым духом. Один из наших товарищей в олонецкой газете писал, как Уросозерский полк сражается без передышки и как благодаря ему удалось ликвидировать белогвардейские банды. Да, много красноармейцев отличилось тогда; на полк было роздано сто восемьдесят шесть штук часов.

Это было ответом массы, что ходила без рубах и, несмотря на это, геройски сражалась. Эти товарищи сказали: мы не уйдем до тех пор, пока не кончим фронта, и затем, позднее, когда уже не было серьезной опасности, когда белофинны замолкли, наши петроградские товарищи, торжественно провожаемые, выехали в сопровождении товарищей на юг, где заслужили такое же спасибо, как и здесь. Если потребуется еще раз выступить на защиту советских границ, то мы будем драться вместе с вами так же, как в минувшие бои.

ФИЛИМОНОВ **КЕМСКИЕ БОИ**

ЯВЛЯЯСЬ ОДНИМ ИЗ УЧАСТНИКОВ БОЕВОГО прошлого, я скажу то, чего не касались в своих выступлениях т. Матвеев и другие. Я скажу о той борьбе, которую пришлось вести в апреле месяце 1918 года. Вы помните то время, когда была получена телеграмма так называемого Мулжелдора, что германофинны наступают на Кандалакшу, Кемь, Сороку, Петрозаводск. Получив такое сообщение, мы спешно организовали отряд и сразу же начали вооружаться. Но нужно сказать, что отряд завода № 48 был вооружен лишь тридцатью французскими винтовками и пятью берданками; больше ничего не было.

В этот период в Кеми находилась местная команда и 20-й железнодорожный полк, который примыкал к правым эсерам. Проходил съезд в Сороке, где выбирали новый состав Исполнительного комитета. Туда вошли Каменев, Малышев, Озоль, Вольский и другие. После того как мы разогнали местную команду г. Кеми и обезоружили местный полк, мы приступили к работе.

9 апреля 1918 года мы приняли бой с белофиннами. Несколько ранее, 7 апреля нами был пойман белый шпион со всеми картами нашего расположения. Он был там расстрелян. Бой нам пришлось выдержать. Из Сорокского отряда к нам прибыл Дедоков, который привез патроны, пулеметы и винтовки. Мы вооружились и вступили в борьбу. Правда, бои шли недолго, с 9-го по 11 апреля, а к 15-му числу мы почти совершенно ликвидировали белофиннов.

Но этим дело не кончилось. Вскоре прибыл отряд Спиридонова, но он застал лишь маленькую частицу неприятеля. В двадцатых числах июня в г. Кеми развевался с одной стороны флаг Совета, а с другой стороны — флаги английской и французской миссий. К этому времени положение в Кеми создалось такое, что мы сначала не знали, как нам поступать.

Тов. Матвеев не упомянул, что, когда Кемь сдавали, в этот

период там было одиннадцать вагонов снаряжения, да на острове Революции была погружена целая баржа. Были патроны и пулеметы. Все это достояние осталось белобандитам.

ЕРЕМИН

ХОЧУ СКАЗАТЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТОВАрищах, погибших в конце лета 1919 года.

28 августа мы двинулись в тыл, в разведку для обследования полуострова. По сведениям, там не было ни одного белогвардейца, и мы расположились в Пегреме ночевать. Были расставлены посты, и мы полагали, что белогвардейцы не смогут занять деревню. Но в эту же ночь помощник командира роты (фамилии не помню) сообщил расположение наших постов, и 29 августа нас захватили врасплох. Началась перестрелка. Мы, в числе восьми человек, были окружены. Тов. Парамонов был убит. Белых было человек сорок пять; они были хорошо вооружены. Красная рота в тридцать пять-сорок человек была захвачена. Партизанский отряд, в числе семи человек, принял бой. Мы остались лежать в цепи и попали под перекрестный огонь; белые били нас в лоб. Троим из нас не удалось бежать, а мы, четверо, в том числе т. Ермолин Николай и т. Леонтьев, попытались бежать.

Я был ранен в ногу, и тут меня захватили в плен. Я был отправлен в Шуньгу, а затем на ст. Масельгскую и там лечился, но затем был арестован, как бывший комиссар.

Еще хочу упомянуть о судьбе других товарищей, которые попали в плен. Тт. Проккоева и Артемьева расстреляны на Масельгской или на Медвежке, комиссар т. Парамонов был брошен в поле, т. Марков убежал от белых и прибежал к нам. Локкинова белые расстреляли. После взрыва моста Гурьев П. и Ванюшкин М. (настоящая фамилия Пасюков) были захвачены на Медвежьей Горе и там расстреляны. Тт. Тишкин и Амешин были жестоко избиты и потом живьем утоплены. Они похоронены в том селе, откуда родом. Все эти товарищи погибли при выполнении задания 1-й стрелковой дивизии.

КУТЕЙНИКОВ

Я НЕ БУДУ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ОТДЕЛЬных моментах, а буду говорить о трех отрядах. Мы великолепно знали и учитывали, что нам придется столкнуться с «союзниками», в лице англичан, французов, которые следовали по пути Мурманской железной дороги и ожидались в Архангельске.

Мы организовали добровольческую Красную армию, получили обмундирование из Беломорского военного округа и Ленинградского округа. Нам удалось создать три отряда, которые получили названия по имени их командиров: Колотихина, Георгиева и... Всего у нас было три роты пехоты и одна рота лыжников. Все состояли из добровольцев. Первый фронт образовался в Пудожском районе, в Онежском направлении.

У нас была задача сбить противника и занять монастырь. Монастырь был занят нами без боя: белобандиты ушли, оставив

на месте одних монахов, и, таким образом, весь этот участок был занят без боя. Командиру отряда Мешаеву было дано задание эвакуировать монастырь, потому что в нем были громадные запасы продовольствия, много рабочего и молочного скота и другие ценности.

Командир отряда показал себя с отрицательной стороны — был снят, а затем арестован, но по дороге бежал. Тогда командиром был назначен т. Колотихин, и, несмотря на то, что у противника со стороны Онеги была подвезена артиллерия и соответствующее количество пулеметов, а у нас были только пулеметы, отряд все время занимал этот пункт, и мы стояли тут больше полутора лет.

Вперед нам итти не удавалось, поскольку мы не имели подкрепления. Отряд все время стоял на позиции. Не раз мы обращались в штаб 6-й армии в Вологду, затем в штаб 18-й дивизии, но все от нас отказывались; говорили, что мы далеко, что можем справиться сами, что у нас все идет хорошо. Таким образом, мы не имели связи ни с одним войсковым соединением.

Пункт, где мы находились, имел большое значение в оперативном отношении. Белые выходили на станцию Няндома, заходили в тыл, ходили в населенные пункты. Задание у них было сбить красный отряд и выйти по линии железной дороги в направлении на станцию Няндома и, затем принудить 18-ю дивизию отступить к Вологде.

Вскоре организовался второй участок, Водлозерский. В дер. Луза были брошены партийные организации, но потерпели там неудачу. Мы вынуждены были отступить и стояли до мая месяца в Водлозере, не проявляя никаких действий, охраняя тракт, который шел на село Пудож. В дальнейшем белофинны предприняли новые действия и взяли часть отряда в плен.

Третий участок — в Песчаном направлении. Мы знали через комиссара Калинина, что Челмужи заняты белыми. Поэтому нам пришлось принимать меры, чтобы вести оборону в Повенецком направлении. Мы все свои резервы двинули для задержки наступления в Повенецком направлении на село Пудож. Здесь мы держались около года, до прибытия т. Спиридонова. Нас на этом участке частично разбили, но мы все время укреплялись.

После неоднократных требований помощи, к нам прибыл стрелковый полк. Было получено пополнение через т. Митькина. Он дал двести пятьдесят штыков, два пулемета, которые были привезены с Пудожской горы. По технике белые значительно превосходили нас. Мы были предоставлены самим себе и не были ни с кем соединены. Поэтому у нас были только берданки, а порой и их не было, тогда как у белых были аэропланы, артиллерия.

СОННИКОВ

Я НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ О НАШЕМ ОТРЯДЕ В полном смысле как о партизанском, так как наш отряд был не совсем таким, какими являлись некоторые другие отряды. Но в этот период, отряд, укомплектованный из активней-

ших товарищей Петрозаводска и в первую очередь из рабочих Онежского завода, по своему качественному составу и по своей боеспособности должен занять в истории гражданской войны такое же место, как по своим героическим действиям, и все другие отряды.

Призыв Петрозаводской партийной организации всколыхнул всех рабочих и беспартийные массы для борьбы. С разных сторон ожидалось наступление на Петрозаводск. В этот момент был организован из петрозаводских коммунистов отряд, который был сперва брошен на защиту Пряжи и Половины, а через неделю был переброшен на Пудожскую гору, где и принял первые бои.

Я хочу охарактеризовать состояние товарищей. Они были полны энергии, полны стремления к борьбе, но у них не было умения воевать. В первое время мы действовали так, что нас можно было забрать в открытом поле.

Нам пришлось вести трудную борьбу против сформировавшихся белогвардейских отрядов, навезших орудия и пулеметы. В этой, безусловно неравной, борьбе Петрозаводский отряд одержал несколько побед, два раза пытался наступать на Челмужи. Противнику был нанесен удар, но нам все же пришлось оттянуть войска. Другие войска в это время наступали в направлении Шуньгского полуострова. Наши части были переброшены на Челмужский участок.

Должен сказать, что если мы одерживали победы, то давались они нам далеко не легко. Я напомню события на пудожском фронте, где неприятель наступал, имея канонерки и т. д. Тов. Георгиевский, увидя силы неприятеля, с шести часов утра оттянул все наши части, оставив две группы отрядов, которые удерживали за собой весь участок. С прибытием т. Спиридонова с красным финским полком положение изменилось.

Необходимо отметить, что в этот период мы — не умеющие воевать, плохо владеющие винтовками, но проникнутые революционным духом, понимающие задачи борьбы — сумели одерживать крупные победы. Я хочу подчеркнуть, к чести товарищей, сидящих здесь, — товарищей, которых выделил в то время рабочий класс на ответственные посты, — что их отряды оказались значительно более боеспособными, чем некоторые другие отряды. У нас должны быть люди, вполне оценивающие героический момент данной обстановки. Здесь нужно отметить те группы, которые не были в партизанских отрядах, но сочувственно относились к ним. В них были партийцы, были и беспартийные. В будущих боях коммунистические отряды, вливаясь в семью Красной армии, будут играть решающую роль в одержании победы над врагами пролетариата.

ЗА КРАСНЫЙ ПЕТРОЗАВОДСК

ЗУЕВ

ТРЕВОЖНЫЙ ГУДОК ОНЕГЗАВОДА

10 ЛЕТ ПРОШЛО С ТЕХ ПОР, КАК белогвардейские наймиты покинули пределы Карелии.

Города, села и деревни были разрушены. Крестьянские хозяйства разорены. Война требовала все новых жертв, и казалось, что трудностям нет конца.

Наступила весна 1919 года. Обыватели города Петрозаводска праздновали Пасху, а наемники капитала с трех сторон обрушились на Карелию (тогда Олонецкую губернию). С севера — банды Миллера и Чайковского, с северо-запада — белофинны и с северо-востока — кулачество.

Белофинны заняли город Олонец и, направившись на Петрозаводск, дошли до дер. Половина.

Банды Миллера и Чайковского заняли Мурманск. В Шуньге и Толвуе вспыхнули восстания кулаков.

Положение серьезное.

Организуется губернский Ревком во главе с П. Ф. Анохиным.

На третий день Пасхи раздается тревожный гудок Онежского завода.

Все коммунары становятся под ружье. Один отряд отправляется против белофиннов, остальные — на Заонежский участок.

Все трудоспособное население города привлекается к работам по обороне города. Рабочие Онежского завода добровльно становятся под ружье.

В мае месяце положение усложняется. Белые дошли до деревни Сулаж-гора (в 6 километрах от гор. Петрозаводска). Военных сил недостаточно. Ревком оставляет в городе только шесть коммунаров, а остальных отправляет на фронт.

Работа адская. Нужно снабдить отряды вооружением, продовольствием и снаряжением. Работает Ревком круглые сутки.

Городу угрожает опасность. Губернские учреждения эвакуируются в Вытегру. Семьи коммунаров отправляются в Курскую губернию.

Ежедневно привозят раненых, больниц нехватает. Ревком напрягает все усилия. Все внимание обращено на фронт.

Наступает решительная минута. Белые наступают на Сулаж-гору. Военное командование совместно с Ревкомом старается дать решительный отпор, взяв на фронт всю городскую милицию. Ночью разведка белых появляется на ст. Петрозаводск. Начались бои. Благодаря хорошо устроенным позициям и благоприятному расположению местности белые банды всегда получали отпор, уходя с большими потерями. Последний раз белые наступали в течение семнадцати часов беспрерывно, пуская колонну за колонной, в пьяном виде лезли на проволочные заграждения, как мухи на мед.

Петрозаводск стонал от гула и грохота орудий. Белым нанесли сильный удар, и они в панике стали отступать. Наши перешли в наступление.

Серьезная опасность миновала. Положение улучшилось, хотя по линии железной дороги уже были сданы Повенец и Медвежья Гора.

Ревком принимает меры к возвращению губернских учреждений из Вытегры в Петрозаводск и семейств коммунаров из Курской губернии. Коммунисты все еще на фронтах. Часть партийцев возвращается в Петрозаводск.

Летние месяцы подходят к концу. По линии Мурманской жел. дор. белые занимают 5-й разъезд.

Петрозаводску снова угрожает опасность.

Ревком совместно с командованием постановляет сделать решительный нажим. Организуется отряд для нанесения удара по линии железной дороги при поддержке флотилии с Онежского озера.

22 сентября раздается тревожный гудок Онежского завода, призывающий коммунаров на фронт. Выделяется 100 чел. — 70 чел. отправляются по линии железной дороги, а 30 чел. со-

вместно с одним из военных батальонов — с Онежской флотилией, с таким расчетом, чтобы 24 сентября рано утром повести наступление, а десанту взять дер. Лижму.

23 сентября в 11 часов вечера наш десант отчалил от Петрозаводской пристани. Флотилия вышла в количестве 22 судов. Во главе была пловучая батарея.

Наступило утро. Занялась заря. Стал виден берег и залив — путь к дер. Лижме. Не прошло и получаса, как раздался первый выстрел горной батареи — признак наступления наших береговых сил, а вслед за этим послышались и другие выстрелы. Маленькие канонерки начали разведывательную работу, а боевые суда приготовились к действию. В залив вошли без сопротивления. Стали подходить к деревне. В воздухе появилось несколько аэропланов противника, открывших по нам сильный огонь. Пришлось высадиться на островок у самой дер. Лижмы. Оттуда направились в дер. Лимжу и около 11 часов утра 24 сентября окружили и заняли ее. Летучий отряд матросов двинулся к линии железной дороги и разрушил несколько мостов.

На следующее утро прибыл броневик белых для ремонта испорченных мостов. Он обстрелял предварительно деревню и ранил двух красноармейцев из нашего отряда.

На следующий день к нам для подкрепления пришел батальон 6-го Финского стрелкового полка. С ним решено было продолжать наступление на 7-й разъезд, причем одновременно нужно было сделать высадку еще раз в тылу под дер. Михеевой-Сельгой с целью взорвать на 8-м разъезде железнодорожный путь. Наш взвод вместе с летучкой матросов поехал туда на пароходе «Григорий». Высаживаться пришлось против Михеевой-Сельги, где у белых был наблюдатель. По его сигналу белые открыли по нас огонь, но мы сумели быстро высадиться и уйти в глушь леса. По лесной тропинке двинулись вперед, красный финский батальон повел наступление на 7-й разъезд из дер. Лижмы. Наблюдательный пост белых из Михеевой-Сельги передал на 8-й разъезд о нашей высадке. Нас окружили и обстреляли сильным ружейным и пулеметным огнем.

Мы вынуждены были уйти через лес к берегу залива. Вечером полил сильный дождь, и мы, промокнув до костей, просидели всю ночь на берегу. На утро обходными путями отправились в Лижму. По дороге узнали, что 7-й разъезд оставлен белыми. Прибыв в Лижму и отдохнув, мы соединились с отрядом наших 70 чел. партийцев, оперировавших на 5-м разъезде.

Под натиском красного финского батальона белые отступили на 24 клм. от Лижмы под дер. Викшозеро и окопались на старых позициях.

По распоряжению командования мы заняли позицию перед окопавшимся неприятелем на 22 клм. и 30 сентября повели наступление. Неприятель находился в укреплении. Он подпустил нас совсем близко, а затем открыл пулеметный, орудийный и ружейный огонь.

Наши бились, как львы. Многие были уже у проволочного за-

граждения, но успеха нельзя было ждать. Ряды таяли, патронов не было, пришлось отступать, потеряв около 30 человек убитыми и ранеными. Там были убиты тт. Ширшин, Коротков, Пономарев и Зотов, ранены тт. Ипатов, Игроков и др.

За два наступления мы потеряли около 150 человек.

После этого отряд коммунаров держал позицию еще в течение трех недель, ведя разведывательную службу, так как наступление было невозможно.

22 октября нас сменили красноармейские части, и мы вернулись в Петрозаводск.

В 1920 году наша славная Красная армия освободила весь Карело-Мурманский край от белых банд.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Никитин Георгий, красный партизан из Кестеньги

Архипов Вилл., красный партизан из Кестеньги

Тов. Вяйнеля. Красный партизан. Старый член партии. Участник Свеаборгского восстания

Тов. Кяльмин, участник Кандалакшского партизанского отряда

Тов. Микко Пиккувирта. Участник финского красного легиона, представитель легиона в Ревеле (Эстония) для переговоров с финляндским правительством

Трупы красных партизан, расстрелянных и утопленных в озере, около ст. Масельгской

Митинг на похоронах одного из красных партизан, растрелянного на ст. Масельгской

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

БОИ ЗА ОЛОНЕЦ

ВИДЛИЦКИЙ КОММУНИСТ

КРОВАВЫЙ ДЕНЬ

НАБЕГ БЕЛОФИННОВ НА ВИДЛИЦКУЮ ВОЛОСТЬ В 1919 ГОДУ

НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПАСХИ, 21 АПреля утром разнесся слух по селу, что белофинны пытаются захватить село и что уже был произведен набег на штаб батальона пограничной стражи.

И действительно, граждане были напуганы неожиданно раздавшимися выстрелами со стороны нашего штаба. Была поднята тревога, сбежались коммунисты и красноармейцы, расквартированные по селу, и направились к штабу, где и выяснилось, что отряд белофиннов в числе 10 чел. напал на штаб с целью захватить комиссара и лиц, находившихся в штабе. Замысел не удался, так как о нем было заранее сообщено. Пре-

данный делу революции комиссар штаба т. Розов уже у самых дверей штаба выстрелом из револьвера убил начальника отряда Трофимова (бывшего прапорщика царской службы, ранее сбежавшего в Финляндию). Другой красноармеец, прибежавший на выстрелы, тоже успел пристрелить одного белофинна.

Шайка белофиннов, потерявшая своего начальника, видимо, растерялась и убежала в лес по направлению к границе.

ОРГАНИЗАТОР ВИДЛИЦКОГО КОЛЛЕКТИВА Розенштейн и комиссар Розов созвали совещание, на котором и решили произвести разведку и выяснить создавшееся положение. Маленький гарнизон, сорганизованный из двух десятков пограничников-красноармейцев и такого же числа коммунистов, был разбит на две группы: одна — под командой Розенштейна, а другая — под командой взводного командира т. Яшина, которым и было поручено произвести разведку по направлению к пограничным Кондушам и Тулоксе. В результате разведки выяснилось, что телефонная и телеграфная связь порвана белофиннами, приехавшими с Ладожского озера более чем на 30 подводах и остановившимися в двух километрах от села.

Несмотря на численное превосходство белофиннов, было решено защищаться и продержаться до прибытия поддержки какой бы то ни было ценой. Выработали план обороны и постановили, в случае невозможности выдержать бой в открытом поле за деревней, отступить на село и устроить засаду у каменной церкви, пользуясь каменной церковной оградой как естественным прикрытием.

В 3 ЧАСА ДНЯ СТАЛО ЯСНО, ЧТО ПРОдержаться в поле не представляется возможным, так как белофинны повели наступление с трех сторон — с озера, с Тулокской дороги и от Пограничных Кондуш — довольно большими силами. Ведя усиленную перестрелку, Розенштейн с молодыми коммунистами начал отступление к церкви, занял ее и с колокольни открыл огонь по нападающим белофинским бандам. Оставшиеся же у ограды полтора-два десятка человек, видя, что белые стреляют со всех сторон, стали отступать в лес по направлению к Олонцу. В 4 часа дня все село Видлицы было окружено белыми, и на церковь повелось наступление.

Ворвавшиеся в село белые банды открыли по церкви бешеный пулеметный и ружейный огонь. По прошествии нескольких часов белые, видя, что засевшие в церкви коммунисты не сдаются, подвезли двухдюймовое орудие и начали обстрел церкви, в то же время забрасывая в церковь через окно и пробитые бреши ручные гранаты и бомбы.

У осажденных тридцати шести человек, засевших в церкви без пищи и воды, кончились патроны, и положение стало безвыходным. Часть защитников, более слабых духом, решила сдаться на «милость победителей», а более стойкие последнюю пулю припасли для себя.

Тов. Розенштейн, видя создавшееся положение, в последний раз вышел на колокольню, чтобы убедиться, нет ли откуда помощи, и на глазах у белофиннов и части граждан села, которые следили за геройской борьбой, пустил себе пулю в лоб. Тов Аронов, прибывший из Петрограда для агитации, также не захотел сдаться и в правом приделе церкви покончил с собой, а начальник штаба т. Быков покончил с собой при выходе из церкви на паперти.

Когда белофинны увидели, что из церкви больше уже не стреляют, они также прекратили стрельбу, сгруппировались вокруг церкви и начали производить «ловлю» выходящих из церкви защитников и творить над ними «суд» и «милость». Так, учителя Видлицкой школы Соловьева и некоторых других они расстреляли на месте, остальных же повели в штаб на допрос, откуда их через несколько часов, в числе 14 человек, повели на поле и заставили копать для себя ямы, после чего заставили бежать по полю и с диким смехом начали беспорядочный расстрел бегущих. Все это проделывал отряд специального назначения (под именем «карательного»), прибывший для защиты и избавления населения от «ига красных».

ПО ТЕМ СИЛАМ, КОТОРЫЕ НАЧАЛИ ПРИБЫвать в Видлицу и проходить дальше, видно было, что наступление это является хорошо подготовленным и организованным для захвата не только одних Видлиц, но и всего б. Олонецкого уезда, а поэтому белофиннам необходимо было пополнение.

Недели через три они объявили мобилизацию, но собравшаяся на сборный пункт молодежь запротестовала и заявила, что на войну против своих братьев не пойдет.

Для воздействия на умы «непокорных» были выставлены пулеметы, и мобилизация была проведена.

Белогвардейский полковник в виду «успешного» окончания мобилизации обратился с речью к мобилизованной молодежи: «Господа, мы пришли вас освободить от большевистского ига» и т. д. Но мобилизованные, понурив головы, ответили гробовым молчанием.

НЕДОЛГО ПРИШЛОСЬ ПОХОЗЯЙНИЧАТЬ БАНдитам. 27 июня 1919 г. в час ночи со стороны Ладожского озера раздались выстрелы. Это наши миноносцы начали обстрел белофинского лагеря и приступили к высадке десанта. Орудийная стрельба продолжалась около трех часов.

Среди белых банд началось паническое бегство; штаб белого фронта, стоявший на Видлицком заводе, едва успел удрать, забыв с перепугу о существовании брюк (исторический факт), и после нашего меткого выстрела, попавшего в штаб, удиравший начальник штаба сказал: *«не думал, что красные умеют так метко стрелять»*.

ЭД. ПАНЦЕРЖАНСКИЙ

ОДНА ИЗ КРАСНЫХ СТРАНИЦ

(Дело у Видлицы)

ПРОЙДУТ ГОДА — МНОГОЕ СГЛАДИТСЯ В ПАмяти, многое покроется пеленой забвения, но день 23 февраля[1] останется в памяти как день величайшего мирового события — рождения вооруженного протеста и решительной борьбы против поработителей и эксплоататоров рабочего класса. Этому знаменательному дню мы посвящаем одну из страничек истории гражданской войны.

I

В ТО ВРЕМЯ КАК НА ПОДСТУПАХ К КРАСному Питеру в период наибольшего ожесточения борьбы (1919 г.) разыгрывались кровавые авантюры, в то время как зарвавшиеся игроки один за другим ставили, что называется, ва-банк, желая во что бы то ни стало сорвать дело рабочего класса, нанести ему жестокий удар и учинить кровавую расправу, — в это самое время и за спиной красной пролетарской столицы шла глухая борьба не на жизнь, а на смерть.

Вспомнишь об этом — становится и жутко — ведь опасность была слишком велика — и радостно, так как все эти кошмары уже позади и враг получил должное.

Обстановка же за спиной у Питера была такова. Река Нева, Ладожское озеро, река Свирь, Онежское озеро, река Вытегорка, вся Мариинская система — все это звенья великого водного пути, соединяющегося Ленинград (Петроград) с топливными и другими богатствами б. Олонецкого края, с Волгой, с Каспийским морем, с нефтью, питающей своей живительной черной кровью всю нашу промышленность и транспорт.

Перерезать эту артерию в наиболее чувствительных местах, закупорить Ленинград с востока, а затем, пользуясь удобным водными путями сообщения и железнодорожной магистралью, ударить непосредственно по Питеру и занять его — вот была главная мечта доморощенной и заграничной белогвардейщины. В этом направлении только и работала их преступная «оперативная» мысль.

Враг был двоякий: с одной стороны — олонецкая (финляндская) добровольческая армия, а с другой — англо-русско-американско-итальянско-сербский белогвардейский конгломерат, так называемая Северная добровольческая армия. Первая из этих двух армий острие своего жала вонзила от финляндской границы из северно-восточного угла Ладожского побережья в центр — в междуозерный Ладожско-Онежский район —

[1] День организации Красной армии. *Ред.*

с целью перерезать реку Свирь, распространиться по всему Олонецкому краю и занять главный промышленный центр — Петрозаводск. Вторая направила один из двух главнейших своих ударов от Мурманского порта по железнодорожной магистрали, примерно, в том же направлении, как и первая. Словом, все дороги вели в Рим, а вожделенным Римом, в конечном итоге, был наш Питер, богатый водным бассейном, и районы, прилегающие к нему с северо-востока.

Чтобы понять трагичность нашего положения в этот опасный период, следует указать на то, что, в то время как с одной стороны по двум главнейшим направлениям продвигались многочисленные регулярные войска с мощной артиллерией, технически хорошо снаряженные, одетые, сытые и даже откормленные, с другой стороны — с нашей — могли быть противопоставлены только горсточки храбрецов — полураздетых, полуголодных, полувооруженных.

Достаточно указать, что на протяжении почти месяца до прибытия подкреплений один батальон красного Финского полка сдерживал продвижение по железной дороге всей восточной группы Северной добровольческой армии, чуть ли не каждую шпалу отдавая с бою и в результате, с оставшимися в живых 60 храбрецами и двумя полевыми пушками, все-таки остановил неприятеля.

Каким же, спрашивается, образом были парированы и отведены удары, занесенные в спину красного Петрограда? Было бы слишком пространно рассказывать все подробности этой несравненной в истории войн борьбы, поэтому ограничимся лишь кратким изложением главнейших эпизодов, повлиявших в результате на исход операции. Все знают, конечно, о Ямбурге, о Красной Горке, о налетах на Кронштадт, о Юденических днях. А все ли у нас слышали и знают про Видлицу, про Лижму, про Мег-Остров и Медвежью Гору? Наиболее яркой из всей серии этих событий явилась Видлица.

II

ВИДЛИЦА — ЭТО УКРЕПЛЕННЫЙ НЕПРИЯТЕЛЬ-ский пункт на побережьи Ладожского озера в северо-восточном углу его, в непосредственной близости от финляндской границы — почти что у себя дома, главная база всей Олонецкой финляндской добровольческой армии, склад оружия, боеприпасов, продовольствия, вещевого и инженерного имущества. Питаемая Видлицей армия, пользуясь огромным численным и техническим перевесом, быстро распространялась по всему междуозерному краю, причем одна группа войск (Олонецкое направление) — уже на подступах к Лодейному Полю (в 4 клм.), а другая движется в направлении на Петрозаводск и подходит к нему на расстоянии 8 клм. Лодейное и Петрозаводск эвакуируются. Горячка во-всю.

Казалось бы, еще одно усилие — и дело сделано, почти весь Олонецкий край с главнейшими соединительными ветвями

водного пути в руках у неприятеля. Однако, одним только удачным шахматным ходом вся вражеская игра спутана, смята, и в два-три хода объявлен мат.

Соединенными усилиями красной Онежской флотилии и десантными частями Красной армии (батальоном 8 стрелкового полка и курсантами) был сделан двойной удар в глубокий тыл неприятельской армии: один — по главной базе — Видлице, а другой, демонстративной, — по Тулоксе, укрепленному пункту на Ладожском побережьи (в 10 клм. южнее Видлицы).

Перед этим ударом в петрозаводской печати, частью для успокоения обывательских умов, частью же для введения в заблуждения неприятеля, усиленно распространялись сведения о том, что сосредоточенная в Петрозаводске Онежская флотилия будет до конца отстаивать город, обстреливая неприятельские расположения перед городом. А ровно через три дня после этого главные силы флотилии с соблюдением всевозможной тайны прошмыгнули сотни верст и неожиданно оказались в совершенно другом водном бассейне, нанеся удар врагу в том месте, где он наименее всего этого ожидал, считая, что Видлица настолько укрепленный пункт и настолько удаленный от развертывания главных событий на подступах к важнейшим стратегическим пунктам, что красные не дерзнут делать каких-либо в этом направлении попыток.

Но, как говорится, попытка — не пытка, — и красные дерзнули.

В полном порядке, по строго разработанному плану, на рассвете неожиданно для врага началась одновременная бомбардировка с судов флотилии двух вышеуказанных пунктов. Неприятель сразу же ответил и начал стрельбу из орудий по нашим судам, особенное упорство проявив у Тулоксы: умолкая на некоторое время, он при приближении наших десантных судов снова открывал убийственный огонь из пулеметов и винтовок. В продолжение восьми часов, несмотря на наш жестокий артиллерийский огонь, десантная группа не могла подойти и высадиться на берег, причем несла некоторые потери. Только тогда, когда враг наконец понял, что он обманут, когда он узнал, что Видлица нами уже занята, в рядах его началась сумятица, воспользовавшись которой наш десант высадился на берег, закрепился и, отжимая поредевшие, но все же упорно сопротивлявшиеся ряды неприятеля, двинулся на соединение с северной десантной группой. Между тем под Видлицей разыгрывались следующие события.

Первые же удачные залпы с наших судов, направленные в здание штаба армии, которое вспыхнуло как факел, произвели форменную сумятицу и панику среди гарнизона крепости. В то время как мы вели стрельбу по всем правилам искусства, враг хотя и упорно, но стрелял в общем беспорядочно. По рассказам местных жителей растерянность была неимоверная. Главнокомандующий добровольческой армии, также находившийся в Видлице, долгое время не мог сообразить, что такое происходит, и — без штанов бегал около пылающего здания штаба, размахивая руками и от-

давая какие-то бессвязные приказания. Наконец, вскочив на коня, бедняга улепетнул, оставив нам среди богатейших трофеев, между прочим, не ценный, но очень показательный трофей — свои генеральские штаны, через некоторое время, однако, сгоревшие, так как спасать нам их было недосуг.

Огонь был открыт в 5 часов 20 минут утра, прекращен же в 7 часов 40 минут. При неумелой стрельбе, — надо отдать справедливость и в этом случае, — упорство неприятеля было изумительное: впоследствии выстрелы из орудий производились с расстояния около трех четвертей километра, бегавшая орудийная прислуга была видна как на ладони, и только пулеметный огонь, открытый с броневых катеров, шедших впереди десантных кораблей, окончательно заставил замолчать неприятельские батареи.

При таких условиях пала Видлица. Финляндская добровольческая армия не только потерпела моральный удар, но и потеряла все свои запасы боевого снабжения. Было захвачено: 11 орудий, огромное количество винтовок и пулеметов, миллионы патронов, инженерное и др. снаряжение. Слухи о занятии Видлицы быстро докатились до передовых фронтовых частей и захватили, наконец, целиком всю армию.

Под давлением перешедших в наступление по всему фронту наших красноармейских частей неприятель в полном беспорядке, бросая оружие, метался из стороны в сторону, попадал в западни, сдавался и только мелкими группами пробирался к границе.

III

В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛЬНОГО СРОКА ВЕСЬ ЭТОТ фронт был ликвидирован и окончательно очищен от финских и карельских белогвардейцев. Интересно отметить еще один эпизод, имевший место в эту же операцию.

В самый горячий момент бомбардировки Видлицы на флагманском корабле было перехвачено радио с несколькими шифрованными адресатами и с открытым содержанием на немецком языке: «Что случилось? Требуется ли помощь?» Подписи также шифрованные. Немецкий текст объяснялся тем обстоятельством, что как среди финляндской армии, так и среди флота находилось значительное число германских инструкторов. Немедленно, пользуясь теми же шифрованными адресатами и подписью, нами была отправлена ответная телеграмма на том же языке: «Все благополучно, помощь не нужна». Словом, успокоили. По всем признакам радиотелеграмма следовала из Сердоболя, где была сосредоточена финляндская ладожская флотилия. Возможно, что до нее дошел слух о бомбардировке Видлицы и командование запрашивало об этом по радио у своих сподвижников в Олонецком районе.

Наша ли успокоительная телеграмма, или урок, полученный финляндской флотилией после потопления нашими судами одного из ее судов у устьев реки Олонки, — так или иначе, но ни одно из неприятельских судов не показало своего носа даже на горизонте, хотя сравнительная близость развертывавшихся событий от их

сильно укрепленной базы — Сердоболя невольно, казалось бы, должна была диктовать выход на помощь Видлице для боя с нашими судами. Так закончилась эта эпопея.

IV

В ОЛОНЕЦКОЙ АВАНТЮРЕ БЫЛИ, КАК В ФОкусе, сосредоточены старинные вожделения финляндских шовинистов, объединенных идеей «Великой Финляндии». Способы организации и формирования белых добровольческих отрядов, их материальное боевое снабжение и снаряжение, а также целый ряд других симптомов не вызвали ни малейших сомнений в существовании теснейшей связи и полнейшего содружества непосредственных руководителей армии с главными вдохновителями этого «панфинляндского» движения. Тем не менее после видлицкого конфуза официальное финляндское правительство, учитывавшее крайне неблагоприятное внутреннее положение своей страны как результат редчайшего в мире белого террора, рядом дипломатических нот отреклось от своей добровольческой армии и официально заявило о своем «нейтралитете». Но факты, свидетелями которых были мы, и документы, которые были захвачены нами при разгроме штаба армии, как и следовало ожидать, говорили совершенно обратное и подтверждали лицемерие этих официальных заявлений.

Не может быть сомнений в том, что в случае военной удачи олонецкой авантюры тогдашнее финляндское правительство, согласившись на «свободное» волеизъявление карельского населения, поддержанное на всякий случай белогвардейскими штыками, столь же официально постаралось бы объявить о присоединении Олонецкого края к Финляндии.

Но, как мы уже видели, и на этот раз, равно как и при следующей попытке, эта темная, шитая белыми нитками махинация не выгорела. Удар, занесенный над карельскими трудовыми массами, удар, направленный в спину Красного Питера и всего рабочего класса, был удачно и умело парирован искусными комбинированными действиями доблестной Красной армии и Красного флота.

И. НИКИТИН

БОЙ ЗА ОЛОНЕЦ

В 12 ЧАСОВ НОЧИ 22 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА, УСТАлый и голодный, вхожу в Олонец, проходя по болотам и лесам в разгар распутицы 60 клм в одни сутки.

Будучи в деревне в дни праздников, я был внезапным наступлением белофинских банд отрезан от главного тракта. И, оставшись в тылу, я вынужден был выбрать самую прямую дорогу в город.

В городе темно, ходят патрули, сгоняют подводы. Иду в Исполком. Здесь полным-полно народу. Являются мобилизован-

ные партией, а также и горожане. Подходят отряды из ближайших волостей. Разбирают винтовки, патроны. Все сосредоточенные, страха не заметно, все как бы в недоумении: из-за чего тревога, что произошло?

Никому ничего определенно не известно. Напали банды.

Видлица занята, у Тулоксы бой, телеграф на Лодейное Поле не работает, полк, стоящий на границе, отступает к городу.

Вхожу в комнату, где заседает Исполком. Раздаются восклицания и удивление: «ты явился, а мы думали — попался белофиннам; расскажи, как и что там». Но мои сведения так же скудны, как и олонецкие. Все это объясняется тем, что никто не ожидал наступления, а разведка с нашей стороны не была на должной высоте.

Выделяется Революционный совет, к которому и переходит вся власть как гражданская, так и военная. Он состоит из командира пограничного полка, комиссара и трех представителей уезда. Идем в штаб полка и здесь начинаем знакомиться с положением. Выясняется, что противник с трех сторон охватывает город. Силы его точно не известны, но он действует решительно и быстро. У нас сил очень мало. Об обороне думать не приходится, и главная задача — это выйти из города. Остается один путь, очень трудный в виду распутицы, — путь по проселочной дороге. Чувствуется растерянность штаба. Командир полка, храбрый в бою, как впоследствии пришлось убедиться, завален донесениями из рот и батальонов и не в состоянии принять общего плана обороны. Членами Военного совета вносится предложение направить все силы на тракт Олонец — Лодейное, где дать бой и, завладев трактом, поставить себя в выгодное положение. Но, так как нет данных о силах противника, предложение это отклоняется, хотя и чувствуется, что крупных сил не может быть. К утру 23 апреля мы оказались окруженными со всех сторон. Противник подошел на 4 клм. к городу, и задержать его мы были не в состоянии.

Тянутся раненые. Путь отхода — в болото, через которое мало надежды пробраться. Наконец, решаем ударить по главному тракту и пробить себе дорогу на Лодейное.

Быстро собирается олонецкий отряд под руководством членов Совета и с песнями идет на поддержку отступающему батальону. Энтузиазм и решительность остановили отступление, и решительной контратакой противник был брошен за реку, и тракт оказался за нами. Взяты были пленные, в том числе кулак-карел, который убежал несколько раньше в Финляндию и служил проводником белофиннам. От него получили сведения, что банды вышли из Сальмиса (Финляндия) по разным направлениям в числе до 2000 человек. Цель — «освобождение» Карелии. При обыске у него нашлись адреса Маннергейма, Юденича и других «освободителей». Результаты работы «освободителей» были уже налицо: до полудесятка расстрелянных за шесть часов владычества в Мегреге. Тем же отплатили и этому предателю.

Быстро организуем разведку. Она направляется для связи с Лодейным Полем и батареей в Свирском. По дороге висят порванные провода, но сюда еще не успели заглянуть белофинны. Сообщаем в Петрозаводск и в Петроград о случившемся и просим помощи. Но помощь во-время не успела. Пришлось отступить под давлением противника до Свири. Здесь, получив покрепление, переходим в наступление. Овладеваем несколькими деревнями и 1 мая ведем упорный бой под Мегрегой, которую занимаем ко 2 мая. Отсюда двигаемся дальше. 3 мая с утра начинается бой в пяти километрах от города. Каждый дом приходится брать с боя. Отступая, противник поджег деревню, распуская слухи, будто это сделали мы, чтобы возбудить население против нас. Но население, видя, как наши отряды под пулями тушат пожар, на провокацию не поддалось, несмотря на то, что банды возлагали на нее большую надежду.

При посредстве кулаков и бывших заправил — чиновников, белобандиты создавали охранные дружины, записывая туда всех. «Кто не белый, тот красный», — заявляли белофинны, но население при первом же появлении красных войск сдавало оружие и не оказывало никакого сопротивления.

Мечты не сбылись, спровоцировать население и поднять бойню не удалось. Только к 12 часам ночи 3 мая мы заняли центр города. На окраинах все еще шел бой. Быстро из местных работников создается Военревком, и к 4 часам утра 4 мая готовы приказы. На другой день Ревком уже функционирует, приводит в порядок город и учреждения, хотя противник в трех километрах.

Пробыв в городе десять дней, «освободители» оказались величайшими варварами: расстреляли в больнице 27 больных и раненых красноармейцев и граждан, которых не могли эвакуировать при отступлени. Помимо того расстреляли до 15 горожан по простому лишь указанию: «вот этот красный», или из-за личных счетов. Через два дня, из-за неприбытия подкрепления, нам вторично пришлось оставить город, но на этот раз только на несколько дней. Затем в продолжение месяца происходили бои вблизи города и, его еще раз удалось занять противнику, но уже только на один день, после чего он был отброшан далеко от города и, наконец, под Видлицей окончательно разбит. Интересно отметить, что при первом занятии города и деревень белыми население не уходило, но в последующие разы, как только мы отступали, сразу с нами уходило много жителей с детьми, со скарбом, бросая свои дома. Мобилизованное белофиннами население пачками, при первой возможности, с оружием переходило к нам.

Результаты этой авантюры белобандитов — 183 расстрелянных, вытоптанные и незасеянные поля, хозяйства без лошадей и сожженные деревни.

Ф. И. ЕГОРОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОЛОНЕЦКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

НАПАДЕНИЕ БЕЛОФИННОВ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ в апрельские дни, застало врасплох пограничные части Красной армии и все местные организации.

Немедленно по получении сведений о боях в Тулоксе (около 40 клм. вглубь Карелии от границы) было приступлено к формированию отряда. Телеграфная связь оказалась прерванной, посланные один за другим двое верховых для передачи депеши в Петрозаводск через Лодейное Поле или не доехали по причине ледохода на Свири, или были захвачены белофиннами, которые к тому времени уже отрезали путь на Лодейное Поле. Тракт Олонец — Петрозаводск также, как выяснилось, был занят противником.

Таким образом, город Олонец оказался в кольце белофиннов. Это кольцо, постепенно смыкаясь, грозило полным уничтожением всего, что напоминало коммунистов и советскую власть (белые расстреливали даже раненых).

В этих условиях и сколачивался отряд из состава оставшейся части караульной роты (многие из роты оказались на Пасху распущенными по домам), коммунистов и добровольцев из города и ближайших волостных парторганизаций (Рыпушкальской и отчасти Неккульской и Коткозерской).

Наскоро вооруженные, в один-два дня обученные обращению с оружием, люди в массе своей однако были готовы к борьбе. Первоначальная численность отряда доходила до 300 штыков. Ввиду угрожающего положения и постепенного отхода частей Красной армии к городу, часть сил была выделена по просьбе командования 171 полка для помощи частям Красной армии, ведущим бой в Ильинском направлении. Другая часть несла охрану города на случай внезапного прорыва противника, для чего по всем направлениям были выставлены немногочисленные заставы.

Происходившие кругом города бои с превосходно вооруженным и хорошо подготовленным в военном отношении противником не приносили успеха. Созданный нами Совет обороны (в который входили командир 171 полка Стариков, комиссар того же полка Кимундрис, председатель УИКа Никитин, военрук Текстер и я) решил прорвать кольцо противника в лодейнопольском направлении. К этому времени противник опоясал город радиусом в два клм. Ввиду невозможности снять силы откуда бы то ни было без риска прорыва белыми и захвата города, решено было использовать свободные от боев остатки Олонецкого отряда.

Крутыми мерами сдерживая отступавшие части, группа товарищей бросилась на конях вперед и увлекла своим примером красноармейцев. Удар ошеломил белых, и последние в панике отступили. Образовавшийся прорыв спас положение, грозившее полным истреблением многих сотен людей. По приказанию полкового командования часть Олонецкого отряда погнала белых в направлении Мегрега, Сарьмяги, Обжи, Ладожское озеро. Отря-

дом были заняты Сарьмяги, Обжи и т. д. Усиленная разведка достигла берега Ладожского озера. (Здесь между прочим был захвачен и расстрелян главарь белых Светлов.) План командования отряда, доложенный штабу полка, сводился к тому, чтобы, воспользовавшись знанием местности, пробраться и ударить в тыл противника со стороны Ильинского — Тулоксы и одновременным переходом частей 171 полка в наступление со стороны Олонца.

Однако находившиеся в непрерывных боях части 171 полка и часть Олонецкого отряда, приданная в помощь частям Красной армии, не выдержали и отошли с боем до Юргелиц, сдав противнику Олонец.

Командование полка, вначале согласившись с планом удара в тыл, отменило этот приказ и приказало отряду отойти, заняв исходное положение в Усть-Ниеме. Условия передвижения людей были необычайно тяжелы в связи с распутицей и разливом рек и болот. Достаточно сказать, что людям приходилось итти в одном месте больше двух километров по пояс в ледяной воде.

Оставив заставу с пулеметом в направлении Сарьмяги, отряд поздно ночью расположился в Усть-Ниеме.

Однако, за время, которое занял переход отряда, части 171 полка отступили, не поставив отряда в известность. Люди, посланные нами для связи в штаб полка, не возвратились. Часть из них была захвачена противником (так как Мегрега оказалась уже занятой белыми) и расстреляна, а часть, видя, что противник уже занял Мегрегу, и учитывая создавшееся безнадежное положение отряда, отошла, пользуясь темнотой, в направлении на Лодейное Поле.

Положение, в которое попал отряд, заключалось в том, что, будучи в соседстве от противника в одном-полутора клм., отряд был отрезан от путей передвижения и оказался в мешке.

Когда мы приготовлялись к обороне (так как, не видя возвращения посланных людей, мы поняли, что Мегрега, очевидно, занята), у нас явилось опасение в неустойчивости приданного отряду взвода пограничников. Местные карельские коммунисты готовы были итти с боем на Мегрегу.

Вернувшийся на утро один из посланных для связи подтвердил наше предложение о наличии в Мегреге противника. Этот товарищ, нарвавшись на белогвардейский пост, не растерялся и, пользуясь знанием финского языка, сумел выпутаться из положения и вернуться обратно к нам. Недостаток патронов, отсутствие станковых пулеметов, отсутствие продовольствия и т. д. ставили в тяжелое положение. Единственный путь был через Мегрегу, занятую противником. Крестьянин дер. Усть-Ниеми (фамилии не помню) взялся провести отряд леском, который со стороны Лодейного Поля подходит к Мегреге на расстоянии десятка саженей.

Сообщив людям положение и задачу, а также указав на вероятность присутствия в деревне белых на кладбище перед Мегрегой, — отряд отступил. Растерявшаяся застава белых, очевидно, не ожидавшая нас с этой стороны, подняв стрельбу, отошла, и захваченный нами пленный указал на наличие 2000 штыков, мы же,

отстреливаясь, благополучно проскользнули под носом противника. Впоследствии отряд проделал весь путь до Лодейного Поля и обратно в Олонец, все время отступая и снова наступая.

В этих боях погибло 45 товарищей, в том числе брат начальника отряда Егоров Павел; многие товарищи были ранены.

Из выделившихся товарищей в этот период считаю нужным отметить:

1. Никитин Иван Антонович. Своим мужеством он неоднократно увлекал за собой людей.

2. Тэкстер. Будучи стар по возрасту, он всегда подавал пример мужества и вел за собой вверенное ему отделение. Раненый в левую руку в бою 1 мая при наступлении под Мегрегой, он оставался в строю вместе с группой товарищей, отстреливаясь от наседавшего противника (остальные отступали) и отойдя лишь под угрозой окружения белыми.

3. Чубриев Михаил Федорович. Выбыл из отряда тяжело раненым (получил инвалидность) в бою под Александро-Свирским монастырем.

4. Васильев Василий Иванович. Был активным бойцом отряда.

5. Зузан Николай Иванович. Активный боец и преданный коммунист; поднимал боевой дух, будучи в полку в 1919 году; принимал активное участие в организаци обороны.

6. Егоров Илья. Боец из разведчиков, участвовал во многих боях и прошел всю тяжесть условий перехода Усть-Ниеми — Ладожское озеро.

7. Конякин Петр Иванович. Являлся активным участником до отступления в Лодейное Поле.

8. Томашевский. Был помощником начальника отряда. Мужественно боролся с белыми, личным примером неоднократно увлекал товарищей. Являлся правой рукой начальника, начиная от формирования и кончая последними боями отряда.

9. Проскуряков Сергей. Активный смелый боец отряда. Ему неоднократно поручались опасные разведки. Участвовал в боях, примерный товарищ.

Кроме того считаю необходимым отметить исключительную по героизму оборону Видлицы. Здесь группа товарищей в течение суток сдерживала противника, обороняясь в каменной церкви. Эти товарищи держались до последнего патрона. Попытки взорвать церковь (белые взрывали ее с трех углов), сосредоточенный пулеметный, ручной огонь и огонь горных орудий не подействовали, и на предложение о сдаче товарищи, выбиваясь из сил, отвечали выстрелами последних патронов.

Здесь покончил самоубийством начальник отряда смельчаков т. Розенштейн, председатель Видлицкого партколлектива, старый член партии, рабочий Путиловского завода. Исключительную доблесть при допросах проявил молодой 18-летний коммунист Володя Трофимов.

Все эти товарищи, за исключением трех или четырех, были расстреляны.

Необходимо отметить также участников взятия деревни Кавай-

ны под командой т. Сорокина и Лобского Василия, который по нашему поручению произвел глубокую разведку в тылу белых в Видлицах. Участие в этом деле принимал и тов. Медников. Благодаря этой разведке было точно выяснено положение белофинских частей, штаба и орудий. Это дало возможность нанести верный сокрушающий удар с военных судов на Ладожском озере, а также высадить десант. Этот удар оказался решающим для всего фронта белофиннов. После этого удара белые спешно отступили по всему фронту.

Исключительную доблесть в боях с белыми всегда проявляли финские курсанты, многие из которых (25 человек) похоронены в братской могиле в Олонце. Особо доблестно проявил себя комиссар 171 полка т. Кимундрис, который был в числе группы товарищей, обеспечивших своим примером прорыв из кольца белофиннов.

БОРЬБА В ЗАОНЕЖЬИ

Г. ПОНОМАРЕВ

В БОЯХ ЗА КОММУНУ

СЕРЕДИНА МАЯ 1918 ГОДА.

Вместе с отрядом, во главе которого стояли тт. Ширшин и Трифонов, мы отступили на Кузаранду.

Положение было тяжелым. Мы решили просить или прислать подкрепление или эвакуировать нас с полуострова.

Вдруг, видим, идут из Петрозаводска пароходы.

Спешим на пристань.

На берег высаживается отряд, организованный из коммунистов—ответственных работников. Командиром отряда был т. Фролов. В числе отряда были тт. Кантер, Игошкин и другие губернские работники. Расспросив у нас подробно о положении дела, они наметили план наступления на Толвую и Шуньгу.

Часть отряда под командой т. Трифонова пошла на Файмогубу по суше, а остальные поехали на пароходе в Толвую.

Въезжаем в Толвуйскую губу. Пароход с десантом идет под прикрытием двух боевых пароходов — «Восток» и «Сильный».

Конная разведка направляется на Падмозеро и на Шуньгский Бор. В разведке участвует Кантер, Игнатьев, Теруков, Калинин и др. В Подмозере белых не оказалось. Разведка поехала дальше. Подъезжаем к Шуньгскому Бору. Вдруг раздалась стрельба в тылу разведки. Разведка была отрезана белогвардейцами. Некоторым товарищам удалось прорваться обратно на лошадях. Под т. Кантером убита верховая лошадь. Были убиты тт. Калинин Андрей, Тервинский, кто-то еще. Остальным товарищам удалось пробраться дальше в тыл, а затем спуститься к берегу и уехать на лодке к стоявшим на рейде пароходам.

Отряд разделился на две части. Одна находилась на Падмозере, где была линия фронта, а другая в Толвуе. Белые пытались наступать на Падмозеро, но каждый раз получали сильный отпор и вынуждены были отступать на Шуньгский Бор.

Дается приказ о наступлении на Шуньгский Бор. Товарищи, находящиеся в Толвуе, выстраиваются и приготовляются к бою. Чувствуется, что наступление должно быть серьезным. Одна часть отряда пошла со стороны деревень Коровниковых и Паяниц под командою тт. Трифонова и Татаринова, другая — со стороны Падмозера под командой т. Антонова. Пароходы боевики выступили на рейд перед Шуньгским Бором. Из Падмозера белые вышибаются стремительным ударом. Идет наступление на Шуньгский Бор... Шуньгский Бор берется с боем и с такой быстротой и неожиданностью для белых, что последние даже оставили на столах горячую пищу, не окончив обеда.

Деревня Шуньгский Бор была пуста — все население разбежалось. Отряду в боевой обстановке пришлось пройти без отдыха 15 клм. и наступать дальше на Шуньгу.

Наступаем на деревню Ергачево.

Около деревни протекает река Путка, через которую был перекинут длинный мост, называемый плавником. Речка хотя и не широкая, но довольно глубокая. Перед рекой топкое болото, а вправо — Хашозеро. Убедившись в надежности своих сил, отряд наступает с огромным подъемом духа без предварительной разведки. Наступают по болоту. Белые, укрепившись в окопах, расположенных по другую сторону моста, открыли сильный пулеметный огонь. Наступать через указанное болото, а также через мост, казалось, было невозможно. Продолжать наступление — это значило рисковать отрядом, так как белые могли бы всех перестрелять в этом топком болоте и на мосту. Несмотря на это, раздается команда: наступать через мост.

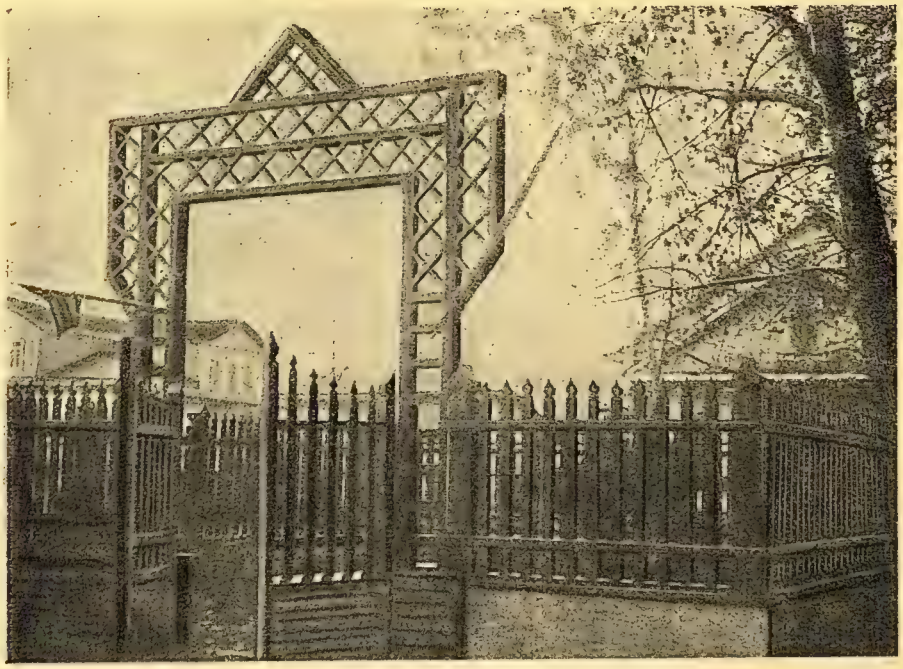
Идет первая колонна.

Впереди — начальник отряда т. Антонов, а за ним — тт. Богданов П. С., Калугин и др.

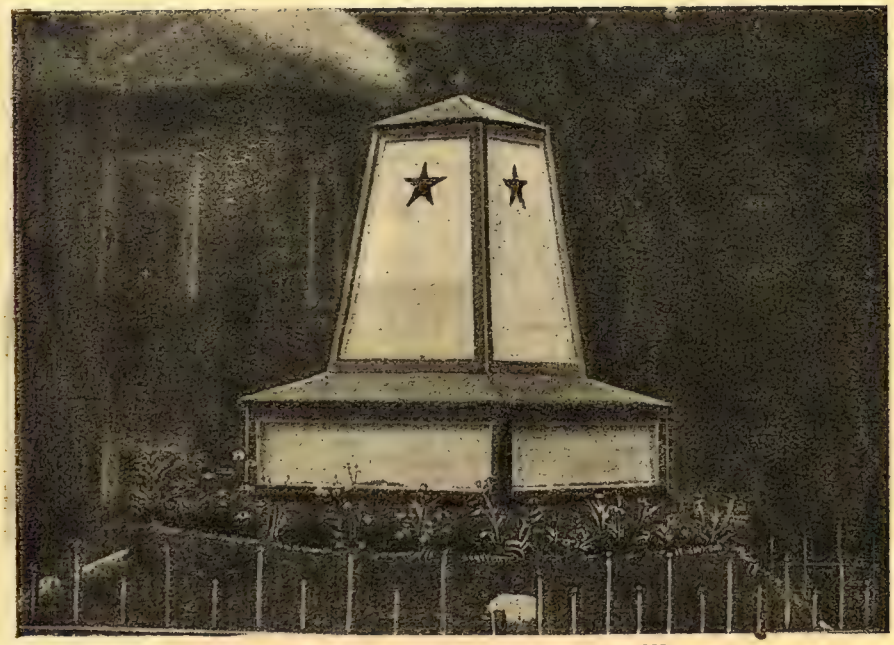
На мосту падает, сраженный белогвардейским пулеметом, т. Калугин, с ним другие товарищи. Некоторым товарищам удалось перейти на другую сторону речки. Огонь белых был убий-

Похороны растрелянных красных партизан на ст. Масельгской

Братская могила в день похорон красных партизан на ст. Масельгской



Братская могила красных партизан на Сорокском лесозаводе



Братская могила красных партизан в Шуньге

Кабинет Севера
Обл Библиотека

ственным. Перешедшим на другую сторону реки пришлось итти обратно в брод через реку. Всему отряду пришлось отступить.

После этого многих товарищей мы не досчитали в своих рядах.

БЕЛЫЕ В ФОЙМОГУБЕ

ПО ДЕЛАМ ТОЛВУЙСКОГО ВОЛРЕВКОМА ИДУ в Фоймогубу (в 10 клм. от Толвуи), взяв с собой милиционера т. Фокина Павла.

Фоймогубское общество в общем считалось под белыми, лишь деревня Патрово, где находилось наше хозяйство, считалась под красными, так как там находился отряд красноармейцев, состоявший из 15 человек.

Был праздник — «Петров день». Лето было раннее... Крестьяне уже начинали есть новый хлеб. Прихожу домой. Заказываю самовар. Выкупался и пошел в дом бывшего торговца Изотова, где происходило собрание крестьян, на котором распределяли норму, полученную из Петрозаводска. Даю указание, кому давать норму и кому не давать. Одновременно со мной заехал по пути домой т. Татаринов Я. Т., ездивший в Пудожскую гору для раздачи жалованья красноармейцам.

Вдруг со стороны деревень Спировко, Загорье и Андреевка началась стрельба по нашей деревне. Быстро бегу домой и хватаюсь за винтовку... Через сарай хочу выбежать на улицу, где красноармейцы уже рассыпались в цепь.

На дороге встречает меня моя мать. Она ухватилась за меня и пытается тащить в подполье из боязни, что меня застрелят. С большим трудом отрываю ее от себя... Выбегаю на улицу, начинаем отстреливаться. Но белые расположились на противоположном берегу озера на высокой каменной скале. Им было видно малейшее наше движение, и каждого высунувшегося из-за построек они легко могли взять на мушку.

Начинают стрелять и из деревни Харлово. Как выяснилось после, оттуда стреляли Масляковы с целью навести на отряд панику.

Имея в виду, что деревня Онежаны находится в руках белых, у нас создалось такое впечатление, что нас обходят и что мы рискуем быть отрезанными. Решили отступить за деревню на креж.[1] Начинаем опять отстреливаться...

Дальше опять пришлось отступить в Тявзию, а затем пробраться в Толвую. В числе стрелявших в нас белых были местные белогвардейцы: Изотов Константин, братья Ждановы, Пронькины и другие. Во время этого наступления белыми был арестован зашедший домой т. Татаринов. Вначале главари хотели его тут же расстрелять, но потом было дано распоряжение расстрелять по дороге в Шуньгу, куда его и направили. Но по дороге один из трех сопровождавших, Семенов Иван, от расстрела отказался и

[1] Креж — возвышение, обрывистое место.

не советовал этого делать и другим. Таким образом Татаринов был доставлен в Шуньгу. В Шуньге тоже подавались заявления с требованием о его расстреле. Но тут произошла какая-то случайность: за него заступился один английский полковник, который рвал все заявления с требованием о расстреле. Когда английский полковник уезжал, Татаринову оставалось одно: или уехать с полковником в Англию, или быть расстрелянным местными белогвардейцами. Он избрал первое. Яков Татаринов в Красной армии служил взводным командиром и крепко стоял за советскую власть. Сейчас он находится в Англии и служит камердинером. От него я получаю письма.

Белым землякам не удалось поймать и меня, хотя они этого очень хотели, чтобы потом меня расстрелять.

Мелеховы и Изотовы после этого управляли Фоймогубой и творили суд и расправу. Мелеховым Матвеем выпорот плеткой шорник Иван Степанов. Под дулом нагана Мелехова была и моя мать. Лишь благодаря защите соседа Панфилова она осталась жива. Были расстреляны, по приказанию Мелехова и Изотова Константина: Киприянов Иван, Стоканов и нищий «Шорич». Впоследствии по их инициативе были расстреляны: мать т. Ширшина, бывш. Петрозаводского уездвоенкома, жена красноармейца Котова, жена и две невестки т. Леонтьева и другие, о которых я уже упоминал в очерке о Толвуе. Арестован был отец Ширшина, старик Парамонов и другие. Кроме того эти мерзавцы-белогвардейцы посылали на убийство темных, мало разбирающихся людей, выполнявших приказы этих главарей.

За все содеянное эти главари отделались очень легко, отсидев по постановлению советского суда около трех лет, хотя были осуждены на 5 лет.

КАК МЫ ХОДИЛИ НА ФОЙМОГУБУ

ОТСТУПИЛИ ИЗ ТОЛВУИ В КУЗАРАНДУ. НА второй день опять вырабатываем план наступления на Толвую.

План выработан. Отряд под командой т. Трифонова в количестве около 40 человек двинулся на Толвую. В отряде находились местные коммунисты — т. Лаврентьев, т. Ригин, а также часть местных красноармейцев (Баляков Степан, Рогозин, Семенов и другие).

Мы с т. Ширшиным, взяв двух красноармейцев, решили итти на Фоймогубу, которая перешла на сторону белых. Нам было дано задание: во-первых, задержать обоз, который должен направиться в Великую губу за хлебом, привезенным для раздачи населению на пароходах, и, во-вторых, забрать дезертиров из Красной армии, находящихся в фоймогубском обществе. Кроме того, нам захотелось побывать дома и повидаться с семьями. Для меня это было собенно важно, так как моя семья не знала, что мне удалось освободиться из-под ареста белых. Итти нужно было 20 клм. пешком.

Ночью останавливаемся в дер. Шилтя. Видим — едет обоз (около 20-30 лошадей) из деревень Онежное и Коровниково. Становимся на середине дороги и спрашиваем: «Куда едете?» Крестьяне отвечают, что едут за хлебом в Великую губу. Тогда мы говорим: «белогвардейцам хлеба нет, поворачивайте обратно; раз перешли на сторону белых, так оттуда и получайте». Начинают нас уговаривать, но безрезультатно. Обоз повернул обратно.

На обратном пути сопровождавшие обоз сообщили по деревням, что домой идут Ширшин и Пономарев и что их необходимо арестовать и т. д.

В деревне Шилтя мы разошлись. Тов. Ширшин пошел в свою деревню Харлово, взяв одного красноармейца, а я с другим красноармейцем направился в свою деревню Патрово.

Прихожу домой. Ложусь отдыхать. Время было около 6 часов утра. В это время у меня в деревне находились жена и дети. Вдруг около 7 часов утра меня будят и говорят, что в деревне происходит собрание, на котором присутствуют вооруженные из дер. Онежан братья Бровины, и что на этом собрании постановили меня обезоружить и арестовать. Я быстро встал. Схватил винтовку и стал одеваться. В это время входит мой брат, который до этого был обезоружен белыми. Он побежал было по направлению к Великой губе, но по дороге узнал, что я пошел домой, и вернулся сюда. Разбудив красноармейца, мы пошли по деревне, а затем через мост на другую сторону озера с тем, чтобы соединиться с т. Ширшиным. Хотя кроме вооруженных братьев Бровиных, бывших на собрании, в деревне было еще несколько вооруженных дезертиров, все же мы прошли без всяких препятствий.

По пути решили зайти в деревню Спировка, в которой работал на мельнице мой отец. Там тоже оказались вооруженные крестьяне, перешедшие на сторону белых: Ждановы три брата, Пронькины два брата и другие. Пронькин Петр хотел было стрелять в нас. Во избежание осложнений мы ушли с мельницы. Нам не удалось даже проститься с отцом, которого мы больше и вообще не видели, так как он был отравлен местным фельдшером по приказанию белогвардейцев.

Не доходя дер. Харлово, в которой был т. Ширшин, нам навстречу попалась большая группа крестьян. Они шли на собрание, устраиваемое главарями белогвардейцев. В числе их были Масляков Петр, братья Кондратьевы и другие. Остановив их, я пытался убедить, чтобы они не шли на собрание, указывая, что они затеяли такую историю, за которую впоследствии придется самим же расплачиваться, и т. д. (и действительно, впоследствии Масляков и Кондратьев были расстреляны).

Приходим к т. Ширшину. Видим — он ходит по комнате во всем вооружении. Простившись с его отцом и матерью, мы пошли опять к деревне Шильтя. (Между прочим т. Ширшину, — так же как и нам своего отца, — больше не удалось увидеть своих родителей, так как мать была расстреляна белыми, отец же некоторое время сидел в белогвардейской тюрьме, а впоследствии и сам Ширшин убит в бою под Кяпсельгой).

В дер. Шилтя происходило собрание. Поздоровавшись, я спросил, что обсуждают на собрании. Мне ответили, что они собираются делить норму. Нужно сказать, что норма была еще не получена. Мы чувствуем, что за нами должна быть погоня и что здесь тоже, повидимому, на собрании речь идет о нас, так как это было видно по настроению отдельных лиц.

Мы решили пойти дальше. Потом оказалось, что действительно из Фоймогубы за нами шел отряд под руководством Михайла Миронова из деревни Тявзи с тем, чтобы нас арестовать. В деревне Шилтя к этому отряду присоединилось еще несколько человек (в частности Федор Куревин) и вместе продолжали погоню за нами. Мы же в то время об этом ничего не знали, чувствовали себя спокойно. И шли без всяких предосторожностей. Дорогой нами был пойман дезертир из Красной армии Федькин (из дер. Аникиной), который показал нам, как удобнее обойти лежащее перед нами водяное болото.

Отряд, гнавшийся за нами, думал, что мы пошли прямой дорогой по болоту, и направился туда. Мы же, по указаниям пойманного дезертира, пошли в обход другой дорогой, благодаря чему и встречи с ними не произошло.

Мы остановились в дер. Короткие. Белогвардейцы, дойдя до Юмаков, рассыпались в разные места, став за костры дров и углы домов с тем, чтобы подстеречь и подстрелить нас из-за угла. Главарь же М. Миронов с наганом пошел в разведку в дер. Короткие, в которой находились мы. Заметив его, мы вначале не обратили на него внимания, так как совершенно не знали, с какой целью он идет. К тому же в этой деревне жила его сестра, куда он и зашел. Лишь впоследствии, когда он заметил нас и побежал, для нас стало ясно, с какой целью он сюда пришел. Мы приняли соответствующие меры предосторожности. В это время ехал верхом т. Лаврентьев. С ним было три красноармейца, которые вели двух человек, арестованных т. Лаврентьевым. Пойманными оказались те лица, которые стояли с винтовками за костром и ожидали нас. Среди них мы увидели Федора Куревина из дер. Шилтя, который был в момент нашего прохода через эту деревню на собрании и с которым я за руку здоровался как с товарищем детства.

От т. Лаврентьева мы узнали, что наш отряд от Толвуи отступил обратно по направлению на Кузаранду, что белые дали здоровый отпор и что среди нашего отряда есть раненые и убитые. В частности был убит молодой красноармеец, крестьянин из дер. Серовки Файмогубского общества, т. Семенов. Нам пришлось отступать на Вырозеро, где мы встретились с нашим отрядом. Бывшим с нами в Фоймогубе красноармейцам Косову и Максимову мы поручили сопровождать арестованного дезертира Федькина, а красноармейцам, приехавшим с т. Лаврентьевым, — сопровождать арестованных Куревина и Тихонова.

Служившие в Толвуйском волвоенкоме красноармейцы Косов и Максимов, которым мы доверили сопровождать дезертира Федькина, вместе с дезертиром отстали от нас и ушли к белым. Аресто-

ванные Куревин и Тихонов были доставлены красноармейцами в Кузаранду.

После нашего ухода из Фоймогубы туда приезжали два английских офицера. Они окружили наш дом, пугая семью расстрелом, в случае если кто-либо из них выйдет из дома. Один из них все время дежурил около нашего дома, пока другой проводил собрание, боясь, вероятно, нашей тени, хотя знали хорошо, что мы ушли.

О присутствии в Фоймогубе белых офицеров было сообщено нашему отряду, который в это время ехал на Фоймогубу под командой тт. Трифонова и Татаринова. Все старания отряда бесплодно пропали, так как поймать офицеров не удалось. Они успели за несколько часов до приезда нашего отряда уехать в сопровождении братьев Бровиных и других белогвардейцев.

Здесь отрядом тт. Трифонова и Татаринова были арестованы дезертиры из Красной армии и перешедшие на сторону белых Спящий, Красильников и Силкин. Последние, по постановлению Чрезвычайной комиссии, находящейся в отряде коммунаров, были в Толвуе расстреляны. Куревин и Тихонов были расстреляны в Кузаранде по постановлению ЧК, а Миронов попал в отряд т. Трифонова и был расстрелян в дер. Фоймогубе.

ТОЛВУЙСКОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

БЫВШАЯ ТОЛВУЙСКАЯ ВОЛОСТЬ РАСПОЛОжена на полуострове Онежского озера.

В озере плавал еще лед, и полуостров был совершенно оторван от Петрозаводска. Телеграфа в то время в Толвуе не было. Для того чтобы подать телеграмму, приходилось ездить за 25 клм. в село Шуньгу. Подвоза продовольствия ввиду распутицы не было совершенно. Крестьяне ели жмыхи, солому и отруби. Недовольство на этой почве все росло. Кулацкие элементы, пользуясь этим, вели усиленную пропаганду против советской власти. Я в это время занимал должности председателя волисполкома, волостного военного комиссара и председателя волколлектива ВКП(б).

Фронт приближался к Толвуе.

В первых числах мая 1919 года белые заняли Челмужу, Повенец и Медвежью Гору.

Шуньгский волисполком уже эвакуировал свою канцелярию в Илем-Сельгу.

9 мая около 6 часов утра пришел ко мне на квартиру начальник Толвуйского почтового отделения т. Юшков и сообщил, что им была направлена в Шуньгу почта. Ее на Шуньгском Бору не пропустили, и она вернулась обратно. Кроме того добавил, что в Шуньге свергнута советская власть и все исполкомы арестованы.

Посоветовавшись с товарищами, я решил вечером устроить собрание членов вика, коллектива и служащих для обсуждения вопроса, что делать дальше. Посланные мною повестки товарищам в Падмозеро были перехвачены, и о нашем собрании узнали

восставшие кулаки. Чувствуем, что восстание неминуемо должно случиться и у нас.

Слежка за нами со стороны отдельных лиц усилилась. Кулацкие элементы не спали. Они разъезжали по деревням и агитировали за выступление.

В 8 часов вечера я открыл собрание.

Присутствовали на нем члены вика, партийцы и служащие волисполкома и волвоенкомата: тт. Сергеев, Ф. Лаврентьев, М. Романова, М. Сергеева, А. А. Куканов, А. В. Куканов, А. Рассолов, И. Рассолов, А. Шамшин и Н. Шамшин.

Я сделал краткий доклад о положении дела и после обмена мнениями решил эвакуироваться. Военный руководитель А. В. Куканов, заслушав это решение, заявил, что он пойдет на квартиру, переоденет сапоги, возьмет револьвер и приступит к эвакуации имущества комиссариата. Я стал составлять воззвания к крестьянству. Остальные товарищи остались обсуждать кое-какие детали.

В 12 часов ночи к нам в помещение вбегает секретарь волисполкома А. А. Куканов и говорит, что мы окружены. Действительно, к нашему дому подошло огромное количество людей. Бросаемся к оружию, но кладовка на замке, а ключ у военного руководителя, который по выходе с нашего собрания переехал на лодке в Челмужи и перешел на сторону белых.

Дверь в кладовке была настолько массивна, что все наши попытки взломать ее были тщетными. Восставшие начали ломать дверь. Раздаются крики: «Выходи».

Я выхожу на крыльцо дома и спрашиваю: «Что вам, товарищи, нужно? Почему так поздно собрались да еще и с оружием?

Мне кричат: «Товарищей теперь нет, а есть господа. Мы, говорят, перешли на сторону белых, предлагаем перейти и вам».

Мы им ответили, что на сторону белых никогда не перейдем и им не советуем этого делать.

Группа восставших набросилась на меня и хотела избить, но в то же время выделилась вторая группа, которая окружила меня и не позволила избивать. Набросились также и на т. Шамшина Андрея. Его несколько раз ударили, но избивать сознательная часть крестьян не позволила.

Тов. Лаврентьев пытался сесть на лошадь и уехать, но за это чуть не получил в бок удар штыка. Лишь случайно удар был отведен одним из крестьян.

Нас вывели на площадь и окружили цепью людей, вооруженных винтовками и охотничьими ружьями.

В числе руководителей восстания были Белоусов Н., находящийся теперь за границей, Макаров А., братья Даниловы из деревни Белохиной, Тихонов П. и др.

Среди нас находились две женщины — Мария Сергеева и Мария Романова. Первая занимала должность делопроизводителя продовольственного отдела вика, а вторая — должность учительницы. Я сделал попытку к освобождению женщин, рассчитывая на то, что, получив свободу, они эвакуируются в другую волость,

предупредят товарищей о случившемся, а те примут меры к нашему освобождению.

В результате т. Романова была освобождена. Через некоторое время восставшие решили, что они сделали ошибку, отпустив Романову, и послали за ней погоню. Но было уже поздно. Тов. Романова сразу же направилась в Кузаранду, а затем в Петрозаводск. Нас поместили в арестное помещение при волисполкоме. Стали производить аресты других коммунистов и сочувствующих советской власти.

Кулаки мобилизовали под ружье все население в возрасте от 40 до 50 лет для несения караульной службы в Толвуе и других местах волости. Вооружили кого винтовками, кого охотничьими ружьями.

Сидим в арестном помещении. Вдруг слышим шум и удар прикладом винтовки... Через несколько времени к нам вталкивают красноармейца Егора Мельникова с проломленной головой, обливающегося кровью. Тов. Мельников поднял кулаки и крикнул по адресу избивавших: «Сволочи!»

Нас, арестованных, оказалось 12 человек: Пономарев Г., Сергеев А., Лаврентьев Ф., Семкин П., Сергеев М., Шамшин А., Шамшин Н., Россолов А. И., Медальников Е., Фокин И., Ригин М. и Ипполитов И.

Около 8 часов утра открывается собрание граждан всей волости.

Нас охраняет усиленная стража...

На собрании организуют управу. Председателем избирают В. В. Ульянова.

Постановляют: отменить разверстку, кожевенную монополию, разрешить свободную торговлю и др.

На собрании резко выделяются Тихонов Павел и Захарьев Иван, предлагавшие объявить твердую диктатуру. Разрешается, наконец, вопрос о том, что делать с нами. Одни кричат: «расстрелять!» Другие: «выпороть, всыпать штук по 20—30 шомполов каждому!» Третьи: «направить арестованных в Челмужи в распоряжение полковника белых войск». Четвертые требуют освобождения. Местный поп Соколов предлагает всех нас уничтожить. В числе восставших особенно выделялись братья Мироновы из Тявзи, Селюгин из Вырозера, а также братья Даниловы из Белохино.

Голосование по нашему вопросу разделилось, и в результате не было вынесено никакого определенного решения.

Постановили послать делегацию от имени собрания в Челмужу к оперировавшему там английскому полковнику за помощью и за указаниями, что делать с нами. Вечером делегация вернулась. Посланные к белым привезли три револьвера и полтора ящика патронов. В отношении нас было получено распоряжение: действовать по своему усмотрению.

Мы приготовились ко всему, решив в случае чего умереть с честью.

На второй день утром устроили опять собрание, на которое

приезжали братья Филины из Шуньгского Бора с белыми повязками на рукавах.

В повестке дня стояли вопросы: об организации добровольческих отрядов, ввиду появившихся слухов, что в Типиницах высадился отряд красноармейцев; затем продовольственный вопрос и вопрос о нашей судьбе. Несмотря на выступление Филина и угрозы его, что кто не хочет воевать против красных, тому штык в бок, — добровольцев записалось в отряд лишь несколько человек.

Продовольствие для снабжения белых отрядов обещал дать местный купец Захарьев из своих наличных запасов. В отношении нас опять голоса разделились, и на собрании ни к чему определенному не пришли. Так и разошлись. Значительную роль в недопущении нашего расстрела сыграл председатель управы В. В. Ульянов, который был против расстрела и всячески сдерживал руководителей восстания, несмотря на то, что мы вели себя по отношениию к руководителям восставших слишком дерзко и всячески высмеивали их. Наше поведение главарям не нравилось.

Охранявший нас Селюгин сказал:

— Вы, наверное, надеетесь, что вас освободят. Так знайте же, если придется нам отступать, мы сначала вас расстреляем, а потом уйдем.

— Если хотите из нас сделать рыбник[1] и съесть его, — заявил ему в ответ т. Лаврентьев, — то знайте, что он костлявый и вы подавитесь им.

— Всех не перестреляете! — крикнул т. Семкин Петр (впоследствии умерший от ран при наступлении на Половину).

Среди восставших чувствовалась какая-то нерешительность и пассивность. Примерно, через час после собрания, смотрим, кулаки снимают белый флаг с избы с какой-то особенной поспешностью. Это обстоятельство нам показалось странным. Прошло еще несколько времени, и мы увидели, что т. Шамшина, только что вызванного, чтобы отнять у него деньги, ведут обратно.

Тов. Шамшин входит в помещение и кричит:

— Товарищи, пароходы идут, наши, красные... Своими глазами видел!

Все, как один, стали одеваться и к чему-то приготовляться.

Явилась надежда на освобождение. Но тут мы вспомнили угрозы главарей, что при уходе они нас расстреляют. Это заставило нас принять меры предосторожности. Часть товарищей посильнее встала к дверям с тем, чтобы, в случае если налетят на нас, ухватиться за винтовки (место в коридоре было тесное), а если будут стрелять через стены, решили свалиться на пол или встать за печку.

Пароходы вошли в Толвуйскую губу, и их стало видно уже из окна нашего помещения.

Стража, охранявшая нас, начала разбегаться...

---

[1] Рыбник — пирог с запеченной рыбой.

Видим, что бояться расправы со стороны восставших не приходится. Но все же настроение жуткое... Вдруг раздаются шаги в коридоре. Щелкнула задвижка... Дверь осталась закрытой, а человек повернул обратно.

Тишина. Все насторожились... Через несколько минут опять раздались шаги в коридоре. Открывается дверь. Смотрим — входит председатель управы В. В. Ульянов и заявляет, чтобы мы прошли в помещение управы. Быстро выбегаем, но остерегаемся, как бы не попасть в ловушку и не быть расстрелянными из-за угла.

Входим в помещение управы (бывш. вик). Нет никого... В углу стоят винтовки, штук около 20, а на полу два цинковых ящика с патронами. Все ухватились за винтовки... Открываем затворы — винтовки заряжены.

Председатель управы Ульянов сел за стол и говорит:

— Все разбежались, а я никуда не побегу. Что хотите, то со мной и делайте.

Сказав ему, что мы ничего с ним не сделаем, мы хотели выйти на улицу.

В это время раздался орудийный выстрел с парохода. Мы вернулись обратно в помещение из опасения, что нас примут за белых.

Через несколько времени раздался второй выстрел.

У т. Лаврентьева была красная рубаха. Он повесил ее на штык, и мы с пением «Интернационала» пошли к пристани.

В это время отряд уже высадился и мчался к нам навстречу во главе с уездвоенкомом Петрозаводского уезда т. Ширшиным.

Мы были спасены...

Главари восстания оказались такими трусами, что даже не могли оказать никакого сопротивления приехавшему отряду, кстати сказать, состоявшему из музыкантов уездвоенкомата. Они бежали к Шуньге, пугая старых и малых тем, что приехали «красные», которые будут всех резать и вешать.

Мы произвели разведку по направлению деревень, в которые бежали главари, и арестовали ряд активных участников восстания. После этого мы забрали дела исполкома и управы на пароход и эвакуировали в Кузаранду.

Толвуйское восстание было затеяно кулаками.

Малосознательная масса крестьян была обманута ими. Многие крестьяне погибли в угоду кулакам, защищая их интересы. Сами же главари в большинстве своем остались живыми. Отбыв наказание по приговору советского суда, они и сейчас работают в своих хозяйствах.

Часть из них, спасая свою шкуру, удрала за границу.

БЕЛЫЕ В ТОЛВУЕ

ИЮЛЬ 1918 ГОДА. Я БЫЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ толвуйского волостного ревкома. Линия фронта была в дер. Падмозеро. Командиром отряда красноармейцев был т. Антонов. Зоркий глаз последнего, его настойчивость давали возможность

с незначительными силами выдерживать натиск белогвардейцев. Примерно, 17 июля на смену отряда т. Антонова был послан другой отряд с командиром т. Ягодкиным и комиссаром т. Неупокоевым.

Разведка у белых, повидимому, была поставлена хорошо, так как белые очень скоро узнали, что пришел новый отряд и что этот отряд мало знаком с местностью. Пользуясь этим, они повели наступление на Толвую.

20 июля белые пароходы, обстреляв Падмозеро, пошли один за другим в Толвуйскую губу. С парохода высадился белый отряд, который повел наступление на Толвую. В это время в Толвуе никаких сил, которые можно было бы противопоставить наступающим белогвардейцам, не было. Командир батальона т. Ягодкин и комиссар т. Неупокоев, пробираясь к своему отряду на Падмозеро, были отрезаны белыми, попали в плен и просто каким-то чудом, как впоследствии оказалось, остались живыми. Отряд же красноармейцев, который находился в Падмозере, несмотря на стремление белых отрезать, благополучно отступил сперва на Сюмаки, а потом на Великую Ниву, где снова укрепился.

Пробираясь лесом на Кузаранду, мы видели, как наш пароход «Сильный», отбиваясь от аэропланов и белогвардейских пароходов, сел на мель и как команда этого парохода, не видя возможности дальнейшего сопротивления, благополучно выплыла на берег, захватив с собой даже раненых товарищей.

В результате неожиданного захвата Толвуи многие товарищи, не успевшие эвакуироваться, были там расстреляны. Так, были расстреляны: милиционер Афанасьев П. А., бывший милиционер Иван Тугов, председатель Выгозерского сельсовета т. Жарков, два брата Кугачевы, крестьяне Загубского общества, рыбак Иван Романов, рыбак т. Сергеев Павел, Силин Федор, Киприанов Иван, Леонтьевы и целый ряд других. Здесь же попала в плен т. Сергеева Мария Павловна, а позднее и Романова Мария Ивановна, местная учительница, которые перенесли целый ряд пыток и издевательств. Не стесняясь, белые расстреливали стариков и женщин.

Были расстреляны: мать известного коммунара, бывшего военкома Петрозаводского уезда, т. Ширшина, беременная жена красноармейца Котова, жена и две невестки т. Леоньтьева и другие. Порка была обыкновенным явлением, в частности были выпороты: крестьянин дер. Толвуя Поспелов, мать красноармейца Шибаева, крестьянка дер. Глазовской Вырозерского общества.

Последним на полуострове остался т. Матсон со своим батальоном, но в конечном итоге, по стратегическим соображениям, ему пришлось оставить полуостров. Таким образом, Заонежский полуостров был эвакуирован нами.

Белая свора обратила весь полуостров в место расстрелов и порок шомполами. Если прибавить к указанным выше расстрелам расстрелы, производившиеся целыми партиями в Шуньге за Майской Горкой, то картина будет еще более ясной. Но никакие расстрелы, порки и аресты не спасли положения разнуздавшихся

белогвардейцев и местных кулаков. Железная рука трудящихся через некоторое время все же вымела свору агентов международного капитала и восстановила на полуострове власть трудящихся.

НАСТУПЛЕНИЕ НА СТАНЦИЮ КИВАЧ И КЯПСЕЛЬГУ

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 1919 Г. Я БЫЛ ЧЛЕНОМ Петрозаводского уика.

Гудит тревожный гудок на Онегзаводе. Собираемся к зданию Губкома. Нас выстраивают. Раздается команда: «Кому больше 40 лет — вперед! Этим товарищам разрешается вернуться домой».

По второй команде предлагают бывшим командирам высшего состава сделать пять шагов вперед, а командирам низшего — три шага. Выявленный комсостав разбивается по взводам, отделениям, звеньям. Образованный таким образом отряд в 105 чел. разбивается на три взвода.

Первому взводу дано задание через два часа явиться на пристань для посадки на пароход, а остальным двум взводам — явиться к Губисполкому для направления по железной дороге.

На вокзале... Подают вагоны... Начальником отряда назначен т. Березин. Нашим взводом командует т. Ширшин.

Подъезжаем к станции Суна. Высаживаемся. Темно. Проливной дождь. Идем по полотну железной дороги пешком. Не доходя до ст. Кивач, останавливаемся, где начальник отряда сообщает нам задачи, данные отряду.

Белые подходили в то время к ст. Кивач и Кондопоге. Начинает смеркаться. Слышим орудийную и пулеметную стрельбу. Догадываемся, что наши части пошли в наступление. Двигаемся ближе. Меня и т. Шамшина отправляют с пакетом к командиру 162 полка, в распоряжение которого мы были назначены. Получаем распоряжение двинуться вперед и рассыпаться по обе стороны железнодорожного полотна.

Сзади нас рассыпался отряд под командой т. Матсона.

Впереди находятся роты 162 полка.

Ожесточенная стрельба...

Белые сильно укрепились, избрав удобную позицию. Наша артиллерия находилась около деревни Кондопога и обстреливала белогвардейцев. Наступление в этот день было неудачным. Мы вынуждены были опять отступить на ст. Кивач. На второй день было, примерно, такое же положение.

На третий день 20 человек из нашего отряда отправляют в разведку, в том числе и меня.

Подползаем к неприятельским баракам. Около бараков сильно разросшийся кустарник, из-за которого нас совершенно не видно. Не знаем, есть ли неприятель в бараках или нет.

Окружаем бараки. Никого в них не оказалось.

Кое-где валялись ящики с патронами, банки с консервами, пулеметные ленты и даже белая мука. Двигаемся к окопам.

Было так темно, что если отойти друг от друга на два шага, то уже почти ничего не видно. Наступаем цепью. Натыкаемся

на проволочное заграждение. Проходим первый и второй ряд и, наконец, бросаемся в окопы. Но белые уже отступили, и, как видно, незадолго перед нашим наступлением, так как было оставлено здесь большое количество патронов, пулеметных лент, винтовок и пр. Причины отступления белых пока нам были еще неизвестны.

Двигаемся дальше. Тов. Матсон со своим батальоном пошел по линии железной дороги на Илем-сельгу. Роты 162 полка пошли на д. Мяндусельгу, а нас на несколько часов оставили отдохнуть. После отдыха идем в д. Тавай-гору, Кавгору, а затем на Риго-сельгу, где белые в старых окопах уже укрепились. По дороге мы находили брошенных белыми замученных лошадей и мулов, ящики консервов и разное снаряжение.

Решено вести наступление на Риго-сельгу.

Нашему отряду дается задание зайти в тыл неприятелю, т. е. занять расположение около дер. Ерши, Каявина-сельга. Отрядом нашим руководит т. Ширшин, так как т. Березин был отозван для переговоров с начальником дивизии. Двигаемся по берегу озера Сандал. Тащим с собой пулемет. Заняли удобную позицию. Перед самой деревней Каявина-сельга рассыпались и приготовили к действию пулемет. Риго-сельга, где стояли белые, была как на ладони. Нас обнаружили и открыли по нам пулеметную и орудийную стрельбу. Лежим и ожидаем сигнала, ждем, когда красноармейские части будут наступать в лоб неприятелю по шоссейной дороге. Орудийная и пулеметная стрельба неприятеля по нам была безрезультатна: в нашем отряде не было ни одного раненого.

От неприятельских снарядов загорелась деревня Каявина-сельга. Мы сделали попытку потушить пожар, но были встречены со стороны белых из дер. Кока-сельга ураганным и пулеметным огнем. Начало темнеть... Вдруг, к нашему удивлению, получаем сообщение, что наступление красноармейцев не состоится и что нам следует немедленно отступить. Так как занятая нами позиция была очень удобной, то известие это мы приняли неохотно, а т. Ширшин даже выругался довольно основательно.

Получаем приказ итти на Лижму для соединения с остальной частью нашего отряда, высадившегося в Лижемской губе и находящегося в Лижме. Таким образом прошли те деревни, которые еще несколько дней тому назад были заняты белыми.

Не доходя Лижмы, за дорогой в канаве лежал бронированный автомобиль с надписью «Великан и неделимая Россия». Такое название вызвало невольные улыбки среди нас. Встречаемся с первым взводом нашего отряда, и здесь нам только стало ясно, почему так поспешно отступили.

Оказалось, что наш первый взвод в количестве 35 человек, совместно с таким же количеством моряков Онежской флотилии, высадился в тыл неприятелю, прервал телефонную связь, соединяющую передовую линию белых со штабом, и навел панику, которая заставила белых отступать не по линии железной дороги на Кяпсельгу, а на Илем-сельгу. Лишь незначительной части войск,

стоявших в Лижме, удалось на бронированном поезде отступить по линии железной дороге на Кяпсельгу.

Отдыхаем.

Получили из Петрозаводска продовольствие. Приготовили обед из трех блюд. После обеда т. Ширшин даже говорил:

— Ну, ребята, наелись как на убой.

Два часа дня... Вдруг получаем приказ о выступлении. Выстроились. Двинулись вперед по шоссейной дороге на Кяпсельгу. На двадцатом километре от Лижмы остановились и залегли в заставе. Окопов не было, устроили каждый себе из камней бойницы и приняли кой-какие меры предосторожности в случае наступления неприятеля. Рано утром получаем приказ о наступлении на Кяпсельгу. Идем вперед, переходим так называемую «Кровавую речку». Наступаем по ту и другую стороны шоссейной дороги. Белые подняли страшную канонаду. Стреляли с трех сторон из орудий, пулеметов, бомбометов и винтовок.

Мы наступали быстро. С собой несли пулеметные ленты. Тов. Ширшин руководил нашим взводом, одновременно управлял пулеметами и в то же время сам стрелял из винтовки. Отрядом командовал уже т. Березин. С правого фланга от нас рассыпались красноармейцы. С линии железной дороги тоже наступали красноармейские части. Видим — лежат наши раненые товарищи: Баландис, Кокачев, Ипатов и др. Изотов и Пономарев Василий убиты. Я также выбыл из строя, раненый в голову. Пришел на перевязочный пункт, устроенный под мостом «Кровавой речки». Фельдшер, перевязав меня, направляет в тыл. Итти неохота. Нужно узнать о судьбе других товарищей, в особенности тт. Ширшина, Шамшина, Лаврентьева и др. Вдруг отступление... Товарищи сообщают, что убит т. Ширшин, а через несколько времени его принесли т. Лаврентьев и другие.

Тов. Ширшин, уроженец Толвуйской вол., крестьянин середняк, вырос в деревне. В 1914 году был призван в старую армию. Служил в Кегсгольмском полку. На военной службе все время ему пришлось быть на фронте. Можно сказать, что у него выработалась боевая натура. В старое время он был представлен к награде за храбрость.

Однако отличие, данное ему за службу в царской армии, его мало интересовало, и он в 1918 году, вернувшись в деревню, был уже среди большевиков. Здесь, избранный на одном из волостных съездов в качестве делегата на уездный съезд советов, он был выделен в члены уездного исполкома и занимал должность помощника уездвоенкома, а в дальнейшем и уездвоенкома.

Занимая эти должности, т. Ширшин проявил большую инициативу в проведении мобилизации и призывов в армию. Проводил твердую и выдержанную линию по директивам советской власти и партии. При наступлении на кивач, а также и на Кяпсельгу, т. Ширшин проявил изумительную храбрость и твердость и тем самым служил примером для остальных товарищей.

Твердость Ширшина превосходно учитывалась кулачеством Заонежья, в частности и Толвуйской волости. Они боялись т. Ширшина как огня и радовались, что т. Ширшин был убит.

Жертвы, понесенные нашим отрядом, не пропали даром. Нам удалось продвинуть фронт от 40 до 50 клм., между тем как грозила опасность с этой стороны не только Кондопоге и ст. Кивач, но и Петрозаводску.

Эта опасность была ликвидирована.

МОГИЛЫ ГЕРОЕВ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАБЫТЫ

ПО ДОРОГЕ ОТ ФОЙМОГУБЫ НА ВЕЛИКУЮ

Ниву Толвуйской волости, между деревнями Чучсельгой и Палтега, бросаются в глаза две могилы, в которых зарыты расстрелянные белогвардейцами в 1918 году красноармейцы. Крестьяне деревни Палтега отмечают, что похороненные здесь красноармейцы умерли геройской смертью, защищая завоевания Октября.

Летом 1918 года Толвуйская волость была занята белогвардейцами. Лишь в деревне Палтега и Великая Нива (той же волости) находился небольшой отряд красноармейцев. Белые, зная, что силы красноармейцев незначительны, повели на деревню Палтега наступление. В войсках белых находилось много местных жителей — Изотов Константин из дер. Фоймогубы, Мелехов Матвей из дер. Великая Нива, Маскалев из дер. Харлово. Они главным образом и руководили наступлением.

Несмотря на то, что силы были далеко не равные, отряд красноармейцев выдерживал натиск около шести часов. В конце концов отряд красных был окружен белыми со всех сторон, и казалось, что он попал в безвыходное положение и должен был погибнуть. В это время неожиданно на помощь пришли пулеметчики. Они своими умелыми действиями сумели прорвать цепь белых и выпустить из неприятельского кольца свой отряд, за исключением раненых. Но самим пулеметчикам спастись не удалось, так как они, в свою очередь, после выхода красноармейского отряда из кольца были окружены белыми. Видя, что они окружены и что гибель их неминуема, они все же не отошли от пулеметов до тех пор, пока не расстреляли до последнего патрона. Лишь только после этого белым удалось их забрать.

Озверелая белогвардейская свора здесь же около пулеметов расстреляла этих молодых и преданных делу революции героев-пулеметчиков.

Расстрелянные красноармейцы не местные жители. Они уроженцы других губерний. У них нет родственников и знакомых, которые смогли бы позаботиться о приведении могил в порядок, и местным (великогубскому и фоймогубскому) сельсоветам и другим организациям необходимо соорудить памятник на могилах беззаветных героев революции.

В. ШАВЕЛЬСКИЙ

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ

(По воспоминаниям Мининой Е. А., Балахоновой М. В., Гурманова А. И., Балахонова И. А., и пр. граждан с Уницы)

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—18 ГГ. явилась великим бедствием. Пролиты были потоки крови, множество сожжено городов, сел, деревень, разрушено фабрик и заводов, уничтожено памятников культуры, оставлено людей без крова и куска хлеба. Миллионы человеческих жертв. Подводить итоги этой войны историкам и экономистам, которые захотели бы нарисовать настоящую картину ужасов войны и сделали бы точный учет всех убытков, вызванных этой войной, — стоит громадных усилий. Солдатам, приходившим с фронта, на побывку по ранению или болезни и рассказывавшим своим односельчанам об ужасах войны, не верили, категорически высказывая свои сомнения. Но вот наступило время, когда и над Карельским краем нависла военная опасность. В деревни, заброшенные среди трудно проходимых болот, среди дремучих густых лесов, среди высоких скал и крутых гор, пришли враги Советской Карелии (в то время Карельской Олонии). Только тогда поверили рассказам об империалистической войне, когда сами испытали ужасы прошедшей и здесь войны.

Весной 1919 года белые наступали со стороны Мурманского края. В первых числах мая они подошли к Медвежьей Горе и Шуньгскому полуострову.

В ночь с 8 на 9 мая в Шуньге произошло кулацкое восстание крестьян.

Во время восстания трагически погиб комиссар Коленов и с ним т. Хомутенников.

Душой восстания был Ремягин — помощник Коленова, который, имея советский облик, по натуре был убежденным белогвардейцем. Истекавшего кровью раненого Коленова Ремягин добил отнятым у него прикладом ружья.

Из Кяпсельги был послан отряд красноармейцев во главе с партийцами тт. Пашковым Е. Ф., Струковым П., Мининым Ант. и др. Красные потерпели поражение. Струков был убит, отряд разбежался. Часть отряда скрылась у Ф. Егармина, другая направилась в Уницы. Впоследствии Егармин был белыми избит шомполами за содействие уходу красных. Через год Егармин от этого умер.

Ремягин сразу же отправил Спирова и Филина к белым за ружьями. Вместе с ружьями прибыл отряд белых в 20 человек с разрывными бомбами и массой продовольствия. Ремягин торжествовал победу: командовал и хвалился, что сделал переворот. Вслед за восстанием крестьян белые под командой полковника Дедова заняли Шуньгский погост и окружающие деревни. Восстание решило судьбу всего полуострова.

В это же время белые организовали наступление на Медвежью Гору, во время обстрела которой выстрелы доносились до Униц. Красные с Медвежьей Горы отступали на Пергубу и часть войск оттянули на ст. Кяпсельгу.

Спустя несколько дней после Шуньгского восстания, ранним утром в с. Уницы прибыл из Кяпсельги отряд красноармейцев, пробиравшихся в Шуньгу, так как с Шуньгой связь была порвана. В Уницах отряд получил сообщение: «напрасно вы направились туда, так как белые не так далеко, их там много, и вас могут забрать в плен». Не проверив сообщения, отряд срочно отступил, забрав с собой исполком, архив исполкома, коров, лошадей, даже весь молодняк до полугода и весь ценный товар из кооператива. Пронесся слух, что через два часа будет подожжена деревня.

С уходом красных поднялась невообразимая паника: вся деревня погрузила свои ценные вещи в лодки и повезла их в деревни Спас, Лист-Наволок и др., расположенные по берегам Онежского озера.

Чувствовались полная беспомощность и безвластие в деревне. Все-таки нашлись некоторые из местного населения, как Минина Е. А., которые убеждали крестьян остаться на месте. Меньшинство крестьян, действительно, осталось в деревне. Кооператив был описан для учета оставшегося товара.

Вечером среди населения поднялась новая тревога: из Шуньги приехали два белых солдата верхом на лошадях и потребовали выдать керосин, чтобы сжечь мост по дороге в Кяпсельгу, предупредив, что войска белых находятся в 4 клм. от деревни и через два часа будут в Уницах. Печать с кооператива была снята Мининой, и приказчик выдал керосин. Белые солдаты вместе с некоторыми из уничан сожгли мост.

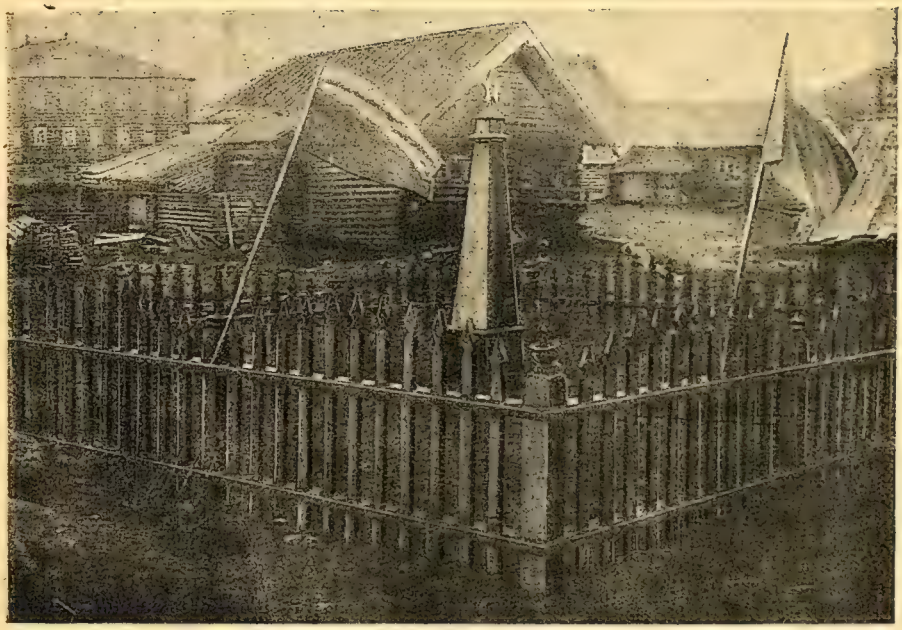
Население окончательно растерялось, потеряло всякое мужество и не знало, что делать: металось, бегало из конца в конец деревни, руками разводило, а помочь друг другу ничем не могло. Прошло два часа. Белых не было. Население стало разбираться, что налет со стороны белых, вероятно, был сделан по военным соображениям. Позднее выяснилось, что набег был сделан с целью оттянуть красные войска с Кяпсельги.

А в это время исполком с архивом и скотом приближался к Кяпсельге. Когда командир отряда докладывал начальнику боевого участка о результатах экскурсии в Уницы, последний не стал слушать доклада и издал строжайший приказ — через четыре часа возвратить под расписку скот и товар в Уницы и водворить на месте Уницкий исполком вместе с архивом, иначе командир отряда будет расстрелян в Уницах. Опять в Уницы погнали скот, повезли товар, исполком, архив.

Подъезжают к мосту. Мост сожжен. Была сухая весна. Скот переправили через речку Уницы и начали строить мост. Активное участие в постройке моста принял А. И. Германов, председатель Исполкома, который в полчаса собрал и направил на постройку моста оставшихся уничан. Скот был возвращен в Уницы.

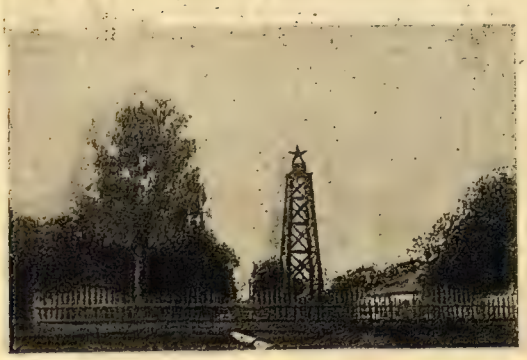
На другой день рано утром Е. А. Минина, проснувшись, видит в

Братская могила красных партизан в Петрозаводске.



Братская могила красных партизан в Великой губе.

Братская могила красных партизан в Кеми



Памятник жертвам революции в гор. Олонце

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

окно соседа Трофимова, с мешком на плечах бежавшего на берег. На вопрос «куда?» Трофимов торопливо бросил: «надо уходить из деревни, деревня полна войск, не знаю, красные или белые; сейчас будет бой». Минина, до сих пор сохранявшая присутствие духа, совершенно растерялась. Не глядя на часы, растапливает печку, бросает уголья в самовар, тащит четырехлетнюю девочку с кровати, наскоро одевает ее, одевается сама, берет мешок с продуктами, запирает дом на замок и бежит в лодку. Печка топится, а самовар уже кипит.

Дорогой окрикивают Минину три финна-красноармейца. «Куда?» — «Не знаю куда», отвечает и тут только очнулась. Красноармейцы успокоили Минину и посоветовали ей вернуться домой.

Днем вызвал Минину т. Уткин для выяснения вопроса о выдаче керосина белым и уничтожении моста. Минина объяснила, что население не восставало, что панику создал военный отряд красных, ушедший утром, а вечером белые, потребовавшие керосин и предупредившие о скором занятии деревни белыми. Население же деревни в большинстве своем разъехалось на лодках и разбежалось по лесу. Со слов старухи Горшковой из деревни Матгуба, возвратившейся накануне из Шуньги, выяснилось, что белые находятся у Федотовых, в 16 километрах от Униц. Была отправлена разведка.

В 7 часов вечера с постройкой моста было закончено. Красноармейцы перевезли в Уницы через мост тяжелые орудия, которые были направлены в Диановые горы вместе с частью отряда, а другая часть отряда осталась в Уницах и пробыла здесь пять недель. На второй день произошел случай, едва не окончившийся смертью председателя исполкома Германова А. И.

Уткин дал Германову наряд на охрану моста, дал и винтовку. Из уничан никто не пошел охранять мост. Германов взял винтовку и пошел охранять мост. «Выхожу из деревни с винтовкой, — говорит Германов, — идет человек и кричит: «стой!» Сошлись. Германов подставил этому человеку ногу и свалил его на землю. Произошла свалка. Человек отнял у Германова ружье. Освободившись, Германов побежал в деревню, а человек начал стрелять. К счастью, ружье дало три раза осечку. Оказывается, стрелявший был красноармеец Богачев Яков Петрович. Прибежав в деревню к Андрею Еремееву, Германов заболел. Назначили заместителем Балахонова Алексея Ивановича.

За пять недель пребывания красноармейцев в Уницах наладилась работа в кооперативе, в исполкоме; население принялось за хозяйство. Все как будто бы успокоилось. В продовольствии недостатков не было. Уницкий кооператив снабжал продовольствием не только Уницы, но и окружающие деревни.

Наступал роковой день в жизни Униц. С Диановых гор в Уницы приехала учительница Румянцева, посланная населением за продовольствием: получив продовольствие, она уехала обратно, но с половины дороги была возвращена опять в Уницы

отступавшими красными войсками. Белые все ближе и ближе приближались к Уницам.

Накануне занятия Униц белыми красноармейцы вечером говорили: «если думаете отходить с нами, собирайтесь». Ночь прошла для многих в приготовлениях к уходу. Рано утром послышались звуки мотоциклеток. То были белые, которые уже начали обходить деревню. Красные дали выстрел и без боя отступили. Кулаки из уничан встречали белых хлебом-солью и белыми флагами. Услышав треск пулеметов, семьи партийцев собрались в доме Мининой.

24 июня утром белые заняли Уницы. Белые имели английское обмундирование защитного цвета, с погонами на плечах, были в кожаных ботинках с шерстяными обмотками, с одинаковым военным снаряжением. Командиры — в офицерской форме с позолоченными погонами. А наша Красная армия была одета кто в чем вышел из дому: кто в сапогах, кто в ботинках, а кто и в лаптях; походными сумками служили большей частью простые холщевые мешки, запасами продовольствия были хлеб и сушеная вобла, часть которых они разбросали по деревне, чтобы показать белым, чем они питаются.

Заняв Уницы, белые произвели обыски в усадьбах партизан. Особенно тщательно белые произвели обыск в усадьбе Балахонова Ал. Ив.: вся солома в сарае была перерыта штыками. Под угрозой порки и расстрела белые заставляли уничан выдавать коммунистов и красных солдат. Был опрошен и сторож лесопильного завода Калистратов Г. Н.: «Будет голова на плахе, если не скажешь, есть ли красные в заводе». — «В заводе нет, за деревню не ручаюсь», — ответил Калистратов. В поисках учительницы в дом Мининой зашел капитан Беляев.

— Почему здесь много народу?

— Боялись боя. Здесь все с того конца деревни, откуда пришли белые войска.

— Где ваши мужья? Ушли красными добровольцами?

— Все давно мобилизованы.

Была здесь и учительница Румянцева, в квартире которой в Диановых горах белые нашли фотокарточки красных комиссаров. Беляев потребовал у Румянцевой документы, посмотрел и наложил на нее домашний арест. Через несколько дней Румянцева была отпущена.

При отступлении красных белые захватили двух красноармейцев-финнов в плен, которые тотчас же были расстреляны за деревней. Накануне этого дня Фома Иванов вместе с А. Калистратовой отвозили в лодке красноармейцев в деревню Богданово. На обратном пути, километра за четыре до Уницы, видят, сидит на камне голый человек. Подъехавши к нему, узнали, что это финн-красноармеец, бежавший от Диановых гор. Он переплыл озеро Пигма, голышем перешел лес и теперь отдыхает, собираясь плыть в Уницы в надежде, что там красные. Подобрали красноармейца, опутали парусом и перевезли в Уницы. Тотчас же пришел офицер и со словами: «втавай, беглец», повел красноармейца в штаб

на допрос... После допроса красноармеец Андрей (фамилия неизвестна) был расстрелян на валу.

Всего в Уницах расстреляно восемь человек. Из них двое найдены и похоронены на братском кладбище.

После обыска и расстрелов белые начали устраиваться. В первую очередь заняли дома добровольцев и красных партизан; в том числе весь дом Балахонова Алексея Ивановича, семью же выгнали в сарай: «Вам место в сарае». В избенку А. А. Балахоновой (20 квадратных метров) поместили 10 солдат. В дом Мининой Е. А. поставили 35 солдат.

Минина решила узнать настроение солдат и их отношение к войне. Солдаты были из белых. Мининой с первого разговора удалось узнать, что они воюют бесцельно, без охоты, воюют за ром, галеты и консервы. Спустя два дня солдаты сделались еще более откровенными, когда прибыли солдаты англичане, а русских солдат направили занять деревню Бардово и Кокорино. С неохотой пошли солдаты, пошли с ропотом: «Проклятые чужеспинники! Как займешь деревню — они тут и есть. Кончим мы эту бестолковую бойню, перейдем на сторону большевиков!» Прибывшие англичане расположились как дома; там, где русских помещалось 35 человек, их было только шесть человек. Расставили орудия по берегу южного конца деревни и затеяли игру с пушками, открыв стрельбу за озеро по скалам, без всякой цели и результата.

Среди командного состава белых шли разговоры о лишении пайка семейств красноармейцев. Деревня большевистская и хлебом снабжена. Население других деревень со слезами просило о выдаче пайка. Правление кооператива подхватило эти разговоры, составило список населения и направилось к капитану Беляеву просить о выдаче пайка, который и так был невелик — пять фунтов галет в месяц на человека. Беляев запретил выдачу пайка семьям добровольцев и партизан.

Список был изменен, но паек все же выдавался правлением кооператива на свой риск, так как за выдачей пайка белые не особенно следили. Все же следовало это оформить. Члены кооператива Минина Е. А. и Минин А. Е. отправились в Повенец к «губернатору» Карцеву просить разрешения на выдачу пайка партизанским семьям. Сначала Карцев был неумолим, даже предложил правлению кооператива вместе с партизанскими семьями эвакуироваться на Новую Землю. Судьбу пайка случайно разрешил Минин А. Е., который свою речь начал обращением: «господин товарищ губернатор». Губернатор рассмеялся и разрешил выдачу пайка. Но получить паек не так было легко: совзнаков белые не принимали, принимали только «николаевские» и свои, двух видов: «северные» — на подобие «николаевских, но стоимость которых была в сто раз выше николаевских — и «шпалы» за подписью Чайковского.

Подвезенный белыми товар был как будто и в достаточном количестве, но население получать его не могло из-за отсутствия денежных знаков, а о каких-либо заработках говорить не прихо-

дилось. Все население было мобилизовано для несения военной службы: рыть окопы, строить блиндажи, возить солдат, продукты и т. д., да и работа в кооперативе протекала ненормально: приемка и выдача продуктов попадала под обстрел, приходилось работу бросать и прятаться. Кроме кооператива белые имели свои склады всяких припасов: консервов, чаю, кофе, шоколаду, галет, белой муки, которыми в изобилии снабжали ту часть населения, которая дружески к ним относилась. Поговаривают, что есть в Уницах семьи, которые еще до сих пор попивают чай белых и еще в 1929 году кушали галеты и белую муку.

В половине июня белые увидели с берега пароход, шедший по направлению в Уницкую губу. Моментально расставили вооруженных солдат по бирже и берегу, так как ждали обстрела деревни. Пароходу дали подойти к Уницам довольно близко. В деревне Спас были красные войска, которые сигналами заставляли пароход итти обратно. Пароход взял направление на Спас, белые пустили в него несколько снарядов, от которых пароход получил пробоину. Пароход начал тонуть, команда высадилась в шлюпки. С берега белые выехали на лодках. Красные обстреливались из ружей. Команда парохода была захвачена белыми и вывезена на берег. Кочегар оказался тяжело раненым и по пути в госпиталь умер. Остальную команду отправили на Медвежью Гору. На пароходе была женщина с ребенком, которая от страха сошла с ума. Мачта затонувшего парохода на поверхности до сих пор напоминает о кровавых днях в Уницах.

В ночь наступления с Медвежки на Кяпсельгу белые решили послать подкрепление из Униц. Некоторые из солдат заявляли протест. Командир поставил в строй весь отряд и протестующих вывел из строя. Сцена происходила на улице против дома Коноваловых. Наблюдалось брожение и среди офицеров англичан. Живший в доме Мининой офицер англичанин часто оставался один дома, читал маленькие книжечки и, показывая их Мининой, говорил: «Это книжка большевика, большевик хороший».

В ночь на 29 июня белые без боя заняли д. Спас. 29 июня местный праздник в Уницах. Многие жители д. Спас приехали на праздник в Уницы. Праздновать пришлось 38 дней, вплоть до августа, так как в ночь на 30 июня деревня снова перешла в руки красных. Передовыми позициями были деревни Кокорино, Бардово, Уницы и Кяпсельга. Село Уницы часто подвергалось обстрелу со стороны разъезда Мурманской ж. д., где находились красные войска. Обстрел производился шрапнелью, снарядами из тяжелых орудий. От постоянной перестрелки население с детьми скрывалось в лесах. От снарядов в селе Уницах сгорели четыре дома: один Полькина Филиппа и три заводских.

Во время пребывания белых в Уницах жители жили разрозненно. Они не имели возможности не только ходить друг к другу, но даже встречаться и вести разговоры на улице. Слежка у белых была поставлена образцово. Белые солдаты советовали жителям временно сделаться «немыми». Вот анонимное письмо од-

ного белого солдата, полученное М. В. Балахоновой, подлинник которого до сих пор хранится у адресата.

М. Г.

Как, сударыня, вы не изощряете свой ум, чтобы проникнуть в душу человека, но, как из ваших действий видно, вам меньше, чем кому-либо, это удается. Правда, я глубоко уважаю честь такового семейства, как ваше, и только письмом анонимно решаюсь оповестить вас об опасности, от которой, повидимому, вы нисколько не гарантированы. Вы сделали ошибку, не уничтожив всех писем, которые нашли при обыске у вас, а также не спрятав мануфактуры. Как я уже успел проследить за вами, хотя вы и разбираетесь в политике, но еще предупреждаю, что сейчас это больше, чем когда-либо, опасно. Я только предупреждаю, что пока царствует это правительство, то на время необходимо сделаться немым, если только не желаете попасть на Новую Землю, в рудники и т. п.

Сочувствующий товарищ.

Особенно тяжело было крестьянам производить летние полевые работы. Выход за деревню без пропуска не разрешался, а уборка хлеба и сена за озером проходила под надзором белых солдат, так как белые опасались крестьян и красных войск.

5 августа белые пошли в наступление по всему фронту. Из Униц стали обстреливать деревню Спас. Белые хвалились, что одним выстрелом выбьют наблюдателя красных с церковной колокольни, хотя наблюдательный пункт у красных в это время был на одной из елок. Белые пустили зажигательный снаряд — и церковь почти в два часа сгорела. Красные отступили в Лижму, а белые заняли Спас, Мат-губу и Викшозеро. Только пятого августа петровские (прибывшие на Петров день) «гости» отправились домой на свой праздник «Спаса», приглашая к себе уничан.

В конце августа англичане уехали, так как, по словам англичанина, хвалившего большевистские книжки, у них было неспокойно. Недели две в Уницах не было никакой власти. Населению жилось крайне тяжело: не было денег, не было и продовольствия.

27 сентября из Кяпсельги прибыло большое количество белых войск, отступавших от Лижмы. Солдаты говорили: «скоро, как видно, будет конец войны, так как большевики начинают одерживать победу».

В это время флот красных подошел к Повенцу и Шуньгскому полуострову, но выбить белых на этот раз им не удалось, хотя и был высажен десант на Шуньгский полуостров. Во время боевых стычек в Уницы произвели много тяжело раненых. Здесь их перевязывали и увозили на Медвежью Гору.

Неоднократно белые проводили через Уницы и партии красных пленных. В это время солдаты начинали заболевать тифом, больных не успевали лечить и отправляли на Медвежку.

3 декабря красные наступали на Викшозеро. Три раза деревня переходила из рук в руки. Слышны были пулеметные выстрелы и крики «ура». Ночь уничане не спали. Под утро красные с Викшозера отступили, и деревня опять осталась за белыми. В эту ночь белые обокрали уницкий кооператив.

Военные действия как будто затихли. Офицеры занимались своим обычным делом — кутежами и развратом. Не уступали им и солдаты: устраивали вечера, занимались выгонкой самогона, свадебничали. Во время вечеров, как, например, в доме А. И. Балахонова, офицеры без кальсон устраивали танцы, несмотря на то, что в этом доме были две взрослые девицы; в пьяном виде разбивали стекла в окнах домов уничан; избивали и женщин. Особенно жестоко была избита Ксения Фомина по приказанию офицера Беляева. Фомину раздели догола, и два солдата в заводской керосинке били ее шомполами, так что в конце концов Фомина превратилась в битый синий кусок мяса. Другие же женщины откупались молоком, маслом. Представитель контроля грозил женщинам арестом, ссылкой на Медвежку, если они не удовлетворят его скотских желаний.

Есть семьи, которые получили от белых тяжелое наследие — сифилис. Чтобы внести некоторое разнообразие в жизнь, офицеры производили обыск и во время обысков забирали такие вещи, как граммофоны, золотые кольца, самовары, стаканы и многое другое. Тяжела была жизнь уничан в боевой обстановке, но не легко им жилось и во время военного затишья: там они дрожали за жизнь, а тут за здоровье и имущество.

Кроме внутреннего разложения среди белых офицеров и солдат, разложения морального и политического, незаметно подкрадывались и другие беды: продовольственное снабжение с каждым днем становилось все хуже и хуже, обмундирование износилось, а заменить его было нечем, фуража для лошадей не было, лошадей держали впроголодь, английские мулы, стоя на дворе, грызли стены и деревянные столбы (следы и теперь имеются в усадьбе Е. А. Мининой). Настроение у солдат падало. В деревне Бардово солдаты организовали восстание, убили офицеров и ушли по озеру к красным. Участник восстания Веденев Михаил, из дер. Матгуба, жив до сих пор.

Особенных насилий над населением Уницы не было, как это было в Кяпсельге, где был расстрелян рабочий Уницкого лесозавода, бедняк Терехов А. В., и несколько семей партийцев в зимнюю морозную ночь было отправлено через фронт в Лижму. В Уницах белые ограничились только арестами жен партийцев: Феклы Андреевны Цикаревой с двумя детьми 3 и 4 лет, Анисьи Александровны Балахоновой с тремя детьми 4, 5 лет и полугода, Стефаниды Ивановны Мининой с четырехлетним сыном, Булычевой У. И. Арестованных довольствием не снабжали, питание приносили соседи. М. В. Балахонова со своей семьей была приговорена к высылке на Новую Землю. От высылки спас Артамонов Иван Федорович, белый командир ст. Кяпсельга, который, по рассказам уничан, вообще защищал семьи коммунистов.

Из рабочих были арестованы и сосланы на Медвежью Гору шесть человек. Среди них были Булычев Иван Александрович, Балахонов Михаил Федорович, Силкин Михаил Афанасьевич и Петров Григорий Абрамович.

Балахонов Ив. Андр. подвергался аресту три раза как сторож биржи, заподозренный белыми в сношении с красными войсками. Арестованные были отправлены на Медвежку. Питание для арестованных было самое скудное: 5—7 галет в день. В суп на 300 человек клали фунтов 5 мяса. Обуви и одежды совсем не давали; давали только особые брюки, чтобы видно было, что это арестованный. Работали арестованные с 7 часов утра до 11 часов вечера. А вот и памятка об аресте Балахонова:

Начальник
пункта.
5 декабря 1919 г.
№ 8057.
Ст. Медвежья Гора.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие гражд. Балахонову Ивану в том, что он из-под ареста освобожден с правом жительства на родине, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Капитан *Мальгрем.*

В конце февраля 1920 года среди белых солдат пошли настойчивые разговоры: «Скоро война кончится, Архангельск перешел на сторону красных, все белое войско готово кончать войну». В начале марта белые солдаты начали ходить кучками по Уницам. Уже и офицеры говорили: «в эти сутки уйдем с фронта». В один из мартовских дней белые солдаты сорвали с себя погоны и стали арестовывать в Уницах офицеров. Офицеры не дремали: продали крестьянам за бесценок ценные вещи: тюлевые полога, подушки, пуховые одеяла и одеяла с мехом, белье, рубахи-нансеновки, шлемы) и позорно бежали из разных деревень (Уницы, Кокорино, Бардово, Дианевы горы), пробираясь к Кяпсельге. Кто бежал на лыжах, кто на лошадях, закутавшись женскими платками и крестьянскими одеялами. Солдаты ловили беглецов и убивали. Солдатами был пощажен только врач Иванов, как свой человек.

За несколько дней до ухода белые свезли массу проволоки в Уницы, чтобы построить проволочное заграждение около трех домов, из которых мужчины были на красном фронте. Все это они делали для того, чтобы перед уходом сжечь эти дома. Варварская затея белым не удалась. С уходом белых с. Уницы сразу же было занято красными партизанами с 7-го разъезда Мурманской ж. д.

Тяжелое наследие оставили в Уницах белые: разрушенный лесозавод, пустой кооператив, пепелище четырех домов, хозяйственную и общественную разруху. Но кровавые дни Униц из памяти уничан никогда не будут изжиты.

МЕТЕЛКИН

В БОРЬБЕ ЗА ТОЛВУЮ

В ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА ПРОШЕЛ СЛУХ, ЧТО в Мурманске высадились войска разных наций. Вскоре этот слух подтвердился, и нам пришлось быть на-чеку.

Петрозаводск был объявлен на военном положении, на всех дорогах были поставлены заставы, все коммунары были мобилизованы, распределено время занятий в учреждениях, выделены части для несения караульной и патрульной службы по городу и вне города; с винтовкой не разлучались, несмотря на то что в исполкомах как в губернском, так и в городском, заседания происходили от 6-7 вечера до 2-3 часов ночи ежедневно. Но каждый член исполкома помнил о времени, когда следует итти в караул, заявлял об этом, брал винтовку и уходил на место дежурства. Спать приходилось в большинстве вне дома, там, где наступал свободный час.

По установленному тревожному гудку Онегзавода мы все должны были быстро собраться у Губисполкома в полной боевой готовности, где нам давали наряды и разные распоряжения, которые выполнялись нами с большим рвением.

Между тем интервенты подкатывались все ближе и ближе к Петрозаводску и уже запустили свои щупальцы в Повенец и Заонежье. В Шуньге устроили базу для моторных лодок, вооруженных мелкокалиберными орудиями, чтоб при вскрытии Онежского озера можно было наносить вред где только возможно. Мы также не дремали, достали из Петрограда несколько трехдюймовых орудий и поставили на имевшиеся у нас пароходы.

В том году была ранняя весна, озеро вскрылось в апреле месяце. Белогвардейцы всех мастей зашевелились всюду не на шутку, а в Заонежьи особенно. Было решено семейства коммунаров эвакуировать, самим же коммунарам итти на фронт.

Однажды вечером я шел в караул на Вытегорское шоссе. Вдруг раздался тревожный гудок Онегзавода. Мы стремглав бросились к Губисполкому. Когда все собрались, нам объявили секретно, чтобы завтра в 5 часов утра быть на пароходной пристани в полной боевой готовности. В 6 часов мы должны отплыть на пароходе в Толвую.

Хотя и ругали нас, коммунистов-большевиков, за причиненные якобы невзгоды, но, несмотря на ранний час нашего похода, граждане г. Петрозаводска провожали нас в большинстве очень сердечно.

В Толвуе высадка на берег, производившаяся со всеми предосторожностями, прошла благополучно. Был отдан приказ произвести обследование села Толвуи и прилегающих к нему деревень. Сбор был назначен в деревне Борок. К вечеру весь отряд собрался в упомянутую деревню. Жителей никого не оказалось, кроме одной старухи. В прочих деревнях — то же самое. Усталости никто не чувствовал, несмотря на то, что весь день прошел в ходьбе. Но

желудок предъявлял свои права. Пришлось поискать чего-нибудь съедобного. Кроме простокваши ничего не удалось найти. Хлебнули простокваши кто где мог. Между нами было заранее условлено расплачиваться за всякий продукт и деньги за съеденное класть под горшок.

Ночью повели наступление на с. Падмозеро. Наступление велось развернутым фронтом от берега озера в гору, приблизительно с четырехметровыми интервалами. Такой поход очень труден в данной местности, так как на пути масса косых изгородей, камня, кустарника-можжевельника, разного древесного лома. При всем том местность сильно пересечена, в ночное время интервалы держать было очень трудно, то-и-дело приходилось окликать товарищей то справа, то слева, чтоб не потерять связи.

К Падмозеру подошли до восхода солнца. Полукольцом пустили в село конную разведку, которая заметила убегавших в поле людей и открыла по ним стрельбу. Кроме убежавших да оставшихся в некоторых домах женщин, никого в селе не было, все мужское население было мобилизовано белыми.

Начальник отряда т. Фролов отдал приказ наступать на Шуньгский бор. Когда его попросили разрешить хоть немного отдохнуть и подкрепиться, приказ был отменен. Был дан отдых и сварен обед. Пообедав, товарищи легли отдохнуть, но мне почему-то не спалось. Я вышел из дома, который стоял у моста речки Падмозеро. Было около 12 часов дня. Вижу едущих мимо на конях тт. из Губчека во главе с председателем т. Кантером. Помню хорошо, среди них были Дмитрий Лузгин, Озолин, Теруков Николай, Калинин Андрей, Тервинский и Игнатьев. Я спросил их: «куда, товарищи?» Они ответили, что едут на разведку.

Прошло приблизительно часа два — слышу необыкновенный топот лошадей. Смотрю — несутся, что бешеные, лошади с седлами без всадников. У одной из них сильно струится кровь из груди, у другой видны кровавые подтеки. Я бросился в дом будить товарищей, чтобы сообщить им об этом. Потом снова выбежал на улицу, захватив винтовку и патронташ, и направился в сторону Шуньгского бора, куда уехали наши товарищи. Дойдя до поля, вижу — бежит Дмитрий Лузгин без фуражки. Спрашиваю, что случилось. Оказалось, что на Сальной горе они наткнулись на засаду, которая их пропустила на самую гору и открыла из автоматов огонь. Все лошади сразу получили ранения, а две были убиты; под Калининым, которого взяли в плен и застрелили, и под т. Озолиным. Тервинского ранили в руку разрывной пулей. Все товарищи, кроме Калинина, бросились в кустарники и побежали обратно. По ним был открыт сильный огонь из автоматов. Кусты были хорошей защитой, так как противник стрелял разрывными пулями, а последние рвались при малейшем прикосновении к твердому телу.

Я доложил обо всем своему взводному командиру т. Шишкину. Он поставил взвод в боевую готовность. Поодиночке стали появляться и другие товарищи из неудачной поездки. Не явившихся

оказалось четыре человека: Калинин Андрей, Тервинский, Теруков и Игнатьев (последние двое явились через сутки, а двое погибли).

Сейчас же был дан приказ быть всем в полной боевой готовности, были выдвинуты полевые караулы, и с вечера была послана пешая разведка в числе четырех человек, двое из коих — Ромашков и Принцев — попали в руки белых, были убиты и изуродованы до неузнаваемости.

Из первого взвода был назначен полевой караул: Метелкин А., Горский, Игошкин, Кулагин, Добрынин и Моисеев (последний — за старшего). Добрынин был для связи между другими постами, мне с Горским пришлось итти во вторую смену. Сменились и залегли у конца полевой изгороди. Горский с биноклем в руках наблюдает за кустарниками, а я по глади к озеру. Так мы пролежали около двух часов. Уже ждем смены — вдруг слева от нас раздалась ружейная стрельба со стороны неприятеля, сначала редкая, потом сильней и сильней. Зарокотали пулеметы и автоматы. Пули летали уже через наши головы. С нашей стороны тоже открыли огонь пачками, и наши два пулемета затарахтели.

Так продолжалось минут десять. Вдруг с озера послышался орудийный гул. Снаряд упал на берег не разорвавшись. Через минуту новый выстрел, — и снаряд упал чуть не на наши головы, так как мы оба с Горским лежали рядом. Горский что-то мне шепчет, прижались к земле. Прошла минута — и Горский гладит рукой снаряд и шутливо благодарит, что он не разорвался, а в это время через наши головы летит третий снаряд. Этот — в расположение неприятеля. Он там разорвался, и нам был слышен крик и стон: видимо, кого-то ранило. Туда полетели снаряды периодически, и каждый снаряд взрывался. В это время Добрынин нам кричит из-за изгороди: «снимайтесь и отходите, дорога под обстрелом». Мы по-заизгородью пробежали до речки, перешли ее вброд, присоединились к своей части, залегли и открыли стрельбу по неприятельскому расположению. Такая перестрелка продолжалось около четырех часов. Наш пароход хотя не часто посылал противнику снаряды, но, видимо, не без успеха: несмотря на то что наши пулеметы замолчали (с ними что-то случилось), белые принуждены были отступить.

Мы в этом бою имели легко ранеными т. Игошкина и еще кого-то, сейчас не упомню. После боя мы рассчитывали итти следом за отступающими, но такого приказа не последовало, и мы до наступления ночи оставались в Падмозере. Из штаба нам по взводам дали мяса, и мы варили обед. Кулагин и Цветаев Борис сфотографировали некоторых из нас. Словом, мы чувствовали себя, как в мирной обстановке.

Два часа дежурства — и свободен, а в майский день что значат два часа! С наступлением ночи был отдан приказ о наступлении на Шуньгский бор, — опять идем развернутым фронтом.

Во время похода были найдены трупы погибших товарищей — Ромашкова, Принцева, Тервинского и Калинина. Последний, в полукилометре от Шуньгского бора, на самой горе, был убит в лоб пулей из револьвера. У него был отрезан палец с коль-

цом, но в общем он не был обезображен, а остальные трое были обезображены. Тервинский был раздет до белья и еще живым положен на огонь. Его тело мы нашли лежащим на обгорелых головнях.

Шуньгский бор был нами обойден кольцом. Беглым шагом мы вошли в деревню, но в ней неприятеля не было. Приказано было осмотреть все дома. Я и т. Кулагин вошли в дом Филина. Там мы нашли больного старика. На столе был большой самовар, еще не совсем остывший, и объедки сыра и булки. Старик нам сказал, что был сын и какие-то незнакомые, не наши люди, т. е. иностранцы.

Разместили нас по домам. Наш взвод стоял в доме Сидорова. Хозяев ни души, на дворе коровы и два маленьких теленка в загородке. Рев неимоверный. Что делать? Держим совет вчетвером: тт. Аксентьев, Огарков, Акулов и я. Решили коров доить и поить телят. И что же? Сразу после этой операции рев прекратился, коровы пошли в поле, а телята улеглись. Нам же за труды досталось порядочно молока. Эту манипуляцию мы проделывали по несколько раз, т. е. утром, днем и вечером. Кто из нас четверых был свободен, тот и справлял эту обязанность, а оставшееся от телят молоко шло в общий котел.

В отдельном отряде т. Трифонова под дер. Паяницы завязалось дело. Нас послали на выручку, дав проводником старика, который повел лесом и топким болотом. Мы пришли (вернее, не пришли, а прибежали) к концу боя. Белые переправились на лодках на другую сторону Паяницкого озера, и их уже было трудно достигнуть. Мы обескураженные возвращались назад к телятам. Все же выяснилось, что старик завел нас в глубокий фланг деревни и не уйди белые — нам досталось бы как следует.

Время шло в разведках и полевых караулах. Белых не видно. Ждем приказа наступать на Шуньгу, но вместо того получили приказ отступать в Толвую. Зачем? Почему?—посыпались вопросы к начальству. Оказывается, на наш пароход напало несколько моторных лодок, и он, отбиваясь от них, расстрелял все снаряды. На Шуньгу итти без помощи парохода начальство не рискнуло и поступило вполне правильно.

Потянулись тем не менее назад с большой неохотой, а делать было нечего. Отошли километра 2-3, оглянулись назад, а деревня, из которой мы ушли, горит. Была ли тут неосторожность или злой умысел несознательных товарищей? Весь отряд был сильно возмущен.

Придя в Толвую, разместились по квартирам, и снова пошла монотонная патрульно-караульная служба. То полевой караул, то в разведки, но благодаря товарищеской спайке время шло весело. На помощь нам прибыл отряд Вытегорских товарищей.

4 июня приказано было Вытегорскому отряду с раннего вечера итти под Шуньгский бор, чтоб к рассвету быть там, а наш отряд 5 июня утром был посажен на пароход, и мы должны были высадиться во фланг Шуньгского бора. С парохода нас брала «Соломенка» и подвозила к лодкам (их было пять штук растянуто в ли-

нию). Мы по этим лодкам должны были быстро бежать на берег в гору и брать деревню на «ура». Несколько человек из нас вскочило на «Соломенку». В это время между Вытегорскими и белыми завязалась перестрелка. На берегу был замечен патруль белых. По нему открыли с парохода стрельбу. Мы же, проскочив по лодкам и вбежав на гору, дали два залпа по профилю окопов, закричали «ура» и бросились бегом к деревне. Вытегорцы же с криком «ура» бросились с фронта на деревню. Белые, видимо, не ожидали такого смелого натиска, бросили окопы и бежали. Вдогонку мы им послали «гостинцы». У деревни мы нашли окопы, а в окопах два тела пулеметов, несколько банок консервов, печенье и одного пленного. Наш отряд не понес никакого ущерба, у вытегорцев же разрывной был ранен в колено т. Ланский.

Вместо того чтобы по горячим следам преследовать бежавшего в панике неприятеля, — мы могли бы на его плечах взять дер. Дергачи, — наше начальство почему-то задержало темп развития столь удачной операции, и только спустя два часа был отдан приказ наступать на дер. Дергачи развернутым фронтом. Когда мы пошли в наступление, отступавший неприятель бросал винтовки, патроны, шинели, фляжки и оставлял много пятен крови на дороге.

Все это говорило о паническом бегстве, а мы брели теперь, спустя часа два, ощупью, черепашьим шагом, прислушиваясь к каждому шороху. Наконец, т. Огарков, наш постоянный разведчик, донес, что слева видна деревня в расстоянии полутора километров, а конные разведчики из чрезвычайной комиссии обнаружили деревню справа и, якобы заметив белых разведчиков, стали просить разрешения у т. Антонова открыть по разведчикам огонь. Последний согласился на это. Не прошло и 10 минут, как мы услышали одиночную стрельбу, а вслед за этим неприятель открыл учащенный огонь. Пули щупали нас по всей широте фронта.

Наш новый командир т. Антонов шел во главе нашего первого взвода. Вот уже кончается лес, и нам видны мост и деревня. Мы залегли и открыли огонь пачками по деревне. В ответ нам, в придачу к ружьям и автоматам, пустили в ход восемь пулеметов. Я лежал за стволом старой ольхи, рядом со мной — командир. Сучья значительной толщины сыпались на наши головы. Командир встает, командует: «бегом!», потом опять: «ложись!» Мы уже на открытом месте. Эти короткие перебежки продолжались до моста. Кто был в правой стороне дороги, тем пришлось передвигаться по топкому болоту до реки. Мы бежали по дороге, потом нам приказано было податься вправо за изгородь, т. е. в болото. Неприятель сосредоточил весь огонь по дороге и по мосту, зная хорошо, что речка не переходима в брод, но ни наш командир и никто из нас этого не знал. Деревня от нас в расстоянии около полукилометра, перед ней гладкое топкое болото с зарослью около речки. После порядочной стрельбы огонь со стороны неприятеля стал послабей. Тов. Антонов командует: «в атаку за мной!» и бросается на мост. Товарищи, находившиеся на дороге в первой шеренге, бросились за ним. Мы бросились к речке. Кто-то

забулькал в воде, так как речка была довольно глубока, а неприятель развил такой огонь, в особенности по мосту, что от последнего только щепки летели. Я спрашиваю своего взводного командира, что делать. Отдается приказ отставить атаку, ложиться и открыть стрельбу по деревне.

За мостом — командир Горский, Дарушков и Богданов Петр Степанович; на мосту лежит т. Кулагин: у моста по его сторону лежит Варфоломеев. Слышу — кто-то стонет в речке. Это Горский с трудом плывет через речку: его ранило вдоль спины разрывной пулей. Кулагин убит, Даршуков и Варфоломеев — тоже; Прокофьев убит, когда шел в наступление по болоту. Сергей Богданов ранен в ногу. Целый ряд товарищей были ранены или убиты. Фамилий их я уже не припомню.

Командир наш тоже вплавь переплыл на наш берег и отдал приказ потихоньку отступать. Раненые кое-как выползли из сферы огня, перебрались в лес, а мы, что журавли, шли по топкому болоту, а кто из нас и бежал. Я вышел на креж последним. Смерти я не боялся, но не хотелось быть глупо убитым. С крежа еще несколько постреляли по деревне, а потом стали отступать врассыпную, так как пули еще неслись нам вдогонку.

Увидал бегущую соседнюю лошадь, поймал и сел на коня. Еду, а по-заизгороди товарищи смеются: «все равно не перепрыгнешь, зря залез». Но оказалось — не зря. Нашлось утлое место в изгороди, и я выбрался на дорогу в Шуньгском бору.

Приказали садиться на пароход, а куда поедем — не сказали. Посадка на «Соломенку» происходила безобразно, отряд железнодорожников забыл о всякой дисциплине. Тов. Завадовский М. Н., Смоликов М. М. и я уговаривали, но ничто не помогло. Они решили итти пешком вокруг озера, а мне жалко было бросить коня, и я поехал верхом. Заводовский и Смоликов нашли на берегу лодку и выехали в озеро. Их на ходу подобрал пароход, а я поехал один кругом до Толвуи.

В Толвую я приехал почти вместе с пароходом. Там шла погрузка на транспорт, в том числе и лошадей. Я спросил у т. Кантера, не их ли конь. Он мне сказал, что у них кони все налицо, а это конь белых. Сдав его, я пошел к своей части. От т. Кантера узнал о причине нашего отступления. Оказалось, что при наступлении на дер. Дергачи был назначен час начала атаки, наш пароход должен был открыть огонь из орудий по деревне, а мы должны были этим воспользоваться, но на пароход напали моторки, вооруженные пушками, и заставили его удалиться в глубь озера. При этом пароход, отбиваясь от моторок, растерял почти все снаряды, и нам оставаться там без помощи парохода являлось опасным.

Нас посадили на транспорт и отвезли в Кузаранду. В Кузаранде время проходило в бездействии, если не считать службы караульного характера.

Наконец, до нас дошли слухи, что Петрозаводску угрожает опасность, что над городом летают неприятельские аэропланы и

бросают прокламации и бомбы. Вскоре нас отозвали в Петрозаводск для защиты теперешней Карельской столицы.

Перед наступлением неприятеля на Сулаж-гору некоторая часть товарищей была брошена туда на подкрепление. Там всю ночь шел горячий бой. Мы выдержали некоторые атаки. Неприятелю был нанесен громадный урон. Этот бой можно считать последним боем, так как неприятель покатился вплоть до самого Мурманска.

Н. М. КОКОЧЕВ

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД М. Г. РОМАНОВА

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД М. РОМАНОВА БЫЛ организован весной 1919 года Васильем Тимофеевичем Гурьевым в то время, когда была занята ст. Масельгская и белогвардейцы, являясь головным отрядом иностранцев (англичан, американцев, румын и т. д.), двигались на нас с хорошим вооружением и численностью значительно превышая наши силы.

Их орудия громили уже Медвежку.

В это время в Кяпсельгу явился Гурьев В. Т., созвал собрание и стал приглашать граждан деревни Кяпсельги вступать в партизанский отряд. Романов М., три брата Пашковых, два брата Бодряковых, Сидоров Петр вступили в партизанский отряд, который начал оперировать в Кондопожском районе.

В отряде в это время насчитывалось около 30 человек. Отряд ездил по линии железной дороги для задержания белогвардейцев, ходил в тыл на Шуньгский полуостров, где восстали кулаки, ходил в Тивдию, где тоже было кулацкое восстание.

Наконец, белогвардейцами была взята и Медвежья Гора, очередь оставалась за Кяпсельгой. 4 июля была занята ст. Кяпсельга и дер. Шайдома. 5 июля ночью была сделана попытка вернуть Кяпсельгу, но попытка эта была отбита.

Вечером 5 июля я беседовал с вернувшимся из похода партизанами, обсуждали, как быть. Было решено, что все семьи партизан останутся на месте, а отходить будут одни партизаны. В том числе было предложено остаться и мне (как не состоявшему в отряде), чтобы наблюдать, что будут творить белые: ведь было уже ясно, что Кяпсельги не удержать и минуты ее были сочтены. Я простился с партизанами.

Через полчаса появились аэропланы, и белогвардейская артиллерия начала обстреливать деревню. Все население попряталось, кому где ближе. Я с маленькими детишками залег в репную яму. Через полчаса стрельба по деревне прекратилась, так как вся Кяпсельга пылала в огне: она загорелась от орудийного огня белогвардейцев. Красные войска отступили, а вместе с ними и партизаны. Когда я вылез с детишками из ямы, то со всех сторон цепью шли белогвардейские войска, вооруженные с головы до ног. Ко мне подошло несколько солдат во главе с английским офицером, который наставил револьвер в грудь и строго спросил: «Боль-

шевик?» Я ответил: «Нет. Большевики все ушли по направлению на юг».

При взятии Кяпсельги деревня сильно пострадала: сгорело около 35 домов, но жертв со стороны войск, а также и населения, не было. По занятии Кяпсельги белогвардейцы начали сильно укрепляться в окрестностях самой Кяпсельги: находили, как видно, позицию более удобной.

По занятии Кяпсельги начали применять по отношению к семьям партизан репрессии и аресты. Кяпсельгскими белогвардейцами был сделан список большевиков села Кяпсельги, в число которых вошел и я с братьями, а поэтому я все время находился под надзором. В конечном итоге — арест один, потом другой и приговор к расстрелу, о котором я был предупрежден со стороны белых. Я благополучно бежал из-под ареста с братом и двумя товарищами, братьями Алексахиными из Кяпсельги, на сторону красных, оставив все имущество и семью на произвол судьбы.

Отряд все время беспокоил белогвардейцев. Он заходил далеко в тыл белым и делал налеты, так что он служил главной опасностью для белогвардейцев. Они боялись партизан, как огня. В результате таких походов в тыл некоторые товарищи попали в плен к белым, как-то: Гурьев Петр и другой товарищ (фамилии не помню), которые были расстреляны. Мерков Анатолий из деревни Сенег также попал в плен, где его уже повели расстреливать. Но он пустился бежать и был ранен в руку, но все-таки ушел от расстрела. Я в это время был под арестом на Медвежке и был свидетелем, как Мерков сидел в одиночке. Я видел, как повели его на расстрел, но не знал, конечно, куда. Однако было известно, что больше он в лагерь не вернулся, а о его судьбе я уже узнал в отряде.

В дальнейшем, в бытность мою в отряде, нам всегда поручались серьезные операции: зайти в тыл, захватить пленного, в особенности военного, да еще с какими-либо секретными документами, или сделать какое-либо нападение.

Помню, однажды (это было 7 ноября 1919 года) мы находились в дер. Кандопога; отряд получил приказание зайти в тыл и во что бы то ни стало поймать пленного из военных. Отряд в ночь на 8 ноября пробрался к селу Кяпсельга, на дороге от Кяпсельги к Тивдии сделал две засады и в результате поймал белого солдата с Шуньгского полуострова Мишина, везшего секретные документы. 8 ноября представили его в штаб бригады. Если бы не запоздали на полчаса, то сцапали бы проезжавшего генерала.

В общем много было разных похождений, все трудно и перечислить. Отряд партизан был грозою для белогвардейцев. 20 ноября был отдан приказ занять 8-й разъезд Мурманской железной дороги, а 21 — станцию Кяпсельга и дер. Кяпсельгу. В этом походе на долю нашего отряда выпала серьезная задача. Нужно было пройти около 20 клм., ночью зайти в тыл противника, прочистить дорогу диким лесом, чтобы провезти пулеметы и малень-

кое трехдюймовое орудие и пропустить 2000 красноармейцев — два красных финских полка.

С этой задачей отряд вполне справился: были проведены войска, провезены орудия и занят 8-й разъезд, взято в плен 38 белогвардейцев, много пулеметов и снаряжения, но Кяпсельгу взять не удалось по вине товарищей подрывников, которым было поручено взорвать мосты на железной дороге, но они это поручение выполнили плохо. С медвежки пришел поезд и стал стрелять в упор из орудий. В результате погибло несколько красноармейцев и ранено несколько товарищей партизан.

Из-за большого снега и измученности войск, обойти броневик и взорвать мост нельзя было. Пришлось отступить обратно на станцию Лижма, и 8-й разъезд был отдан белогвардейцам.

Наконец, прошел январь, февраль 1920 года. Отовсюду пошли слухи, что фронт белых разваливается. Партизаны ждали с нетерпением, когда, наконец, будет отдан приказ ликвидировать фронт белых.

Отряд партизан был двинут на передовую линию со штабом в дер. Михеева-сельга, откуда стал делать налеты по разным направлениям фронта. Один раз отряд зашел в тыл в дер. Викшозеро и набрал на мельнице муки. Здесь был и Романов, командир отряда. Когда отряд вышел из тыла, то стали рассматривать надписи на мешках. На одном из них была надпись Дмитрия Акимова. «Чорт возьми, — сказал Романов, — у своего дяди пришлось стянуть мешки».

В дер. Михеева-сельга варили кашу и пекли блины из муки, утащенной из тыла белых. В это время отряду был отдан приказ сделать тревогу по всем направлениям: может быть, белые не будут стрелять, — но оказалось, что белые открыли по нашим орудийный огонь. Один из наших товарищей из Матгубы, Кокочев Иван, с усмешкой говорил: «Крыши своих домов видны. Как хорошо бы о «масленой» поесть теплых лепешек, но не сходишь». В первый же день «великого поста», после неудачной «масленицы» был отдан приказ на утро итти в наступление. Стало прибывать много сил: несколько полков, несколько бронепоездов — и мы видели и чувствовали, что наступают решительные минуты.

Утро. Все войска ушли и наш отряд тоже. Тов. Романов уехал в Петрозаводск. Отряд был поручен помощнику командира Бодрякову Петру. Все тихо. Ждем. Но нигде ни выстрела ни звука. Вдруг на улице появились два белых солдата. На вопрос, откуда и как попали сюда, они говорят: «Пришли с Кокорина заявить, что фронт открыт, у белых часть офицеров сбежала, часть арестована». Я позвал их в штаб. Вдруг звонок. Звонят наши товарищи: «Кяпсельга занята, белые сдались без боя».

Так ликвидировался наш фронт. Тов. Романов был направлен на южный фронт и там погиб: он застрелился, окруженный белыми и не желая им сдаваться.

Трупы красных партизан, расстрелянных в окрестностях ст. Масельгской

Тов. Гурьев В. Т.
Командир партизанского отряда

Лобский Василий
Организатор партизанского отряда

КАРЕЛЬСКАЯ АССР

Изба красного партизана Богданова, одного из руководителей партизанского движения в Олонецком уезде. Расстрелен белыми вместе с сыном

Место расстрела белыми раненых и больных красных партизан захваченных в больнице

Видлицкий Домпросвет, построенный на месте церкви разрушенной орудийной стрельбой белых во время ее осады

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

* * *

В 1919 Г. БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ-СОЮЗНИКИ так называемые «спасители России», под командованием Миллера наступали с севера на Советскую Карелию (прежнюю Олонию). Красным частям пришлось отступать по всему фронту.

В первых числах мая красные части отступали из бывш. Богоявленской волости (с. Паданы). С нами эвакуировались советские учреждения и все служащие.

Из деревни Сельга отступали организованно. Образовали маленький отряд из партийцев и комсомольцев под командой Гурьева С. Т. Этот маленький красный отряд отступает через Чебино на ст. Медвежья Гора. В то же время в дер. Кяпсельге также организовался маленький отряд под руководством Романова М. Г.

Оба отряда соединились вместе и образовали красный партизанский отряд в количестве около 30 штыков. Командиром отряда был назначен т. Романов.

На партизанский отряд были возложены очень серьезные и трудные задачи: разведки в тылу в наиболее опасных местах и другие боевые задачи. Эти поручения красные партизаны выполняли с честью и гордостью.

Я приехал добровольцем в партизанский отряд на ст. Кяпсельга в июне месяце. Разведки выполнялись своевременно и без потерь. Первые потери в отряде были в конце августа во время разведки, в которой пришлось и мне участвовать.

С Лижмы 29 августа была выслана команда в числе 8 человек для обследования полуострова. От Лижмы вправо расположена дер. Погрема. Она была белогвардейской деревней, так как из 15 домохозяев 17 человек было в рядах белой армии.

Обследовав полуостров, мы расположились на ночь в д. Погрема. Тут размещалась красная часть 2 N-ского полка в количестве около 40 штыков, но в тот же вечер из Погремы убежал к белым помощник командира и указал, где наши посты, сколько войск и т. д.

После разведки мы, конечно, устали и, надеясь, что посты надежные, легли отдыхать. 29 августа рано утром при восходе солнца мы были окружены белыми, которые перебирались ночью на лодках на полуостров и начали стрельбу. Когда мы проснулись, кругом уже трещала ружейная стрельба.

Только что успели выбежать на улицу, сразу же был убит наповал партиец Парамонов Тимофей с Выгозера. Мы в количестве 7 человек бросились на левый участок от деревни, рассыпались в цепь между двумя огородами, и началась перестрелка. Белые перешли в наступление и взяли деревню Погрему без выстрела, так как среди партизан была паника. Мы были окружены с двух сторон, и по нам открыли огонь слева и справа. Нам оставался один исход — отступать к лесу, и мы побежали.

Были схвачены в плен белыми Беляев В., Проккоев Т. и Артемьев А. Тов. Падрикову П., Ермолину Н. и Леонтьеву Е. удалось пробраться в лес, а я был ранен в левую ногу разрывною пулей, был захвачен в плен и был бы растерзан живьем, если бы не заступился Естоев Ф. Меня привезли в деревню Погрему, затем через Шуньгу в Медвежью Гору, а оттуда на ст. Масельгскую, где я и лечился до конца сентября месяца. В конце сентября я был перевезен на Попов остров (ныне Остров революции), где 5 ноября был арестован отделом Р. Е. и посажен в концентрационный лагерь на ст. Кемь.

Ввиду плохого здоровья я был переведен опять в госпиталь на Попов остров в барак арестованных, где и продолжал лечиться.

Во время восстания в феврале 1920 г. нами был организован отряд в количестве 27 чел., в котором я был выбран командиром.

Участь других захваченных в плен была хуже. Партизаны Артемьев и Проккоев Т. были расстреляны на Медвежьей Горе. Оба они были учителя-карелы. Труп партизана Парамонова был подвергнут издевательству, обезображен и заброшен между камнями. Наши партизаны заставили указать, где зарыт труп, и он был перевезен в Петрозаводск, а из Петрозаводска в Повенец.

Очередными жертвами были партизаны Гурьев П. Т. и Ванюшкин Макс. После тыловой разведки они решили сходить домой, но в деревне Медвежья Гора были пойманы и доставлены на ст. Медвежья Гора, где и были оба расстреляны.

Несмотря на неудачи партизанский отряд продолжал бороться с той же гордостью, с той же смелостью, и ряды красных партизан росли с каждым днем.

Впоследствии, во время тыловой разведки, белыми было захвачено еще 5 чел. партизан — Марков Анат., Амелин, Тишкин, Локкин Макс. и Логинов Павел. Все они были расстреляны, за исключением Маркова Анатолия, которому удалось бежать из-под расстрела раненым и вступить в ряды красных партизан.

Все партизаны (восемь человек) происходят из дер. Сельги, карелы.

ПАШКОВ

ДЕЙСТВИЯ РОМАНОВСКОГО ОТРЯДА

НАМИ БЫЛ ЗАМЕЧЕН ПОСТ НЕПРИЯТЕЛЯ НА высоте Каменная гора. Когда пост менялся, в это время проходила неизвестная нам женщина, и, по всем данным, она передала бандитам о нашем походе. Нас здесь было приблизительно человек десять. Остальной отряд направился по соседним деревням. Через полчаса пошла перестрелка, белые рассыпались в цепь и через губку Святуху направились с целью отрезать нас. Но мы, видя опасность, с боем отступили, потому что неприятельские силы превышали нас более чем в пять раз.

Пришли в Кажму. Переночевав, направились на пяти лодках по Святухе в деревню Вернаволок. Высадились. Зайдя в один дом, видим галеты на столе, спрашиваем женщину: «где белые?» Ответа нет.

Со стороны бандитов сопротивления не было, и возможно, что так как их было мало, то они ушли. Конецно, еслиб было разрешение т. Матсона, то отряд проехал бы по направлению погоста Шуньга. Товарищ Романов несколько раз обращался к тов. Матсону. Но разрешения по стратегическим соображениям не дали.

Когда мы поехали обратно в Кажму, то не успели мы отъехать и полкилометра от дер. Фоминой, как нас обстреляли белые из винтовок и пулемета. Свалившись по бортам, мы отвечали, пока хватало патронов.

Пули белых ложились около самых лодок и падали в дер. Кажма. Получилось недоразумение. Наши товарищи финны подтащили пулемет к берегу. Хорошо, что у нас были товарищи паданцы и сегежане. Стали кричать по-фински, что мы красные партизаны, а то могли бы попасть под перекрестный огонь. Конечно, это у нас случалось, в особенности, когда нужно было с тыла противника итти на свои позиции. У деревни Матгуба тоже был обстрелян своими войсками батальон Глазанова.

Фронтовая полоса становилась все шире, и нашим частям приходилось перебрасывать свои незначительные силы в слабые места все более и более расширяющегося фронта. Одной единице из красных частей, которая оперировала по линии железной дороги, пришлось задерживать натиск все более и более усиливающегося неприятеля. Это был разбитый и измученный Спиридоновский полк в количестве не более 250 измученных красноармейцев. В силу сложившихся обстоятельств нашими частями была оставлена ст. Кяпсельга, по которой неприятель открыл ураганный огонь из 5 или 6 гаубичных орудий и пустил несколько зажигательных снарядов. Сгорело почти полдеревни.

Вокруг Кяпсельги есть хорошие высоты, удобные для обороны. Белые здесь укрепились, и после этого почти до самого развала белых эта позиция служила опорным пунктом. Со сдачей д. Кяпсельга отступили на разъезд № 8, а потом и на ст. Лижма и д. Лижма.

Здесь я должен сказать, что расстояние 22 клм. от д. Кяпсельга и до разъезда № 7 по линии железной дороги, а также по почтовой дороге, все более или менее значительные места, чтобы задержать белых, нами были взорваны. И белые, как я сказал выше, были на порядочное время задержаны.

В это время наш отряд заносил в тыл противника продовольственные базы, патроны, все необходимое для боевых действий. Когда все это было устроено, наш отряд разбивался на несколько частей по распоряжению нашего командира тов. Романова, и эти маленькие части партизан направлялись в тыл противника по разным направлениям. В особенности было обращено внимание на лижмозерскую дорогу, куда белые направляли продовольствие и

оружие для Тивдии. По этой дороге нам часто приходилось сталкиваться с противником. Мы разбивали их части, которые сопровождали обоз. Забирали в плен и забирали часть продовольствия. Наконец, белым пришлось для сопровождения направлять по две роты солдат с пулеметами.

В то же время нашим отрядом в разных местах в тылу у противника было прервано телефонное сообщение по всем направлениям. Подрывая в тылу мосты, мы задерживали продвижение неприятельских сил.

Под сильным давлением была нами сдана Лижма. С боем был сдан 5-й разъезд, и белые укрепились в 6-7 клм. от с. Кондопоги. Наши части несколько раз делали попытки сбить линию противника, но это не удалось. Местность была открытая, и мы несли большие потери.

После этого 1-й стрелковой дивизией был сформирован красный десант, который должен был сделать во что бы то ни стало высадку в тылу противника в д. Лижма. Для сопровождения и указания местности из нашего отряда дивизией были затребованы три человека — Гурьев Степан, Бобряков Петр и пашков Захар.

Этот десант, несмотря на то, что Лижемская губа угрожала большой опасностью, высадился благополучно. В десанте было не более 250 штыков. Командиром батальона тов. Линовским сразу же было сделано распоряжение, и весь батальон был расставлен на свои места, а мы были направлены подорвать мост на р. Лижма, чтобы отрезать ход неприятелю с фронта, что и было выполнено нами точно.

Вечером того же дня белые повели наступление со ст. Лижма, но нашими частями наступление было отбито с большим поражением белых. Сразу же на Лижму нам была прислана поддержка (финский батальон), и мы повели наступление на ст. Лижма, где неприятель был разбит и бежал до разъезда № 8. Белые, узнав, что на Лижме наши войска и наши части ведут наступление, не выдержали натиска и беспорядочно отступили с большими потерями.

Продовольственная база белых, а также много оружия на 5-м разъезде, была захвачена нашим отрядом. Белые откатились по направлению к дер. Тивдия.

В первых числах декабря 1919 года наши довольно значительные силы из русских и финских частей повели наступление на разъезд № 8 в тыл противника: от ст. Лижма — западным берегом озера Керозеро до устья реки Лижма, а дальше на 8-й разъезд — прямо лесом. Эти части были проведены не замеченными противником к 8-му разъезду, где сразу же развернулись фронтом и открыли пулеметный и ружейный огонь.

Белые открыли огонь из автоматов и винтовок. Один из наших ротных командиров был ранен, и у красноармейцев произошло замешательство. Тут же порядок был быстро восстановлен. 8-й разъезд был нами взят. В плен было захвачено 18 белых.

Я дал распоряжение партизанам Пашкову Степану и Хрылеву

Егору взорвать мост за северным семафором, в полутора километрах от разъезда. Хотя эти товарищи задачу и выполнили, но взорвали не тот мост, который было нужно, а тот, который находился метров за 600 от разъезда. Спустя несколько часов все наши части сгруппировались на разъезде и только что хотели повести дальнейшее наступление на Кяпсельгу, как вдруг белые направили броневик, который, дойдя до взорванного моста, открыл орудийный огонь по нашим частям. Наши части после этого отступили на Лижму для подготовки к новому наступлению.

А. ЧЕКАЛОВ

НА БЕРЕГАХ ОНЕГИ

„Десять лет позади, но крестьянство помнит зверства белобандитов".
(Авдеевский и Песчанский сельсоветы.)

1919 ГОД. БЫВШИЙ ЦАРСКИЙ ОФИЦЕР МОИСЕев, пользуясь доверием со стороны советских органов, пролезает на службу в Шальский волвоенкомат, позднее переходит к Купецкий волвоенкомат и еще позднее в Пудожский уездвоенкомат на должность военрука. Таким образом этот «волк в овечьей шкуре», воспользовавшись доверием, изучает территорию б. Пудожского уезда для передвижения белогвардейских войск, узнает опорные пункты, позиции, составляет список коммунистов и сочувствующих советской власти.

В одно прекрасное время, под предлогом нахождения учебных позиций в Римском сельсовете для частей Красной армии, он получает командировку и деньги в сумме 34.000 р. и скрывается к белогвардейцам. По пути следования останавливается в селе Песчаном у учителя Коробова, похищает школьную географическую карту бывш. Олонецкой губернии.

В момент пребывания его у Коробова к нему обратился крестьянин, сочувствующий большевикам, некто Панкратов Ф. П.: «Товарищ Моисеев, разрешите закурить». Моисеев дерзко ответил: «Тамбовский волк тебе товарищ».

Когда с белогвардейцами палач Моисеев вернулся снова в Песчаное и Купецкое, то искал этого крестьянина Панкратова, тогда уже служившего в Красной армии. Только благодаря счастливой случайности Панкратову путем бегства удалось спастись от рук палача. В противном случае за слово «товарищ» он был бы расстрелян белогвардейцами.

В сентябре месяце 1919 года две роты белобандитов с полковником Кругляковым, подполковником Щегловитовым и поручиком Моисеевым (бывш. военрук) и контр-разведка во главе с сыном помещика поручиком Тарасенко явились в Песчаное мобилизовать местное население в возрасте до 40 лет. Перед каждым призываемым резко ставилась дилемма: «Служить в белой армии или прощаться с жизнью», одновременно на всех перекрестках крича-

ли о гибели советской власти, обещая «молочные реки и кисельные берега» местному населению.

Темные силы деревни — кулачество — доставляли контрразведке сведения о всех советски настроенных бедняках и середняках, после чего сразу же производились аресты. Арестовываются Климов И. А., Федоскин В. П., член уездисполкома; последний избивается, над ним издеваются и, конечно, его убили бы в лагере Медвежья Гора, если бы не помог ему бежать один рабочий железнодорожник.

Контрразведка ловила каждое слово. Семья Гришиных, Панкратовых, Песенникова, Красильникова Ф. А. были под строгим надзором, так как их дети и члены семьи служили в Красной армии. Отцы-старики и матери заключались под арест в бани. Кровавый поручик Моисеев явился с разведкой в Купецкое и в первую очередь начинает расправляться с коммунистами. Лично убил члена партии Галашева, выстрелив ему два раза в грудь. Белые солдаты бесчинствуют над членами его семьи, и труп партийца не разрешают похоронить.

Тот же Моисеев выхватил у одного белогвардейца винтовку с целью убить члена партии Калинина (из Пудожской горы), но винтовка оказалась без затвора. Тогда он с площадной бранью бьет прикладом солдата, выхватывает у другого солдата винтовку и в упор стреляет в т. Калинина. Последний умирает от руки палача, не дрогнув ни одним мускулом. Покончив с Калининым, тут же взмахом приклада убивает крестьянина Копейкина.

Отступая от Купецкого в Песчаное, белогвардейская разведка зверски растерзала попавшегося навстречу крестьянина бедняка Никонова из дер. Рагнозеро. Так бандиты расправлялись с крестьянами в наших сельсоветах.

Благодаря восстанию рабочих и воинских частей в тылу у белых и усиленному наступлению доблестной Красной армии не долго удалось белогвардейским бандам зверски расправляться с крестьянами. При отступлении белые все-таки забрали в Песчаном у крестьян бедняков и середняков 20 лошадей с телегами.

Хотя с тех пор прошло свыше 10 лет, но карельский крестьянин помнит зверства белогвардейцев. Все эти годы мы могли строить и бороться благодаря тому, что крепок был союз рабочих и крестьян, благодаря тому, что рабочие и крестьяне шли за партией Ленина, за большевиками при поддержке международного пролетариата.

В городах и деревнях Карелии, на полях и лугах, где когда-то проходили белогвардейские отряды, теперь строится и крепнет новая жизнь — жизнь коллективизирующейся деревни.

Сомкнутыми рядами пойдем дальше. Мы не забудем о тех, кто пролил свою кровь за всех нас, за наше общее дело. Дело, которое они начали, мы продолжаем. Ни боевого оружия, ни красного знамени мы не выпустим из рук.

ПАРТИЗАНЫ В БЕЛОМОРЬЕ

КАРЕЛЬСКИЙ

НА БЕЛОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬИ

В 1917 ГОДУ Я РАБОТАЛ НА ЗАВОде К. А. Стюарт в Сороке. Время было весьма тяжелое для всего рабочего класса: с одной стороны — дороговизна и недостаток продуктов, вызванный империалистической войной, с другой стороны — невыносимо тяжелые условия труда на заводе, террор местных властей; все это вызывало недовольство рабочего класса. В этих условиях прошла Февральская революция.

21 февраля 1917 г. около 12 ч. дня из Сороки на завод прибыл нарочный из погранохраны, который сообщил о низвержении самодержавия. Этой вести многие из нас не верили. Находясь в таком неведении о настоящем положении, рабочие остановили работу и созвали митинг в конторе заводоуправления. На этом митинге было решено отправить уполномоченных в Сороку и

узнать, как обстоит там дело. Кроме этого на том же митинге было решено организовать профсоюз, которому тут же было присвоено название «Союза рабочих и служащих лесопильного завода К. А. Стюарт».

1-й КЕМСКИЙ УЕЗДНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

КАК СЕЙЧАС, ВСТАЕТ ПЕРЕД МОИМИ ГЛАЗАМИ заседание первого уездного съезда в Кеми. Присутствует 150 делегатов из самых далеких углов обширного Кемского уезда; здесь русские, карелы, финны, евреи и даже латыши. Первый доклад — о внутреннем и внешнем положении нашей страны. Докладчиком выступает т. Мосорин А. И. После этого доклада начались большие прения. Ухтинские кулаки высказывают пожелания о присоединении Ухтинского района к Финляндии; на эти демагогические кулацкие выступления большинство представителей съезда, в особенности карелов, отвечают тем, что они желают жить, работать и бороться в полном согласии вместе с русскими рабочими и крестьянами. После этого съезда был организован уездный исполнительный комитет в количестве 24 человек, который выделил президиум совета.

В уездный исполком вошли товарищи Мосорин, Каменев, Малышев, Вицуп, Фостин, Логинов, Семенов, Дмитриев и другие. Получив из Архангельска директивы о работе, Кемский УИК приступил к организации аппарата и к организации власти на местах.

Но не долго пришлось работать. Английские интервенты, по приглашению Миллера и Мурманского краевого совета, часть членов УИКа арестовали и расстреляли. Немногие остались из них.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛОФИННОВ НА КАРЕЛИЮ

ПОКА ШЛА ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ, в это время действовали местные кулаки и попы. Они организовали через Ухту связь с Финляндией и в апреле месяце повели наступление на Кемь. Рабочие не дремали и к тому времени уже успели организовать местный отряд Красной гвардии в количестве 30 человек на заводе в Сороке. Такие же дружины были организованы по линии железной дороги и в Кеми. Эти силы приняли на себя первые удары белофиннов. Дополнительно к этим отрядам были мобилизованы местные крестьяне по Сорокской волости (мобилизацию проводил т. Семенов). Таким образом в Сороке был организован отряд около 180 человек из местных крестьян и железнодорожников и заводских рабчих.

Подразделения, сформированные из рабочих завода и железной дороги, были разбиты на два отряда. Один отряд был отправлен в Кемь для подкрепления, а второй во главе с т. Солуниным направился на перерез белофиннам через Лехту и Маслозеро. Под утро 12 апреля разведка белофиннов дошла до ст. Кемь и сожгла

один барак, но, так как разведчики своевременно были замечены, им пришлось отступить: рабочие открыли по ним беглый огонь. После короткого боя с нашей стороны был один убитый и два раненых, а со стороны белофиннов много убитых. Так окончился первый бой с белофиннами. После этого повторных попыток наступления на Кемь они не делали и с этим результатом направились к границе.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО МУРМАНСКОГО КРАЕВОГО СОВЕТА И ИНТЕРВЕНЦИЯ

НЕ УСПЕЛИ ОПРАВИТЬСЯ ТРУДЯШИЕСЯ КЕМ-ского уезда от первого удара белых, как вслед за этим Мурманский Совет во главе с его председателем Юрьевым подготовил для них новый удар. Юрьев вел переговоры с англичанами об интервенции не только Мурманского края, но и всего севера.

Что же делал в это время Кемский совет депутатов? Несомненно, Кемский совет видел и учитывал создающуюся обстановку, но не имел реальной возможности что-либо предпринять. Не было оружия, да и наличными силами ничего нельзя было сделать, а центр помощи дать не мог, так как был окружен со всех сторон врагами.

2 июля 1918 года в Кеми показалась разведка бывших союзников, теперь врагов. Под видом защиты Советов и невмешательства во внутренние дела они взяли безоружный город. На второй же день начались аресты и расстрелы. Первыми жертвами интервентов были самые стойкие и самые лучшие товарищи: Каменев, Вицуп и Малышев, а затем аресты других членов Кемского Совдепа и всех сочувствующих советской власти. Так началась интервенция Мурманского края англичанами и продолжалась она до марта 1920 года. За эти полтора года рабочий класс севера потерял не мало лучших своих представителей, засеченных розгами и шомполами, расстрелянных и повешанных. Всему этому много помогали и местные кулаки, выдавая наших передовых товарищей.

В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ

25 МАРТА 1919 ГОДА Я БЫЛ АРЕСТОВАН ВМЕсте с другими товарищами на ст. Сорокская Мурманской жел. дор. После нашего ареста нас первое время держали в Сороке в бараке № 6, где было около 60 арестованных, а потом перевели в барак № 95. Нас ежедневно водили на допросы, но, ничего не добившись, стали держать на хлебе и воде и гонять на работу, несмотря на то, что большинство из нас было захвачено в одном нижнем белье. В мае нас отправили в Лумбуши под двойным контролем и передали в распоряжение англичан как рабочую силу на аэродроме. Здесь нас окружили в палатках колючей проволокой и ежедневно гоняли за досками на 16-й разъезд, т. е. за 4—5 километров. На такое расстояние нам приходилось таскать доски на своих плечах, причем на каждого человека наваливали

трехдюймовую доску 9 дм. ширины. Работали босиком, никакой обуви не выдавали и кормили прескверно. Наш суточный паек состоял из 400 граммов хлеба и 100 граммов консервов.

В октябре месяце с уходом англичан наше положение ухудшилось, так как мы попали в распоряжение отечественной буржуазии, которая стала относиться к нам еще хуже. В особенно тяжелое положение мы попали после нашего перевода на Медвежью Гору, где нас посадили на пресный хлеб, который мы должны были сами тут же на дворе печь на каменных плитках или на сковородках из ржавого железа. На работу нас гоняли ежедневно с 6 часов утра и держали без обеда до 10 часов вечера, а кто был слабосильным, не выдерживал такой работы, того сажали в одиночку, били шомполами и, наконец, под тем или другим предлогом уводили на Захарьевский завод и там расстреливали, предварительно заставив вырыть себе могилу.

Самым кошмарным месяцем моего пребывания в концентрационным лагере был октябрь. Красные повели наступление на Медвежью Гору одновременно с суши и с озера. В это время каждую ночь кого-нибудь из нашей среды уводили и расстреливали, не считаясь ни с полом ни с возрастом. Как сейчас помню, с 11 на 12 октября нас погнали с Медвежьей на 16-й разъезд, так как в это время красные при помощи флота вели наступление с озера. Окружили нас тройной цепью конвоя (конвоировали местные кулаки) и предупредили, что в случае побега каждый третий будет расстрелян. В пути прошла вся ночь, так как гнали нас пешими. По прибытии на 16-й разъезд мы не имели возможности отдохнуть. На разъезде было только одно помещение, и то холодное, а арестованных было 500 человек, поэтому большей части приходилось находиться под открытым небом. Под утро ударил мороз и стал падать снег. К вечеру снега выпало до 18—20 см., люди стояли босые в снегу, а кулаки только издевались, говоря, что, когда возьмем Петроград, тогда вас обуем. В таком положении мы находились около трех суток.

После этого нас опять погнали на Медвежку. Ввиду ухода «союзников» белым для усиления своих сил на фронте пришлось объявить амнистию арестованным. Таким образом некоторых освободили, но сразу же объявили, что забирают в армию. Будучи на Медвежьей Горе, мы стали просить, чтобы нас провели через медицинскую комиссию, так как многие из нас чувствовали себя совершенно больными. Благодаря этому мы попали опять в Кемь. По постановлению комиссии многих из нас освободили, а остальных приняли на военную службу. Всех освобожденных, как ненадежный элемент, отправили под наблюдением особого отделения. Так, под наблюдением я находился до занятия Сороки красными, т. е. до 20 марта 1920 года.

ПЕРЕВОРОТ

В ФЕВРАЛЕ МЕСЯЦЕ СРЕДИ РАБОЧИХ ПОШЕЛ слух, что белые не долго продержатся, к тому же в это время началась активная работа партизанских отрядов на севере около

Мурманска. Не спали также наши товарищи партийцы, которые вели агитацию за присоединение к красным. К этому времени усилились репрессии со стороны белых. Все это создало благоприятную почву для свержения Северного правительства, руководимого Миллером.

18 марта 1920 года была получена телеграмма о падении Архангельского фронта и Мурманска. 19 марта мы приступили к организации отрядов рабочей обороны и к разоружению ополченцев и находящихся в Сороке белых частей, которые остались без офицеров, успевших в это время частью убежать в сторону Финляндии. В это время из Онеги была получена телеграмма о том, что на Сороку движется отряд хорошо вооруженных офицеров в количестве 250 человек. Наскоро вооружившись чем попало, мы двинулись навстречу этому отряду, разбившись на две колонны и предварительно отправив вперед разведку. Наши отряды дошли до деревни Сухое и здесь застали офицеров спящими. Сразу же разоружили их без всякого боя и привели в Сороку, где засадили в барак № 95.

Из Медвежки первым к нам прибыл бронепоезд «Карл Маркс», который направил всех офицеров в центр, а мы приступили к организации власти. Так мы избавились от белой власти благодаря могуществу и несокрушимости Красной армии.

ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

ПОСЛЕ РАЗГРОМА БЕЛЫХ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ Карелии во всю ширь встал вопрос об организации автономной национальной области. В Кеми был организован уездный ревком во главе с тт. Васильевым, Архиповым и Куджиевым. Ревкому пришлось поработать по организации власти и восстановлению разрушенного белогвардейщиной хозяйства. Отсутствие путей сообщения и неграмотность населения чрезвычайно тормозили работу ревкома, но ревком с большевистской твердостью выполнил всю организационную и экономико-культурную работу, и уже к маю 1921 года здесь был созван II уездный съезд советов, который констатировал, что все неполадки, оставшиеся после Миллеровских банд, изжиты и следует приняться за социалистическое строительство.

КАРЕЛЬСКАЯ АВАНТЮРА 1921 ГОДА

МНОГИЕ ИЗ НАС ОБЫЧНО ДУМАЮТ, ЧТО ВОЗникновение Карельской авантюры относится к 1921 году. Между тем эта авантюра подготовлялась финской буржуазией совместно с карельскими кулаками сразу же после ликвидации первой авантюры.

Я помню, еще на I съезде советов кулацкие представители Ухтинской, Кондокской и других граничащих с Финляндией волостей ставили вопрос об отделении Карелии от России и при-

соединении ее к Финляндии, но уже на этом съезде они получили должный отпор. В течение 1919 и 1920 года местные кулаки проводили среди населения агитацию в этом духе и ждали подходящего случая. Этот случай представился осенью 1921 года, когда стали проводить по уезду продналог. Заблаговременно подготовившись и вооружившись (при помощи финляндской буржуазии), местное кулачье стало терроризировать бедняцкую и середняцкую часть населения, принуждая их пойти за собой. С другой стороны, они начали убивать активных советских работников, посылаемых из уезда для проведения той или другой кампании.

Первым от рук местного кулачья и белофинских наймитов пал уполномоченный топливной тройки т. Ложкин Сергей, уроженец деревни Шуерецкой. Осенью 1921 года около Туннуды появились банды белофинских наймитов во главе с финским офицером Илмариненом, которые организовали свой штаб в Туннде и отсюда начали нападение на Сороку, но, дойдя до Летнеконецкого, были вытеснены оттуда отрядом милиционеров, сборной командой из красноармейцев. После этого белофинны, разбившись на несколько отрядов, поджигали мосты, убивали отдельных граждан, преданных советской власти, и уводили население за границу в Финляндию.

В декабре месяце прибыли красноармейские части, которые повели наступление с трех сторон. Под могучим напором красных частей белофинны долгое время отступали без боя. Первый бой был дан на боевом участке под деревнями Малая Тикша и Келловарака. Не устояв против красных частей, они стали поспешно отступать на дер. Кимасозеро, где они сосредоточили свои главные силы. В районе Ухты в то время шли упорные бои, которые окончательно решили весь ход авантюры.

Разбитые здесь на голову белофинны должны были стремительно бежать за границу — в Финляндию. Так 22 февраля были разбиты последние попытки белой Финляндии захватить Карелию.

И. СИВКОВ

БОРЬБА ЗА КЕМЬ

После демобилизации в феврале 1918 года я возвратился на родину в б. Кемский уезд. В Кеми в то время был меньшевистский совет во главе с Алышевым. На Поповом острове (в настоящее время Остров революции) настроение было революционное. В первых числах марта 1918 года там организовался отряд Красной гвардии. Говорили, что через Финляндию идут на Кемь германцы. Кемская власть была спокойна, так как она, несомненно, с нетерпением ожидала прихода белых.

В это время в Сороке проходил съезд железнодорожников. Делегат этого съезда т. А. Мосорин, член РКП(б), был избран председателем Кемского уездного исполкома. В исполком на уездном съезде советов прошло 60% членов РКП(б) и беспартийных, которые поддерживали советскую власть.

В конце марта стали появляться разведки германских шпионов. Для борьбы с ними прибыли один отряд с Попова острова и другой — с юга. Из Архангельска прибыл ледокол «Микула Селянинович», который привез оружие, винтовки, пулеметы, патроны и отряд красноармейцев. Белые заняли сопки в трех клм. от станции Кемь. Наши отряды вели с ними бои. Стоявший у Попова острова ледокол установил с нами телефонную связь и стал обстреливать белофинские отряды. Они начали отступать. Их руководители, оставшиеся в Кеми (Алферов, Песьяков, барон Тизенгаузен, Соснин и др.), арестовали тт. Каменева, Мосорина и Малышева и посадили в арестное помещение. В тот же день они устроили заседание по вопросу об арестованных. Когда нам сообщили на Попов остров, что арестованы члены исполкома, мы немедленно выехали в Кемь и освободили арестованных.

Наступила временная передышка.

В июне 1918 года весь район от Кандалакши до Мурманска заняли английские войска. В июне месяце в Кемь прибыл эшелон сербов, который под предлогом возвращения на родину организовался в Мурманске в боевые дружины и уже 2 июля появился в Кеми. В Кеми происходило заседание президиума исполкома. Сербский офицер и солдаты ворвались в помещене, арестовали членов исполкома и, выведя к собору, расстреляли тт. Вицупа, Каменева и Малышева. Перед расстрелом белые долго издевались над ними: плевали в лицо и т. д.

Начались аресты. Белые отобрали оружие, какое имелось в Кеми и на Острове революции, и забрали имевшееся продовольствие. Арестованных, в том числе и меня, они увезли с Острова революции сначала в Мурманск, а из Мурманска в Пененгу (60 клм. от Мурманска). В Пененге нас встретили юнкера, которые много издевались над арестованными. Кормили нас скверно. Работать заставляли по 18 часов в сутки. Через некоторое время, по настоянию рабочих Острова революции, нас 18 человек освободили. Приехав в Мурманск, обращаемся в Краевой совет, чтобы нам дали хлеба и отправили на родину. Председатель совета Юрьев начинает упрекать нас в том, что, будучи под арестом, мы невежливо обращались с «властями». С негодованием мы ему заявили, что надо подумать о судьбе арестованных, а не говорить об обращении с непрошенной белой бандой.

Кое-как возвратились на Остров революции. Вскоре нас опять начинают преследовать. Ко мне на квартиру явились сербы во главе с капитаном Мещериным и заявили: «где ваш бандит? Он должен быть расстрелян в 24 часа». Жена ответила, что не знает.

Я бежал из Кеми и поступил добровольцем в ряды Красной армии, где находился до полной ликвидации белогвардейщины.

БАНДИТИЗМ В КАРЕЛИИ

ХЕЙККОНЕН

ЛЫЖНЫЙ ПОХОД

ЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД БЕЛые банды Финляндии снова вторглись в Карелию, превратив ее в арену битв, уничтожая и грабя все то, что уцелело со времени минувшей гражданской войны. В первых числах января в Петроград прибыл главковком Рабоче-Крестьянской Красной армии т. С. С. Каменев. Он издал приказ о сформировании из курсантов Интернациональной школы лыжного отряда, который был бы способен выполнить особо-ответственное боевое задание и который не должен был быть связан зависимостью от обоза и вспомогательного тылового резерва.

На следующее утро после приказа на двор школы уже начали стекаться один за другим автомобили, груженные лыжами и разным снаряжением. Одновременно были назначены и люди, всего около двухсот человек, которые должны были отправиться в трудный поход. Обширный двор Интернациональной школы за-

пылал кострами, бочки со смолой перекатывались из одного конца двора в другой. Воспоминания о недавно совершенных походах, сдобренные анекдотами, передавались одно лучше другого.

Оказалось много разных спецов по лыжам, каждый старался выбрать себе лыжи лучше. Подготовки хватило на весь день — гнули лыжи, нагнетали, смолили, жарили и маслили и, наконец, все лыжи оказались в порядке. Началась разборка снаряжения и набивка «обезьянчиков». Настроение у всех повышенное.

5 января, около девяти часов вечера, выехали из школы по направлению к Октябрьскому вокзалу. Бойкая курсантская песня наполнила затихающие улицы города задором силы и молодости. На вокзале нас уже поджидал готовый состав с паровозом, только что выпущенным из сборочного цеха. Там же нас встретил главком т. Каменев. Бойцы живо разместились по вагонам, и т. Каменев прошел по всему составу поезда, подробно осмотрев состояние и вооружение каждого. Все в порядке. Выбрасывая миллионы искр, паровоз помчал нас к северу...

Путь до Петрозаводска прошел весело, рассказам не было конца. Все ребята были довольны, что наконец-то им настало время показать финляндским буржуа мощь Красной армии. Шуткам и смеху на эту тему не было пределов. Утром прибыли в Петрозаводск. Здесь нас встретил начальник карельского фронта т. Седякин. Пополнив свое снаряжение и получив добавочное вооружение, мы продолжали путь на Масельгскую. Прибыли 7 января, стали на лыжи и направились в темные, покрытые пушистым снегом карельские леса.

Оперативное задание, данное нам при отправлении из Масельгской, заключалось в том, чтобы держать курс на Реболы, двигаться вдоль границы в Кимасозеро и, далее, уничтожив тыл противника, разгромив его этапы и штабы, создать полнейший переполох в тылу противника. Прежде всего нам надо было разгромить главный штаб противника. Семьдесят километров из Масельгской до Падан, куда мы прибыли вечером 8 января, оказались нелегкими. Люди были совсем не тренированы. Но все же 9-го наш отряд прибыл в Гонги-наволок (Хонга-ниеми). На пути проделывали опытные штурмы деревень и учились, как расставлять свои силы в деревне после ее взятия.

Этот поход отсеял из наших рядов всех тех, кто не мог следовать в отряде. Таких оказалось несколько десятков человек, из которых было создано тыловое ополчение, носившее среди нас ироническое название «отряда шатунов». Из Гонги-наволока отряд направился через Пененгу в Реболы. До Гонги-наволока отряд пользовался дорогой, хотя она и была занесена снегом вследствие сильных вьюг, но теперь перед нами открылась бездорожная тайга, которую можно было одолеть только с помощью проводника и компаса. Впереди — расстояние около двухсот километров, и у каждого человека — ноша весом около пятнадцати-двадцати килограммов.

Пройдя около двадцати пяти километров, у рыбацких хижинок мы встретились с разведкой противника, численностью в че-

тыре человека, имевшей задание проникнуть в наш тыл, чтобы создать замешательство в наших рядах. От этих разведчиков узнали, что в Пененге находится полевой караул белых; начальником его состоит финский офицер. Это известие подняло настроение отряда, и путь быстро и весело прошел, несмотря на сильный мороз и скверную дорогу. На следующее утро, после непродолжительного боя, наш отряд овладел дер. Пененга. Правда, белые пытались оказать сопротивление, но оно оказалось тщетным. Нами было захвачено в плен девять человек. В схватке оказались убитыми два белых егерских офицера, навсегда расставшиеся с мечтой о «великой» Финляндии.

Путь от Гонги-наволок до Пененги был очень тяжел. Бездорожный, мягкий, снежный и гористый слюг приносил нам не мало трудностей. Карабкание через горные кряжи Масельги было самым тяжелым этапом похода, так как несколько километров приходилось карабкаться по скалам с лыжами в руках. Помню, как однажды ночью, когда мы карабкались по склону какой-то горы, один из наших товарищей, т. Абель, так устал, что был принужден отойти в сторону. Он сел на пень и в полном смысле слова плакал и все твердил проходящим мимо товарищам: «Неужели мне придется здесь покончить свой жизненный путь?» Но товарищи взяли у него часть ноши, и таким образом т. Абель получил возможность продолжать поход вместе с отрядом. И он с честью выдержал поход до конца.

Из *Пененги* мы отправили пленных в тыл, а сами после непродолжительной передышки двинулись опять в путь. 14 января заняли дер. Челку. После семидесятикилометрового похода отряд был в страшном изнеможении, потому что дорога была тяжелая. Усталость была такая сильная, что, когда отряд делал даже незначительную передышку, лыжники сразу же, всей колонной, засыпали стоя, облокотясь на палки. У большей части отряда ноги и плечи были натерты до крови. После такого трудного пути отдыхали в деревне несколько часов и снова двинулись в Реболы. На следующую ночь белые разнюхали о нашем приходе и, сдав деревню без боя, удрали частью через границу, а частью по границе, с целью примкнуть к кимасозерским частям.

В Ребалах отряд отдыхал целые сутки, встретив со стороны местного населения самый дружеский прием. Отсюда проделали несколько разведок в разных направлениях — в Колвасозеро, Емельяновку и т. д. Во время отдыха привели в порядок лыжи и пополнили снабжение, так как дальше мы должны были перейти на местное снабжение: свои запасы уже иссякли. Здесь нас нагнал южный отряд красных, идущий по границе с юга на север и оставшийся после нашего ухода в Реболах.

Из Ребол наш отряд вышел 17 января. По прибытии в дер. Конец-остров узнали от разведчиков, что в Рокулах остановилась небольшая неприятельская разведка. Спешно отправили свою разведку, чтобы захватить в плен неприятельскую разведку, но белые уже успели удрать в Финляндию.

Из Конец-острова в Кимасозеро вышли 18 января. Впереди —

Лесная избушка между Кимас-озером и Чолмой. В таких избушках находились сторожевые посты бандитов зимой 1921—1922 гг.

Главный штаб бандитов в Кимас-озере в 1921 г.

Дисциплинарные взыскания в белофинских частях

[illegible]

Трупы красных партизан, расстрелянных вблизи ст. Масельгской

Трупы красных партизан, расстрелянных около ст. Масельгской

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

пятьдесят километров бездорожного снега, темный снежный бор и дорогой только пролыжница вражьих эстафетчиков. Километрах в восемнадцати-двадцати от Конец-острова отряд наткнулся на рыбачьи хижины, где находился этап белой эстафеты. Один из эстафетчиков преспокойно храпел в жарко натопленной лесной бане, грезя, конечно, о «великой» Финляндии. Сон его пришлось бесцеремонно прервать, а мечтателя вытащить из теплой бани на мороз. Так как впереди была незнакомая дорога, то отряд решил заночевать в бане. Разожгли костры и устроили из ельника шалаши; в них приток чистого воздуха поддерживался ветерком, дующим сквозь опушку леса со стороны белеющей невдалеке глади озера.

Мороз доходил до тридцати пяти градусов. Не успели мы окончательно расположиться на отдых, как к нам прибывает второй эстафетчик белых с донесением фельдфебеля Риутта, который, по их представлению, якобы, находился еще к Конец-острове. Но здесь линия связи белых уже прервалась, ибо на этапах были новые люди — красные.

Утром, чуть свет, двинулись снова в путь. Проводниками были белые эстафетчики. Впереди отряда находились люди, занющие карельский язык, так как ожидалась встреча с направляющимся в Конец-остров подкреплением белых, которое необходимо было захватить без единого выстрела, чтобы попасть в Кимасозеро без ведома белых.

К вечеру действительно встретили группу белых в девять человек, которых уверили, что мы «свои», и, внезапно окружив, взяли без единого выстрела в плен. От них мы узнали, что следующий этап связи находится в рыбацких хижинах в четырнадцати километрах к югу от Кимасозера, куда скоро должна прибыть новая группа подкреплений, направляющихся в Конецостров.

Отряд продолжал путь, обогнув озеро с обеих сторон. В рыбацкие хижины направили трех курсантов, переодетых в одежду пленных — сообщить белым о подкреплении и о том, что фельдфебель Риутта прибудет со своим отрядом из Конец-острова, и предложить поэтому отряду лучше всего ждать здесь, пока те не придут.

Этим маневром нам удалось захватить и эту группу в плен. В группе было одиннадцать человек. По прибытии отряда один из пленных пытался удрать.

В Кимасозеро нам удалось войти незаметно для белых, так как фельдфебелю Риутта были посланы подкрепления и поэтому белые беззаботно хозяйничали в Кимасозере, уверенные в том, что в Конец-острове образован фронт.

Ночь провели у рыбацких хижин перед ярко пылающими кострами. Наш план был — занять на рассвете Кимасозеро. В путь тронулись около четырех часов утра и в полном спокойствии подошли, примерно, на километр к дер. Кимасозеру.

Распределили между собою роли таким образом, чтобы никаких резервов не оставалось, так как широко расположенная деревня требовала участия всех наших сил. Набег на деревню про-

извели со всех сторон сразу, чтобы все пути отступления белым были отрезаны. Белые заметили нас только тогда, когда мы уже поднимались с озера в деревню, и забили тревогу, но пришли в замешательство: наш отряд кричал им, что мы «свои» и прибыли из Финляндии для подкрепления, и чтобы они не стреляли.

И когда на краю деревни мы стали обезоруживать лахтарей и вступили с ними в рукопашную, в деревне начался большой бой, но для лахтарей было уже поздно, потому что часть нашего отряда обогнула деревню, чтобы захватить штаб. Несмотря на это, все же часть штабистов удрала. В этой, длившейся около получаса, схватке было убито пять белых, из которых двое — финские офицеры. В плен было забрано двадцать человек.

Около девяти часов утра Кимасозеро было занято. Здесь находился штаб белых, все снаряжения фронта, центральная база снабжения амуницией и боевыми припасами. Мы пополнили наши запасы, вооружение, обмундирование и снабжение. Кроме того, в качестве трофеев, получили двенадцать лошадей. Из них составили целый обоз разных необходимых товаров, а остальные уничтожили. На оккупацию дер. Кимасозера и ее оборону требовалось больше сил, чем у нас было. Поэтому мы не могли и думать об обстановке здесь и, в то время, были не в состоянии осуществить наш первоначальный план — соединиться в Челме с 88-м полком. Для этого потребовалось бы принять несколько боев, чего мы не могли сделать, потому что у нас было много пленных, которых мы вынуждены были таскать с собой, отвлекая на их охрану значительное количество своих людей. Решили вернуться в Конец-остров.

Между Конец-островом и Кимасозером никогда не было проезжей дороги. Мы с помощью колонн пленных протоптали на этом пятидесятикилометровом расстоянии проезжую дорогу с той целью, чтобы южная колонна красных легче могла пробраться в Кимасозеро и, далее, к северу. Эта дорога превратилась впоследствии в важный стратегический путь. В дер. Кимасозеро остановили задержаных белыми тридцать пленных красных, уже приговоренных белыми к смерти. Среди них была одна шестидесятилетняя старушка, которая, освободившись, не знала пределов своей радости.

Белые, узнав о взятии нами Кимасозера, послали сразу же две роты, чтобы отбить ее у нас. Это было для них нетрудной задачей: оккупировать дер. Кимасозеро они могли свободно, так как мы уже оставили ее. Наш отряд остановился на ночевку в пятнадцати километрах к югу от Кимасозера у лесных костров. Физически мы были опять так утомлены, что без отдыха не могли продолжать путь. Нехватило и у белых смелости пойти за нами в погоню, хотя они и знали, что мы находимся неподалеку.

Неожиданная потеря Кимасозера оказала свое моральное воздействие на психику белых, и это вынудило их начать общее отступление по всему фронту. Недостаток патронов и боязнь, что мы проникнем к ним в тыл, заставили белых отступить к северу, концентрируя свои силы на охрану дорог, ведущих в Вок-

наволок и Ухту. Обратно в Конец-остров наш отряд прибыл 21 января. Отсюда мы хотели проникнуть прямо через леса к Большому озеру и ударить во фланг фронта противника, а оттуда перейти в Челму. Но, приказом начальника карельского фронта, нашему отряду было дано задание вновь проникнуть в Кимасозеро, куда мы и прибыли 23 января вечером. В то же время наша южная колонна оккупировала Кимасозеро.

Лыжному отряду надлежало проникнуть далее вдоль границы в тыл белым, но в Кимасозере не было достаточного количества людей, а Барыш-наволок (Пяккениеми) был занят белыми. Возникал вопрос о занятии этой деревни — в противном случае фланг фронта остался бы под угрозой. Барыш-наволок находится в двадцати пяти километрах к востоку от Кимасозера. 27 января наш отряд получил приказ занять Барыш-наволок. По пути были стычки в Ногеуксах с белым дозором. Около 13 часов того же дня мы были уже в деревне. Спешно произвели разведку положения.

Неожиданный набег был невозможен, потому что деревня находится на полуострове, соединенном с материком узким перешейком.

Атаку надо было вести через озеро, пройдя расстояние около километра.

Мы атаковали позицию неприятеля и после часового горячего боя получили перевес огня. Белые вынуждены были в панике отступить из деревни в Письмалакшу, оставив на поле битвы винтовки, патроны, пять убитых и несколько раненых. Наш отряд потерял троих убитыми и семь ранеными, из которых один позднее умер от ран. Здесь необходимо особо упомянуть, что первыми в панике удрали финские офицеры, боясь попасть красным в плен.

Из Барыш-наволока наш лыжный отряд получил приказ отступить снова в Кимасозеро. Согласно общему приказу по фронту, наш отряд должен был образовать собой передовой отряд северной колонны, и ближайшей его задачей было занять Вок-наволок. 31 января наш отряд в третий раз вышел из Кимасозера и ночью прибыл в Лувозеро. Ходьба на лыжах была очень утомительна, так как погода была неблагоприятная — суровый мороз и скрипучий, рыхлый, мерзлый снег. В Лувозере ночевали и на следующее утро продолжали путь на Кондоку, которую оккупировали в тот же день. Батальон белых, численностью около четырехсот человек, не принял боя в Кондоке, сдав ее без выстрела.

Штаб лыжного отряда разместился в Кондоке, в доме Петрова, где находилась только одна старушка лет шестидесяти. Она долго мялась и колебалась, особенно о чем-то беспокоилась, чем и обратила на себя наше внимание. Наконец бабка расхрабрилась и спросила нас: не красные ли мы? Убедившись в том, что мы красные, она объявила нам, что все крестьяне в лесу и они — тоже красные. В подтверждение своих слов старушка откуда-то из-за дверных наличников достала пачку бумаг, в которых были разные документы, между прочим выданная конной армией т. Буденного почетная грамота на имя т. Петрова. Мы попросили старушку позвать крестьян из лесу. Она живо исполнила нашу

просьбу, и поздно вечером из лесу пришел сначала т. И. Петров, а позднее еще девять человек. Этих крестьян оставили в качестве гарнизона в Кондоке, назначив комендантом т. Петрова. Он образовал из своей группы партизанский отряд, который остался ловить заблудившихся в лесу белых бандитов.

Утром продолжали путь. Наша разведка столкнулась с силами противника в дер. Костомукса. Следовавшая за нами школа дивизиона стала на головную позицию, а лыжникам было дано задание обогнуть деревню, примерно, в шести километрах. Здесь завязался горячий бой, длившийся около двух часов, после чего мы заняли деревню. Белые потеряли в бою нескольких убитыми и ранеными. Наши потери — двое раненых. Силы противника, численностью до одного батальона, были оттеснены через Суомуссалми по направлению к Ухте, так как путь к отступлению на Вок-наволок был нами отрезан. Следовавшая из Кимасозера за нашим отрядом школа дивизиона была подкреплением нашего тыла и оккупировала занятые нами деревни.

В трескучий мороз, от которого мерзли руки и лицо, пошли 3 февраля опять в путь под защитой разведки. В двадцати пяти-восьми километрах от дер. Костомукса наша разведка встретилась с командой белых лыжников, отступавшей из Костомуксы через Кентозеро, по направлению дороги, ведущей в Вок-наволок. Всю ночь мы гнались за этим отрядом и к утру пришли в дер. Тухканиеми, находящуюся в пяти километрах к востоку от Вок-наволок.

Здесь мы должны были отрезать дорогу из Вок-наволока в Финляндию. Обошли Вок-наволок и заняли дер. Коскела по дороге в Финляндию. Одновременно с этим школа дивизиона под защитой лыжников заняла Вок-наволок. Под дружным напором белые без боя оставили деревню, удрав по направлению к Войницам.

По приказу командующего фронтом мы разделили наш отряд на две группы. Боевой задачей первой группы было выбить противника из Войниц и связаться в Тихтозере с северным отрядом. Второй группе поручили итти в Ухту и связаться там с западным отрядом, наступающим по направлению Сопосалми — Ухта. Однако выход второй группы в Ухту был отложен до тех пор, пока не получили сведений об успехах первой группы в Войницах.

Первая группа вышла в путь 5 февраля, вечером. Погода была превосходная, дорога легкая и настроение у ребят отличное. У дер. Понгалакши головная часть нашего отряда неожиданно столкнулась с дозором противника. Неприятель открыл огонь и сразу же поднял громкий крик, побежав в деревню, чтобы призвать на помощь свои главные силы, заночевавшие в Понгалакше. По имеющимся у нас сведениям около Войниц не должно было быть более или менее крупных скоплений врага, и поэтому мы смело следовали за врагом до самой деревни. Но в деревне ночевало около двухсот человек отступающих белых, между тем как наши силы состояли всего из пятидесяти одного человека. Среди белых в деревне началась невероятная паника. После получасо-

вого сильного боя мы оказались победителями. Во время боя среди белых был слышен сильный гомон, в котором трудно было что-либо разобрать, слышались крики, ругань, плач...

Финляндские офицеры ругались и кричали, стараясь восстановить в частях порядок, но их отряд в панике разбежался по полям, в лес, кто куда успел. Белые оставили на поле сражения троих убитых; раненых они взяли с собой. Мы забрали в плен восемь человек. После занятия деревни мы сразу же организовали группу для преследования врага. Она настигла его в трех километрах к югу от дер. Айенлакши. Ударив врасплох на осевших здесь белых, мы выбили их с позиций, после чего белые отступили в дер. Айенлакшу. Укрепив головку нашего отряда, мы вместе с нашей ротой двинулись в поход. Разведка продвинулась быстро, пробравшись с юга через залив в деревню. Белые впустили разведку в деревню и захватили троих в плен, убив одного на озере при попытке бежать. Против наших, следовавших за разведкой, белые открыли сильный огонь, что дало белым возможность уйти. К тому же начальник нашей разведки был ранен. Двоих из взятых в плен наших разведчиков тт. Суханена и Рихи-Яко белые зверски мучили и выкололи им, еще живым, глаза. Только после этого их расстреляли. Тов. Якселайнена они вели до Войниц, где впоследствии тоже расстреляли.

В виду обширности боевых позиций белых, нашей роты было недостаточно для занятия дер. Айенлакши, и мы принуждены были отступить обратно в Понгалакшу. Потребовалось снова соединить весь лыжный отряд, чтобы сообща действовать по направлению к Войницам. На это начальник части фронта дал свое согласие, выделив нам в добавление сорок человек из дивизионной школы.

Соединенные силы собрались в дер. Понгалакше и на утро 7 февраля приготовились к наступлению на Айенлакшу. Усилили разведку и на рассвете вышли в путь. Прибыли на южный берег Айенлакши, где оставили сорок человек из школы на головном участке против деревни. Они открыли огонь по направлению деревни, чтобы привлечь внимание врага и выяснить расположение противника. Белые на огонь не отвечали. К деревне надо было наступать с юга через полукилометровый залив. Конец залива с запада надо было обойти на расстоянии пяти-шести километров, а на востоке было большое озеро Куйтто. Разведка противника обошла наш левый фланг и попала между лыжниками и отрядом дивизионной школы, столкнувшись с нашей боевой группой, но сразу же отступила.

Вечерело, а мы еще не достигли конца залива. В ночной бой вступить не решились. Мороз доходил до сорока градусов, а в отряде у нас было уже несколько человек с отмороженными руками, ногами, лицами и т. д. Мороз к ночи все больше крепчал. Также не было еще точных сведений о расположении противника. Поэтому мы сочли за лучшее отступить обратно в Понгалакшу.

Решительное наступление задумали сделать на рассвете 9 февраля. Обошли позиции неприятеля, и удар был нанесен не-

приятелю с тыла на рассвете. Выскочили совершенно неожиданно из-под носа дозора противника. Среди белых начались замешательство и паника, и не успели они дать и несколько выстрелов, как мы уже были на другой стороне губы. Дозор противника в открытый бой не вступил, отступив в деревню, чем вызвал панику среди своих главных сил. Эти силы расположились в боевом порядке против нас и пытались произвести контратаку, но мы уже успели провести свои части через губу и открыли огонь против позиций противника. Нам удалось получить перевес огня и, после бурного натиска, длившегося около получаса, мы заняли дер. Айенлакшу. Белые отступили в полном беспорядке к Войницам. Мы сейчас же послали отряд вслед отступающему неприятелю, который и был настигнут нашим отрядом около дер. Ойнасниеми. Здесь неприятель пытался остановить нашу разведку, но, не оказав существенного сопротивления, вынужден был отступить.

Между 1 и 5 февраля от Ухты большое количество беженцев и белых частей, отступая, двинулось в Войницы через Ювялакшу, Мелкогубу и Айенлакшу. Вследствие этого белые здесь впервые смогли оказать более сильное сопротивление. Им необходимо было приложить все усилия для прикрытия отступления в Финляндию беженцев и своего обоза.

Следующей нашей боевой задачей являлось преследование противника с тем, чобы держаться «на плечах» у него и, одновременно, вести наступление на Войницы. Но отряд наш так устал от походов и боев, что мы сочли нужным отложить наступление. Вся команда совершенно смокла и к тому же так устала, что люди дремали стоя, облокотясь на палки, и даже на ходу. Дальнейшее продвижение вперед означало ночевки в лесу при тридцати градусах мороза, а это было бы лишним риском. Поэтому сочли лучшим ночевать в дер. Ойнасниеми, в семи километрах к югу от Войниц.

Утром на рассвете послали разведку в Войницы и группу для захвата дороги из Войниц в Финляндию. Войницы были разведаны со всех сторон, и, подойдя к деревне, мы получили сообщение, что неприятель отступил, не ввязываясь больше в бой. Войницы были разгромлены и ограблены. По словам местных жителей, белые сначала согнали всех способных к передвижению в Финляндию и после этого совершили свой дикий разгром.

На этом кончились боевые операции лыжников. Белые были обескровлены и отброшены по ту сторону границы. Мы произвели еще разведку по направлению к границе и связались с северной группой в Тихтозере, не встретив уже ни одного лахтаря.

Поход лыжников Интернациональной военной школы в тыл противнику был первым в истории войны. Физически он был тяжелее всех походов, совершенных во время гражданской войны. Общее протяжение похода (ходьбы на лыжах) было девятьсот восемьдесят километров. В среднем на каждого человека приходилось по тысяче сто километров, а отдельные разведчики проделали до тысячи четырехсот километров.

Наши потери за весь поход были — восемь убитых и десять раненых.

Поход лыжного отряда имел большое значение в ликвидации Карельской авантюры потому, что, в противном случае, борьба затянулась бы в бездорожных местностях еще на несколько месяцев, так как части Красной армии не могли передвигаться на лыжах в густых, непроходимых лесах Карелии.

Действия лыжного отряда в тылу у белых окончательно спутали планы белых, вызвали среди них распад, оставив белых без боевых припасов и лишив их высшего командования, что сделало для них невозможным дальнейшее продолжение войны. Трудящиеся Карелии вместе с Красной армией, под руководством партии, героическими боями освободили Карелию от белого гнета.

В результате этих боев родилась Советская Карелия. На полях бывших битв и сражений построено теперь новое социалистическое общество. На развалинах разрушенных деревень образованы громадные колхозы, совхозы, лесопилки и электростанции.

Необходимо изучить опыт прошлого и готовиться, под руководством коммунистической партии, к будущим решительным боям, ибо зарубежный враг еще не сложил оружия. Попрежнему он мечтает о создании «великой» Финляндии. Но мы ударим и ударим крепко, если он осмелится помешать нашей социалистической стройке. Мы всегда готовы к бою.

Ю. ТОЙВОЛА

РАСПРАВЫ БАНДИТОВ

В 1918 ГОДУ, ПРИ ПЕРВОМ СВОЕМ ВТОРЖЕНИИ через границу в Карелию, финляндские лахтари встретили вообще холодный прием со стороны карельского крестьянства. Только кулаки и активисты-бандиты присоединились к белым частям или оказывали им поддержку. Карелы большими партиями бежали на Мурманскую железную дорогу и там присоединялись к Красной гвардии, а впоследствии вошли в состав образованного англичанами Карельского легиона при том непременном условии, что легион выступит против финляндских лахтарей с целью изгнать их из Карелии. Впоследствии легион осуществил свое намерение. Когда англичане отдали приказ легиону возвратиться в Кемь с тем, чтобы с одной стороны вырвать его из-под начавшегося расти белофинского влияния и с другой попытаться склонить его к наступлению против большевиков, большое количество карел из пограничных деревень покинуло ряды легиона и разбежалось по домам. Люди нередко убегали в полном вооружении, захватив возможно больший запас патронов. Из части дезертировавших легионеров образовалось потом ядро красных партизанских отрядов, которые в 1920 году, при повторном вторжении финляндских лахтарей в Карелию, уже оказали во многих местах сильное сопротивление. Эти же партизанские отряды оказали существенную помощь 6-му красному финскому полку при освобождении от белобандитов пограничных деревень Ухтинского района.

Еще во время наступления в 1918 году финляндские лахтари прославились своими зверствами. Так, в Кондокской волости в дер. Ехремянваара они без всякого повода убили крестьянина А. Богданова; жену Богданова белые также арестовали и, после пыток, повели ее в поле, якобы для расстрела. Там пытка жертвы продолжалась: в ее грудь направляли дула винтовок, считая до трех и делая вид, что собираются расстелять. Расстрел, однако, на этот раз был отложен.

Кондокская и Коштамукская школы были дочиста ограблены. В списке подлежащих расстрелу значились несколько граждан Кондокской волости.

Прогнанные из Карелии в 1920 году общими силами 6-го красного финского полка и карельских партизан, финские лахтари начали с особенной активностью подготовлять следующую свою авантюру. Особенное внимание было уделено обработке настроения населения в пользу лахтарей, потому что две предыдущие экспедиции показали, что трудящиеся Карелии не особенно дружелюбно расположены к своим «братьям по племени». Жестокость лахтарей, совершаемые ими бесчинства и убийства были не особенно выгодным свидетельством дружелюбного поведения белых «соплеменников». Как известно, в Тунгуде летом в 1920 году образовался особый «центр пропаганды и действия», которым руководили прибывшие из Финляндии кулаки-бандиты. Этот центр распространял свою деятельность на район через Кимасозеро до пограничных деревень Ухтинской волости. Например, из Кондоки некоторые активисты ходили, как известно, на собрания в Ногеуксу. При агитации спекулировали на трудностях переживаемого тяжелого времени, уверяя население, что все трудности происходят по вине большевиков; распространяли самые ужасные слухи о жестокостях коммунистов и, в то же время, обещали активную помощь всех западных государств, в первую очередь Финляндии, если карелы начнут войну против советской власти. Подготовлялось также вооружение и организовывались вооруженные силы. Сбор оружия и концентрация его были организованы уже с начала 1920 года, когда припрятанные в пограничных деревнях пулеметы и прочее оружие были увезены через границу в Финляндию и уже оттуда потом направлялись в известные места.

Так велась подготовка к мятежу. Однако в порганичных деревнях Ухтинской волости о бандитизме не было слышно, пока туда не прибыли вооруженные бандитские части из других деревень. Поэтому появление бандитизма в пограничных ухтинских деревнях относится к более позднему времени, чем, например, в Тунгуде.

Так, например, к Коштамуксу прибыли 14 ноября юшкозерские и кентозерские крестьяне под командой Василия Карпова, и, если кто не хотел добровольно присоединиться к борющимся против советской власти, того втягивали насильно. То же самое произошло в Кондоке, куда, примерно, в то же время прибыли бандиты из Лувозера, а также люди Карпова из Коштамуксы.

В Вотосалми бандиты прибыли также 14 ноября под командой самого Вяйнемейнена, который из Тунгуды был направлен подстрекать к мятежу кимасозеровцев.

При наступлении белых находящиеся в деревнях немногочисленные красные отступали маленькими группами к Мурманской железной дороге без какого либо общего плана. Некоторым удалось добраться до железной дороги, другие попали в руки лахтарей и были убиты. Активно борющиеся против лахтарей в 1920 году красные партизаны были в начале бандитизма разрознены. Поэтому в деревнях сразу не образовалось более значительного контрдвижения, а партизаны старались группами в два-три человека, а нередко и в одиночку, пробраться к железной дороге и присоединиться там к наступающим красным частям или, собравшись вместе, образовывали лыжные партизанские отряды, которых было несколько. В других же деревнях красные скрывались в лесных избушках, держа связь между собой и явились по приходе красных войск в деревню. В отдельных деревнях, как, например, в Кондоке, красные были выбраны на общем деревенском сходе на различные волостные должности и руководили затем делами волости так, что они содействовали поражению белых.

Белую власть в деревнях представляли так называемые коменданты, основной задачей которых было гнать население, забирая подводы на гужевой транспорт и на фронт. Такими комендантами были по документам: в Бабьей губе — М. Богданов, в Вуокинсалми — А. Самуйлов, в Миноа — Кивинен, в Ватасалми — Степан Сергеев и в Лонге — Павел Маликин. Большая часть их, конечно, вступила в должность добровольно, и по своим убеждениям они являлись активнейшими бандитами. Но были и такие, которые делались ставленниками белой власти в деревне лишь насильно и под влиянием угроз. Действия лахтарей при назначении своих комендантов рисует следующий рассказ, написанный самим комендантом дер. Лонги, Павлом Маликиным.

«По прибытии в Войницы там царило сильное волнение и замешательство. В штабе сказали, чтобы я пошел скорей домой и оттуда направлялся через границу, потому что скоро здесь будут красные. Беженцев начало прибывать в Лонгу особенно много. Не все они охотно переходили через границу, многие мешкали в Лонге. Но потом в одно утро в Лонгу прибыло два белых финских офицера, вооруженных маузерами и ручными гранатами. Войдя в первый наполненный беженцами дом, они сразу подняли крик: «Вот куда вы, дьявольские трусы, собрались! Разве не можете перебраться через границу? Большевики находятся в километре от деревни, скоро будут здесь, и тогда вы будете искрошены. Чтобы немедленно каждый из мужчин взялся за оружие, а женщины и дети — марш по ту сторону границы!»

«Так белые офицеры ходили по всем избам с криками и угрозами и гнали жителей через границу.

«Узнав, что я являюсь сельским исполнителем, они сразу же объявили меня комендантом деревни и сказали: «Ты должен действовать по нашим распоряжениям». Скомандовали мне пойти с

ними, и я пошел по домам, давая распоряжения об отправке через границу в Финляндию».

После этого насильно мобилизованный кандидат в коменданты рассказывал, как при его побеге за ним послали вдогонку трех вестовых, причем последнему было дано распоряжение стрелять, если его иным способом не удастся заставить вернуться обратно.

Финляндским лахтарям не удавалось склонить карел добровольно вступать даже на гражданские должности, не говоря уже о добровольной отправке на фронт.

Лахтари, под видом конфискации для военных целей, отняли у населения все, что только могли, и затем, отступая, увезли с собой в Финляндию все, чего не успели уничтожить.

В доказательство приводим здесь пункт протокола общего собрания жителей дер. Каменозера от 1 января 1922 года. На собрании присутствовало пятнадцать мужчин и десять женщин (как видно, при власти лахтарей участие в собраниях не было особенно активным). В протоколе говорится следующее:

«Деревенский десятский К. Лесонен сообщает, что на основании полученной из Ухты телефонограммы все имеющиеся в деревне лыжи надлежит передать ему для направления в Ухту».

Лыж набралось (по тому же протоколу) восемнадцать пар.

Лахтарский террор по отношению к пойманным красным был самый жестокий. В Ухте рассказывают об одном случае, когда один из лахтарей тупым ножом перерезал горло красноармейцу.

Рико Лесонена истязали по дороге в Финляндию так, что он сошел с ума. Самым гнусным убийством, совершенным лахтарями, было убийство Евдокии Никутьевой, совершенное, правда, после ликвидации бандитизма. После ухода красных штурмовых отрядов из Бабьей губы и до прихода основных пограничных отрядов, деревня осталась на несколько дней без защиты. В то время по деревне бродили прибывшие из Финляндии лахтарские разведывательные отряды. Один из таких отрядов взял с собой Евдокию Никутьеву, которую некоторое время вели с собой и убили затем самым жестоким образом. Тело было совершенно изуродовано, уши отрезаны.

Население пограничных деревень принудили выехать в Финляндию. Например, в дер. Мелко-губу пришло распоряжение от находяшейся в Ухте комиссии, что деревня должна быть очищена от населения и скот уведен не позднее шести часов утра следующего дня. Были образованы даже особые отряды для сжигания и разрушения деревень и уничтожения скота. Когда карелы на эту работу не шли, финские лахтари сами производили эту разрушительную работу. Такими мерами и вызваны то основательное разрушение и пустота, которые царили во многих пограничных деревнях при занятии их красными.

На пути в Тихтозеро, 8 марта 1922 года, Коскела рапортует: «В деревне Малвиайнен нет ни одного жителя, в Хирвисалми — одна девяностолетняя старушка. В Тихтозере три человека: женщина с сыном и сумасшедший старик; в деревне три коровы и че-

тыре овцы». Далее Коскела рапортует 13 марта: «В Суванто нет ни одного человека. Во всей Тихтозерской волости имеется девятнадцать человек жителей, девять коров, десять овец и ни одной лошади». Из Вок-наволока сообщают 11 марта, что «недостаток лошадей в волости большой, всего приходится по одной лошади на каждую сотню дворов».

Голод среди населения достиг огромных размеров. Запасы муки, сделанные при советской власти весной 1922 г., были при бандитизме израсходованы, а что осталось, увезено в Финляндию. Все было уничтожено так, что даже малочисленному населению существовать было совершенно невозможно. Сразу же по установлении власти красных в деревнях начали созывать собрания, на которых население доверчиво обращалось к образованным ревкомам, а до их образования — прямо к командованию красных частей.

В Каменозере 19 февраля, т. е. в день занятия красными деревни, было созвано собрание, на котором присутствовало тридцать мужчин и тридцать три женщины. Протокол говорит об этом собрании следующее: «Слушали: О продовольственном положении, каковое стало в деревне особенно острым, потому что многие сегодня замесили последнюю муку. Собрание постановило: обратиться по-товарищески к командиру красных частей в Вок-наволоке с просьбой, чтобы он нашел способ к ликвидации голода. Количество нуждающихся в деревне — 261 чел.».

В архивах встречаются протоколы, составленные в конце февраля также в Ладвозере, Войницах, Кейносозере и т. д. Во всех протоколах имеются обращения к волостным ревкомам с просьбой об оказании продовольственной помощи.

Положение весной и летом 1922 года было очень напряженное, хотя советские органы и сделали все возможное для помощи нуждающемуся населению. Организовывали всякого рода помощь населению, проводились общественные работы для оказания помощи нуждающимся. Раздавали зерно за плату и бесплатно по мере того, как удавалось его получать.

Беженцы начали возвращаться обратно из Финляндии сразу после ликвидации бандитизма. С ними лахтари попытались, конечно, перебросить и своих агентов и наблюдателей, но большая часть беженцев были честными крестьянами, угнанными по ту сторону границы насильно.

Какими способами белые заставляли мирное население оставлять свои дома и бежать в Финляндию, об этом можно судить по рассказам возвратившихся, в которых довольно много характерных моментов. Приводим здесь только некоторые.

«Удрал в Финляндию, потому что белые очень много говорили о том, что Красная армия забирает всех молодых женщин и девушек с собой», — говорит Перова Авдотья Степановна из Кондоки.

«Убежала в Финляндию, так как белые пугали, что красные заберут с собой», — говорит Артемьева Авдотья из Шестер-наволока.

«Белые агитировали, что красные убивают всех парней», — говорит Ватаев Рико из Коштамуксы.

«В Финляндию пошел потому, что белые обещали бесплатную норму на той стороне границы», — говорит Федоров Николай Васильевич из Хухусвараки.

«Убежал в Финляндию, так как белое офицерство заставило итти», говорит Ахтонен Петр из Бабьей губы.

«С оружием заставляли итти в Финляндию», — говорят многие возвратившиеся.

Насильно, обманом и провокацией увели финские лахтари карел за границу. Среди беженцев были, конечно, и добровольно ушедшие активные кулаки-бандиты, те которые не возвратились и не возвратятся, а вместе с финляндскими лахтарями подготовляют новое нападение на советскую Карелию.

— Больше нас финляндские лахтари не обманут. Все, как один, поднимемся против лахтарей, — говорят теперь карельские трудящиеся.

ТЕППО ВИЛЛЕ

ИЗ ВОК-НАВОЛОКА В КЕМЬ

К НАЧАЛУ БАНДИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ в пограничных деревнях нынешнего Ухтинского района были расположены только мелкие группы красноармейцев.

На территории бывш. Вокнаволоцкой волости число красноармейцев и сотрудников Особого отдела не превышало и тридцати человек, да и то они были разбросаны по отдельным окружающим деревням. В самом же Вок-наволоке красноармейцев оставалось не более пятнадцати человек.

Тов. Эдуард Сутинен в своих воспоминаниях рассказывает, что действительное положение ему удалось выяснить следующим путем. Один из сотрудников Особого отдела из олонецких карел зарекомендовал себя перед войницким попом глубоко верующим человеком и завязал с ним хорошие отношения. Благодаря этому удалось перехватить у попа только что полученное им из Финляндии письмо, из которого и узнали, что ряд пограничных деревень Ухтинской волости находится в руках бандитов. Войницкий поп являлся бандитским передатчиком в Вок-наволоке. Письмо из Финляндии было получено им в присутствии указанного сотрудника Особого отдела, которого поп считал русским человеком, не понимающим карельского языка. Поэтому с подателем письма поп говорил откровенно и, тем самым разоблачил свою роль.

Вок-наволоцкий пограничный пункт узнал об этом письме только тогда, когда т. Сутинену с товарищами удалось проникнуть окольными путями в Вок-наволок. Итти прямой дорогой считалось небезопасным, так как кругом рыскали бандитские группы, уничтожая двигающихся в одиночку красноармейцев.

О подготовке бандитского восстания Вилле Миттоев, или Теппо Вилле (под этим именем его знают в Северной Карелии), рассказывает следующее:

«Деятельность белофиннов летом 1921 года была оживленной. Их агенты переходили границу Карелии для организации бандитского движения. Работа вначале велась конспиративно, но постепенно, бандиты делались смелее и наглее, устраивая открытые собрания, на которых распространяли самую наглую ложь и вели наглую провокацию против советской власти и коммунистической партии. Они хвастливо превозносили могущество «Великой Финляндии» и уверяли, что весь «цивилизованный мир» будет всячески помогать карелам, если они восстанут против большевиков.

«Октябрьские торжества в Вок-наволоке удалось еще провести в мирной обстановке, но в дни праздников через финскую границу перешли два активных кулака-бандита: Василий Ремшуев (из Вок-наволока) и Михаил Туманто (из Кентозера), в свое время бежавшие в Финляндию. Ремшуев остался в Вок-наволоке, а Туманто прошел в Кентозеро. С этого времени деятельность кулацких элементов в Вок-наволоке начала усиливаться. Было ясно, что они готовятся к выступлению. Создавшееся в связи с этим положение в кругах красноармейцев оживленно обсуждалось, и все считали его серьезным, хотя и не верили в возможность открытого кулацкого выступления. Так, например, начальник Вок-наволоцкого пограничного пункта никак не хотел верить в это и, несмотря на упорные слухи, один, без конвоя, выехал в Ухту по служебным делам. По дороге он недалеко от деревни Ювалакши был убит.

«Трудно вспомнить точные даты, но приблизительно около 21 ноября началось открытое бандитское движение в Вок-наволоке. Заметив это, красные пограничники собрались в комендатуре, где заместитель начальника пограничного пункта т. Бакушев высказался за необходимость отступления из Вок-наволока без сопротивления, поскольку положение в Ухте и в тыловых деревнях было неясно.

«Во время этого совещания было получено донесение о том, что бандиты собрались в доме Петерсона. Было предложение разогнать собрание, но предложение это осталось невыполненным. К тому же сами бандиты очевидно боялись красных, так как перенесли свои сборища сначала в дом Михаила Лайне, а потом в дом Якова Ремшуева. Этот Ремшуев был старшим милиционером в Вок-наволоке, но симпатии его были всецело на стороне бандитов, и он сразу же примкнул к ним.

«К вечеру положение значительно обострилось, и было решено спешно отступить из Вок-наволока. Для этого было взято из главных кулацких домов шесть лошадей, и через полчаса, которые были даны для приведения в порядок личных дел, решили выехать.

«В час ночи, когда я был уже совсем готов к отъезду, я услышал стрельбу около комендатуры. Я быстро поехал туда. В комендатуре царил полный беспорядок. Бандиты открыли по комендатуре огонь. Лошади, стоявшие на дворе без привязи, испугались и разбежались, часть людей также разбежалась. Нам удалось все-таки собрать шесть человек (в том числе и т. Бакушева) и выехать в Венхозеро, где находились пять наших красноармейцев. В Венх-

озере эти красноармейцы присоединились к нам, и мы продолжали движение через Парто-губу на Мелкую губу.

«При проезде по льду озера приходилось гнать лошадей во весь дух, так как вблизи деревень можно было ожидать бандитской засады и стать на открытом льду хорошей мишенью для их пуль.

«В Ювалакшу решили не заезжать, так как ничего достоверного о ней мы не знали. К тому же эту деревню было легко обогнуть, проехав стороной, через залив. На льду заметили группу в несколько человек, как будто бы занятых рыбной ловлей.

«Первая подвода, на которой ехал и я, удачно проскочила на полном ходу открытое место, но другая, на которой ехали красноармейцы, была обстреляна. Красноармейцы выскочили из саней и побежал по льду. Один из них ошибочно побежал по направлению к Ювалакше, попал в плен и, — как позднее нам стало известно, — был зверски замучен».

Т. Е. Сутинен, который выехал из Вок-наволока немного раньше вдвоем с женой, также в своих воспоминаниях рассказывает о «мирных рыбаках». Эти подозрительные рыбаки пропустили тов. Сутинена лишь после того, как он сказал им, что едет в Ухту.

Недалеко от Енонусуу он слышал стрельбу со стороны Ювалакши, и когда через некоторое время вслед за ним показались скачущие лошади, он решил, что это — бандитская погоня. Наступил критический момент. Однако, к великой радости, «погоня» оказалась группой т. Теппо Вилле, к которой он сразу же примкнул, следуя с ней вплоть до Кеми.

«Первая деревня, в которой спасающиеся остановились, была Лусалми. Никому из них не было известно, есть ли в деревне бандиты. Все разом подъехали к дому тетки Вилле.

«Тетка вышла к нам вся в слезах, — рассказывает т. Сутинен, — и заявила, что теперь все они погибли, так как в деревне находится бандитский пост, а мужское население деревни ушло в Ухту». Долго отдыхать нам было некогда. Вилле расспрашивал, можно ли через нижнее Куйттозеро проехать по льду на лошадях. Ответы были неутешительными: никто еще по льду не ездил. Но ждать, когда лед окрепнет, мы не могли. Выход был только один: скорее в сани —и прямо через озеро. Теппо поехал первым, за ним — Райнинен из Вок-наволока. Лед оказался довольно крепким.

«Достигнув середины озера — остановились на островах, развели огонь и начали совещаться о том, что делать дальше. Пришли к тому выводу, что надо продолжать путь через озеро, предполагая, что если бандиты двигаются из Юшкозера в Ухту, то они двигаются по берегу и вряд ли решатся поехать через ненадежный лед. Так и сделали. Дер. Посу обогнули не заезжая, так как в ней могли оказаться бандиты, да и времени на отдых у нас не было. «Теперь все зависит от быстроты движения», — сказал Теппо. Надо было успеть достигнуть железной дороги раньше, чем туда успеют попасть бандиты.

«В Юшкозере заехали прямо в дом к хозяину, которого я знал

как бандитского «почтальона», но заехали к нему потому, что здесь можно было получить верные сведения о бандитах. Я не ошибся. Хозяин спросил, куда я еду? Я начал жаловаться на то, что меня большевики взяли из Вох-наволок для возки и я не знаю, как долго и куда я с ними поеду. «С Сопосалми вернешься обратно. Там стоят белые и красных дальше не пропускают», — утешил меня хозяин. Дальше он рассказал мне, что в Крест-наволоке тоже белые и расположены они в таких-то домах. «Можешь везти своих большевиков прямо к штабу и будешь свободен», — заявил он.

«Таким образом для нас стало ясным расположение бандитов. Чувствовалось, что в Сопосалми расположена значительная шайка бандитов. Но других путей в Кемь не было, и нужно было разработать план прорыва через деревню. Обсудив положение, пришли к тому выводу, что лучше всего проехать через деревню на рассвете, так как в это время бандитские часовые после ночного бодрствования начнут пить чай, и мы тем временем сможем проскочить незамеченными.

«Крест-наволок проехали без столкновения, так как если там и был часовой, то он наверно спал крепким сном. Не доезжая Сопосалми, мы три километра двигались шагом, дав лошади отдых. Подъехав к краю деревни, сели в сани и приготовили к бою оружие, а затем дали полный ход и таким образом проскочили занятую противником деревню без единого выстрела.

«Панозеро мы считали следующим «серьезным» местом, но так как до сих пор все шло благополучно, то Вилле, ни о чем не думая, начал стрелять тетеревов. Эти выстрелы услышали в деревне, и отряд бандитов выслал навстречу нам разведчика. Разведчиком оказалась девушка, которая сказала, что едет за сеном, однако, отъехав на некоторое расстояние, она повернула обратно и намеревалась проехать мимо нас, но это ей не удалось.

«Как только мы подъехали к первому дому деревни, из-за угла выскочило десятка два бандитов с криком: «руки вверх!». Рук мы не подняли, а вступили с бандитами в разговор, взаимно расспрашивая друг друга о положении дел. Некоторые из бандитов пробовали даже пригласить нас выпить чайку. Однако мы от такой «чести» отказались. Между тем мы заметили, что бандиты выбегают из соседних домов, с винтовками в руках, и располагаются в цепь. Мы поняли, что бандиты стремятся нас задержать или уничтожить. Быстро вскочив в сани, мы погнали лошадей во весь дух. Мимо нас засвистали пули. Бандиты были взбешены тем, что горсточка красных ускользает из хорошо укрепленной ими деревни. Однако мы все-таки вырвались из их рук. Люди остались все невредимы, но одна из лошадей выбилась из сил и упала как только мы выскочили из деревни. Не оставалось ничего другого, как пересесть всем на другие сани, оставив упавшую лошадь на дороге.

«Двигались мы теперь гораздо медленнее, чем раньше. В двадцати километрах от Панозера мы остановились в лесной избушке на ночлег, так как и вторая лошадь стала изнемогать, да и люди

были утомлены. В то время как мы спали в избушке, мимо нас проехали наши преследователи, не тронув нас. Трудно сказать, почему это так случилось. Смелости ли у них не хватило, или по какой другой причине. На рассвете мы покормили лошадь и, в первый раз за весь путь, немного поели сами. Но далеко в тот день мы не уехали, так как лошадь все больше выбивалась из сил, и мы принуждены были остановиться у одного стога сена.

«Сведений о наличии бандитов в Усмане мы не имели, но решили проехать через нее так же, как раньше проезжали через другие деревни. Доехав до Усманы, мы решили, что все обстоит спокойно. Белых, как нам сказали, в деревне нет. Здесь мы встретили еще несколько человек, направлявшихся в Кемь. Они присоединились к нам. Но только мы выехали на лед, как с берега затрещали выстрелы и на нас посыпались пули. Пришлось опять гнать лошадей изо всей силы.

«В конце концов мы все-таки добрались до Кеми. Горсточка красных в десяток человек прорвалась через занятые бандитами деревни, проделав таким образом около трехсот километров в течение двух суток, причем часть пути мы двигались на одной лошади, оставшейся в нашем распоряжении после Панозера».

В Кеми из группы Теппо образовался лыжный отряд численностью двадцать — двадцать два человека, который действовал главным образом по ликвидации мелких бандитских групп, проникавших на линию железной дороги с целью разрушения железнодорожных мостов. Отряд был также отправлен в разведку на Маслозеро, которое оказалось в руках красных. Отряд отправился туда на разведку и столкнулся с противником. В этой стычке из отряда выбыл один человек.

Позднее начальником этого отряда был назначен т. Соколов, и отряд был направлен на Кестеньгу. Отряду не пришлось участвовать в крупных боях, и задачей его было выполнять дальнюю разведку вплоть до Ухты. Эту разведку отряд выполнял успешно и всегда доставлял самые точные сведения.

И. ЕВСЕЕВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О БАНДИТАХ

21 НОЯБРЯ 1921 ГОДА В 8 ЧАС. УТРА Я СИДЕЛ за работой в Кондокском волостном совете. По улице слышу — что подходят какие-то воинские части. Взглянув в окно, я увидел группу вооруженных винтовками со штыками, которая проходила мимо. В тот же самый момент три человека вошли в комнату. Я сразу догадался, в чем дело, но старался держаться спокойно.

— Найди-ка быстро те восемь винтовок, которые у вас хранятся, — сказал Осип Сергеев (из Лувозера).

Мне осталось только повиноваться и выдать имеющиеся восемь винтовок.

— Кончай работу и уходи домой!

Я повиновался приказу и вышел, сожалея, что не успел убрать

важнейших протоколов. Пробовал вторично пробраться незаметно в совет, но хозяин сказал, что никого не велено пускать. Беспокоясь за оставленные протоколы, я попросил вызвать т. Курхунена и объяснил ему, какие бумаги нужно уничтожить. Как выяснилось — это был удачный прием. Мне не хотелось ни пить ни есть: я не чувствовал голода и боялся выходить из квартиры.

Наконец, в 10 часов утра меня вызвали в штаб.

— Кто в деревне старший? — спросил начальник (Алексей Васильевич Евстратов из Березового-наволока), не оборачиваясь в мою сторону.

— Я председатель волостного совета, но старшего в деревне не знаю.

Получил приказ — в течение часа собрать всю деревню на митинг.

При сборе деревни узнал, что учитель Юнтунен, двое финских товарищей и тт. Россомахин и Н. Саллинен арестованы. Тов. Юнтунена бандиты задержали во время занятий в школе, других же арестовали в одном из домов на краю деревни, когда все они еще спали.

Докладчиком на собрании выступал Александр Никитич Яковлев из дер. Челмужи. Он «обрисовал» международное положение и «ликвидацию» коммунизма, утверждая, что захват Карелии — дело не трудное, так как семь государств, якобы, помогают бандитам. О «хлебушке» также не надо будет заботиться по крайней мере в течение пяти лет, так как семь миллионов килограммов находятся уже в пути: это — помощь союзников. Беспартийным оставаться докладчик никому не советовал: или с нами или против».

Я попросил разрешения у часовых навестить арестованных. Получив разрешение, угостил их табаком. Тов. А. Юнтунен надеялся, что попадает в Финляндию, и, прощаясь со мной, просил меня навещать его. Я не мог удержать слез. Заметив это, часовые сказали: «Мы знаем, что ты за человек, тебе бы нужно быть вместе с ними, но на этот раз мы тебя пока не трогаем».

В этот момент к зданию совета подошли активнейшие бандиты из дер. Нокеус и Пяконниеми: Василий Федоров, Егор Степанов и Алексей Агафонович Иванов. Когда важнейшие инструкции и приказы оказались изъятыми из совета, я ушел домой.

22 ноября часть отряда направилась обратно в Лувозеро для сопровождения четырех арестованных. Я решил проследить за удаляющимся этапом. По прошествии двух часов тронулся из дому и, пройдя девять километров от деревни, услышал впереди два залпа. Было понятно, что это значило.

Выждав немного, продолжал путь. Пройдя еще два километра, обнаружил кровь на поляне. Следуя по кровавым следам, обнаружил за бревном три трупа.

В деревне Вонкаярви я пробыл около недели. Но поступил приказ: старики должны выйти с лошадьми в обоз, а молодежь — в армию и для связи между Кимасозером — Контоки, Кимасозезером — Костомукша и Лувозеро.

Попрощавшись с семьей, я прибыл к коменданту Минозера,

Трофиму Степанову, как раз в тот момент, когда «господа» выбирали себе лучшую одежду и лучшую обувь из ящика с товарами, поступившими из Финляндии в подарок бандитам. Командир был очень зол, так как навербованные люди по вечерам убегали обратно в Финляндию.

Я получил назначение в обоз за «закрытую» финскую границу по тракту Каяни — Лехто (впоследствии Каяни — Юоланга). Продовольственными начальниками были: в Кухмо — Агеев Матвей из Ногеус, а в Каяни — Панконен из Ухты. Норма снабжения была тридцать пять килограммов овсяной муки на расстояние Каяна — Кухмо, в эту же норму нужно было приобретать (в обмен) сено, сечку, а также продукты для себя. Более слабые лошади в обозе начали уставать и их пришлось освободить. Кто имел деньги, тот мог беспрепятственно покупать фураж. Многие из нас задолжали местным купцам. Настроение среди обозников начало изменяться к худшему, и иногда даже Агееву приходилось жарко. Я решил какими угодно средствами перебраться как можно скорее через границу на сторону красных, так как предчувствовал, что власть белобандитов скоро будет ликвидирована хотя бы из-за отсутствия продовольствия. Было заметно, что мешочки с мукой, весом в десять, двадцать и тридцать килограммов, поступают в обоз с привязанными деревянными дощечками, на которых обозначены имена дарителей. Обещанные же семь миллионов килограммов муки от «союзников» так-таки и не поступили.

Прибыл в Юолангу 14 января. Дорогой никаких происшествий не случилось. Встретил юшкозерских крестьян, которые изъявили желание попасть в обоз в Финляндию, но их туда не назначали. Я же хотел попасть в обоз на сторону Карелии и, через заведующего карантином, добился на это разрешения. Лошадь была уставшая, воз тяжелый. От Лувозерского коменданта Дорофеева Василий Ваара (из Ухты) стал просить разрешения съездить домой, но он не разрешил, хотя я ему и обещал в виде взятки привезти воз соломы. Меня вернули в Минозеро за амбулаторными приборами.

18 февраля я вновь попал в Лувозеро. Получили приказ эвакуироваться и весь обоз направить в Контоки.

Стоял мороз, и было очень темно. Я старался задержаться, чтобы отстать от обоза, но этого никак не удавалось и под конец пришлось все-таки выехать. «Впереди нет никого, сзади также — и поэтому сейчас самый удобный момент остаться на стороне красных», — раздумывал я. Переехав озеро на ватасалмскую сторону, я загнал лошадь с возом во двор, заложил двери и остался в ожидании событий. На улице остановилась чья-то подвода. Стук в двери — хозяйка идет открывать.

— Кто там?

— Илмаринен и Агава. Есть ли ночлежники?

— Нет!

— Чья же лошадь во дворе?

Входят в комнату, зажигают свет. Я сплю не раздеваясь. Меня будят:

— Запрягай лошадь и живо в дорогу.

— Моя лошадь сейчас итти не может, я выеду рано утром, — отвечаю я.

— Нет, ты выедешь сейчас.

Итак, мне пришлось выехать. Едем. «Господа» сзади, один на олене, другой на лошади, но моя лошадь действительно шла с трудом и время от времени останавливалась. Илмаринен хвастался, что у него в санях пять пулеметов системы «Максим» и «Кольт», и выражал свое недовольство, что поздно их получили из Финляндии и не успели пустить в ход в Кимасозере. Наконец «господам» стало скучно ехать сзади, и они объехали меня на берегу Айтозера. Я обрадовался возможности пробраться в избушку на пожне, где легко можно было спрятаться, пользуясь ночной темнотой и тем, что один. Боязнь голода меня не тревожила, поскольку я вез, кроме амбулаторных принадлежностей, три мешка белой муки. Приближаясь к намеченному перекрестку по дороге на Вонкозеро, я услыхал скрип полозьев и жалобные крики. План мой не удался: свернуть с пути было трудно, так как на озере под снегом была вода. Остался на дороге ждать — что будет дальше. С первой подводы кричат: «Кто там?» — и подвода останавливается. Узнал Вяйне Мойноне с женой. Расспросив их, что слышно, узнаю, что жители Ногеуса и Кимасозера бегут и скоро будут здесь. Они растянулись по всей дороге, а часть ночует в Ондозере. Двигаюсь за партией обозников в Кондоки. Возы устанавливают в ряд и ставят часовых. Остаток ночи прошел беспокойно. Кругом слышны стоны крестьян, отморозивших себе ноги. Пострадавшие стараются растереть снегом отмороженные места, но это мало помогает, боль не утихает. На следующий вечер возвращаются снова на Ватасалми против красных. Мне также пришлось выехать с бандитами в обоз. Никого не видно. В Кондоке начали нас, обозников, распределять по маршрутам. Мою лошадь наметили в резерв для легкового обоза.

20 января М. Михайлов (из Кимасозера) доставил сообщение, что Кимасозеро очищено от красных, что последние были и ушли. Я опять изъявил желание съездить домой, что мне на этот раз было разрешено, так как требовалось отправить продукты для охраны. Недоезжая нашей деревни я был задержан по подозрению в дезертирстве. Через час охрана эвакуировалась. Я решил не подчиняться приказу и остался один дома, намечая план бегства. Но куда бежать? В Кимасозере нет красных, в Челмуже — белые, положительно некуда деться. В ту же ночь в деревню приезжает адъютант Илмаринена, которого мне приходится везти в Кондоку. Адъютант предлагает взять семью, чтобы выехать в Финляндию, но я не соглашаюсь. Говорю домашним, чтобы никого не слушали и несмотря ни на какие уговоры не выезжали из дому. Стало известно, что в Ватасалми была красная разведка и бандиты одного из разведчиков расстреляли. Начались приготовления. На полдороге от Кондоки, на одном из мысов озера, белые установили заставу. У страха глаза велики: застава открыла однажды

огонь из пулеметов по дорожным вехам, так как последние были приняты за людей. Стрельба из пулеметов испугала часовых, расположенных на разных участках вокруг деревни. Часовые рассыпались по лесу и немного погодя возвращались поодиночке в деревню в сильном испуге. Офицеры потрясали маузерами перед строем и время от времени палили, желая показать свою силу и власть над солдатами. Но в строю были люди, которые, выступив на шаг вперед, решительно заявили: «Стреляй, коли рука не дрогнет! Много ль перестреляешь? Слышали мы выстрелы и сами умеем и готовы стрелять, когда потребуется». За ночь количество людей у белых уменьшилось, часть убежала в лес. Заставу укомплектовали добровольцами. Население деревни с каждым днем таяло. Складывали вещи на возы и со всей семьей или с частью семьи уезжали. Я не смел открыто удерживать никого, за исключением тех, которые сами приходили ко мне за советом: что делать? По ночам я прятал сбрую для того, чтобы остаться. Две ночи под ряд спал с незнакомыми людьми, с которыми я был назначен в обоз. Однако выезд наш случился днем, а не ночью. Лошадь в упряжи стояла во дворе, высунув голову в ворота. Вся «доблестная» армия и офицерье двигались мимо на расстоянии метра. Я был рад, но страх сверлил мозг: удастся ли остаться живым или суждено умереть? Я остаюсь. С последней группой подъехал ко мне лыжник в белом халате и спросил, все ли ушли. Получив утвердительный ответ, он продолжал путь. Я повернул лошадь и подъехал к штабу, перерезал в санях веревки, забрал свои котомки и вошел в избу. Разувшись, убедил хозяйку, чтобы она что-нибудь наврала бандитам относительно меня.

При переезде на сторону Теро дорога на льду оказалась плохая и еле выдерживала лошадь. Двигаюсь тихо, но жить хочется.

— Гей! — слышится сзади. Не смею поворачиваться, не прошу пощады, пусть расстреляют. Окрик повторяется. Оборачиваюсь — сзади лыжник с винтовкой. «Стой!». Подъезжаем ближе, и я узнаю в нем И. С. Петрова. Просится на подводу.

Теперь чувствую, что ехать можно без всякой опасности, так как дуло винтовки направлено не против меня. Лошадь ставлю в конюшню, сбрую и прочее прячу в сено, сами становимся часовыми, поджидаем противника. Место, куда мы бежали, оказалось вполне надежным, туда уже раньше нас набралось много других, но все они были свободны, так как они были без лошадей.

Только через три дня, наконец, пришли ожидаемые красные части. Бандиты были большими трусами: они всячески старались избежать столкновения с красноармейскими частями и поэтому при отступлении удирали всегда первыми. Так, Анти Исотало показывал моей жене в Вонгалакше маленький пузырек, сказав, что это его спасет, если другие средства не помогут. Так что большой Анти воевал с пузырьком яда в кармане...

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАНА ЕФИМОВА

ТУНГУДСКИЙ ПАРТИЗАН ЕФИМОВ РАССКАЗЫВАЕТ:

«В самом начале мировой войны я очутился на фронте; пришлось воевать против немцев, позднее сражался на Карпатах и потом был перекинут в Румынию, где меня и застала февральская революция. Весть об Октябрьской революции сохраняли в тайне от солдат так долго, как только могли. Но когда стало уже невозможно скрывать, офицеры начали организовывать белые отряды. Солдаты весьма холодно отнеслись к усилиям белых офицеров и, получив известия о свершившихся событиях, каждый желал уйти с фронта. Офицерство противилось этому, когда же помешать уходу не удалось, они пытались хотя бы обезоружить солдат, однако и этого сделать не удалось.

Из Бессарабии мы прибыли в Каменец-Подольск, где встретили красные партизанские отряды, и я присоединился к ним. В феврале 1918 года старых фронтовиков демобилизовали, и тогда я вернулся в свою деревню Шуеварака Тунгудского района.

«В 1918 англичане завоевали северную Карелию и среди молодежи повели усиленную агитацию, чтобы склонить ее к поступлению в английские отряды — сражаться, мол, за «Свободную Карелию». Когда агитация все же потерпела неудачу и добровольцев не нашлось, англичане в ноябре 1919 года объявили мобилизацию. Тогда-то я и попал в белую армию.

«В белой армии мне пришлось служить в Кемской местной команде. В этой команде велась сильная большевистская пропаганда; в ней и я вместе с т. Кузнецовым принимал участие. С т. Кузнецовым мы служили в одной роте. Пропаганда велась довольно открыто. Что команда относилась к ней сочувственно, доказывает то, что хотя многие и знали революционных работников, однако, никто их не выдал.

«В Кемских частях революционная деятельность развернулась довольно заметно, и даже был составлен план мятежа. Но за несколько дней до того, как по плану мятеж должен был вспыхнуть, за большевистскую агитацию было арестовано пятнадцать солдат, в том числе и я.

«Белым было выгодно отделаться от арестованных таким образом, чтобы никто не заметил этого, поэтому выбрали «посылку» арестованных сквозь фронт на сторону красных.

«Это делалось так: арестованные приводились на линию фронта и отпускались как бы свободно на сторону красных. Но между фронтами белых и красных скрывались уже заранее посланные белые дозоры, которые и убивали «ушедших через фронт». Убийства затем относились за счет красных. Такой способ применялся белыми довольно часто.

«Итак, арестованные в Кеми карелы были вместе с попавшими в плен матросами посланы с поездом к линии фронта, где их обещали отпустить к красным.

«Положение на фронте тем временем изменилось настолько, что

красные части перешли в наступление. Вагон с арестованными остановился на ст. Сегежа; белые отступили, а красные, заняв Сегежу освободили арестованных.

«Попав к красным, я служил в Кеми в 56-й бригаде, которая обороняла Кемь. Демобилизовался вместе с другими своего возраста (тридцатипятилетними) в мае 1920 года».

Летом в 1921 году, когда скрывавшиеся в Тунгудских лесах белые стали подстрекать к нападению против страны Советов, т. Ефимов повел встречную агитацию. Белые объявили принудительную мобилизацию, но т. Ефимов отказался от явки. Тогда он был доставлен насильно, но бежал. Был пойман и доставлен второй раз, но бежал снова.

В настоящее время старый партизан т. Ефимов состоит колхозником, причем из числа граждан Тунгудского района вступил в колхоз первым. Кроме того он является кандидатом партии и членом КарЦИКа.

П. ПРОХОРОВ

БАНДИТ БОРИСОВ

В ДЕРЕВНЕ ОНДОЗЕРЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛИ о ругозерских событиях до 9 ноября, пока не прибыл тунгудский бандит Борисов с отрядом в тридцать человек, набранных из тунгудских и ругозерских бандитов. Прибывшие бандиты сразу же начали терроризировать население, принуждая мужчин присоединиться к ним. Тов. Уткина, кандидата в члены партии, арестовали. Собрали общее сельское собрание, на котором вели агитацию за «великое дело» освобождения Карелии и требовали от мужчин вступить в ряды бандитов. Однако результаты получились неважные. Из ондозерских граждан только один добровольно вступил в войска бандитов. С этой шайкой банда Борисова отправилась дальше в Куусиниеми с целью поджечь, согласно приказу начальника бандитов Илмаринена (Таккинена), железнодорожный мост через реку Онду.

По возвращении из Куусиниеми шайка Борисова созвала новое собрание граждан, хвастаясь большими победами (им удалось сжечь мост через реку Онду) и стараясь поднять воинственный дух в ондозерских гражданах. Но и на этот раз ничего не вышло. Ни один человек не дал согласия добровольно связаться с бандитами. Созвали третье собрание, но на нем уже не говорили красноречиво о добровольном присоединении, а сказали прямо, что кто не пойдет с бандитами, того ожидает участь ругозерских коммунистов.

Таким образом бандитам удалось насильно мобилизовать несколько мужчин, которых направили в дер. Куусиниеми, где красные войска уже начали наступление против бандитов. Куусиниеми пришлось отдать красным, и при отступлении бандитов в Ондозеро ондозерские граждане дезертировали из их рядов, спрятавшись в лесной избушке, находящейся в десяти километрах от деревни.

Оставшемуся в деревне Осипу Прохорову оставили письмо, которое просили передать командиру красных войск.

Когда красные войска заняли Ондозеро, они послали сообщение скрывавшимся в лесной избушке гражданам. Те прибыли в деревню, и пять человек из них: Уткин Иван, Уткин Яков, Уткин Яков Петрович, Прохоров Петр и Макарьев Яков — добровольно вступили в красный отряд Миронкова, с которым и пошли в наступление на Ругозеро.

Ругозеро заняли без сопротивления. Бандиты, узнав о приближении войск, успели во-время удрать. Отряд Миронкова все же отступил от Ругозера обратно в Ондозеро. Однако вскоре после этого Ругозеро было занято, — и на этот раз прочно, — красными войсками. Напрасно бандиты пытались снова овладеть этой деревней: Ругозеро больше не выходило из рук красных.

Отрицательное отношение к бандитам со стороны ондозерских граждан и активная подержка ими красных доказывают, что карельские трудящиеся встретили белых палачей не как спасителей, а как угнетателей, против которых необходимо вести борьбу.

БАНДИТИЗМ В КЕСТЕНЬГСКОМ РАЙОНЕ В 1921—22 ГГ.

Потерпев поражение при попытке захвата Карелии 1919—20 гг. после провала авантюры с так называемым «Ухтинским временным правительством», финская буржуазия не потеряла еще надежд на захват лесных богатств и на ограбление трудящихся Карелии. Летом 1921 года агенты финских капиталистов — карельские кулаки стали подготовлять почву для новой открытой вооруженной борьбы в Кестеньгском районе. В дер. Коккосалми Ахава установил связь с кулаком Фомой Сергеевым, который, будучи председателем сельсовета, не только не препятствовал, а всячески содействовал организационным мероприятиям в деле подготовки кулацкого восстания. Такая же организационная работа шла и в других деревнях.

Подготовляя кулацкое восстание в Карелии, финские организаторы бандитизма начали вербовку своих отрядов на территории Финляндии.

Летом 1921 года часть крестьян Олангской волости ушла со сплавом на финскую территорию. Среди них и была начата вербовка. Частью из них, частью из бандитов, находившихся уже ранее в Финляндии, были организованы небольшие диверсионные группы. Эти группы предназначались для выполнения убийств работников ревкомов и других советских органов. Однако эта задача выполнена не была, так как советские органы об этом были предупреждены и приняли соответствующие меры предосторожности. Между Соколозером и Пяозером два участника диверсионной банды были задержаны и направлены в Петрозаводск, откуда одному из них все же удалось бежать в Финляндию.

Таким образом, подготовка бандитского восстания продолжалась до ноября месяца, когда белофинны перешли через советскую границу. Незначительные пограничные части были вынуждены

отступать. Белобандиты без сопротивления заняли все деревни района, кроме Кестеньги и деревень, расположенных по тракту Кестеньга — Лоухи.

Опорным пунктом северного белобандитского фронта была Коккосалми.

Перехода белобандитов через границу на территорию Олангской волости ждали у деревни Вартио, так как там находилась уже ранее организованная из сбежавших в Финляндию белых активистов небольшая партизанская группа. На территории Олангской волости белобандитские отряды образовались из частей главного отряда, руководимого Парвиайненом (в Софьянке) и двинулись в Лайдасалми, куда частично прибывали группы и из Финляндии. При продвижении белых в Кормангу и Олангу были небольшие стычки с наступающими красноармейцами. В Оланге белые расположились для продвижения вперед. Красные отступали в направлении на Соколозеро. Движение белых из Оланги направилось по двум направлениям, а именно первое — на Рува (Ругозеро) и второе — на Зашеек и Хирви-наволок.

В деренве Рува (Ругозеро) сосредоточились отступившие красноармейцы и местные карелы — бывшие красные партизаны 1918 — 20 годов; они направили разведку на дер. Соколозеро, куда можно было попасть только через открытое пространство озера. Белые, заняв деревню, открыли по разведчикам огонь, и вся группа разведчиков (шесть человек) была уничтожена. Только одна лошадь разведчиков вернулась обратно порожняком, что говорило о присутствии белых в деревне Соколозеро и о гибели разведчиков. Маленькая группа красных вынуждена была отступить без боя в Конец-Ковдозеро. Белые заняли дер. Ругозеро (Рува). В Кандалакше происходила организация северного боевого отряда красных.

Отряд белых, продвигавшийся из Оланги в другом направлении, без сопротивления прошел деревни Зашеек, Кундозеро, Хирви-наволок, а оттуда на Ковдозерские лесоразработки, производя на своем пути пополнение сил мобилизацией местного населения. Таким образом, белобандиты без сопротивления заняли всю пограничную зону района. Из Софьянки, где были главные силы бандитов, линия тянулась на Лахти и оттуда далее, на территорию Елетозерского сельсовета.

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА

КРАСНЫЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ЧАСТИ, ОТСТУПИВ из Тихтозера в Кестеньгу, организовали оттуда, силами местных крестьян-активистов, партизанскую разведку в направлении на дер. Кябляя — Тихтозеро, с задачей вывезти из Тихтозера оставленные там документы пограничников. В Софьянке, которую бандиты еще не успели занять, разведывательный отряд пополнил свое вооружение ручными гранатами и патронами, так как ожидалось столкновение с противником. В дер. Кябляя кулак, предоставивший подводу для отправленных вперед четырех разведчиков,

стремился ввести их в заблуждение, заявив, что в дер. Бабья все спокойно. Из других источников разведчики получили сведения о том, что противник находится в соседней деревне и что разведка противника была поблизости от дер. Кябяля. Поэтому разведчики, а также пограничники, находившиеся в Софьянке, отступили в Кестеньгу.

Однако отправленная вперед группа разведчиков во главе с Олликайненом успела войти в дер. Бабья и была захвачена бандитами в плен. Пленные были направлены в Суванто, где их допрашивали и истязали несколько суток. Очевидцы рассказывают, что Олликайнену и его товарищам заявили: «Вы, коммунисты, стоите одной ногой в могиле. Вы можете сохранить свою жизнь лишь в том случае, если откажетесь от своих идей и перейдете на сторону белых». Олликайнен и его товарищи ответили: «Дело рабочего класса для нас дороже жизни, и за это дело мы будем бороться до последней капли крови. Нас вы взяли в плен и можете уничтожить, но во много раз бо́льшие силы будут продолжать борьбу за дело рабочего класса против угнетателей».

Этого бандитам было вполне достаточно.

Пленные были раздеты догола. Населению объявили, что их направят для допроса в Финляндию, однако это было явным обманом. Труп Олликайнена нашли в полукилометре от деревни, обезображенным самым зверским образом.

Несколько времени спустя были найдены трупы и других разведчиков.

СИЛЫ КРАСНЫХ

КОГДА ТЕРРИТОРИЯ РАЙОНА И ОКРУЖАЮЩИЕ

Кестеньгу деревни были заняты белыми, красные в количестве четырнадцати человек отступили от Кестеньги в Логовараку, ожидая прибытия из Лоухи красноармейского отряда. С прибывшим в Логовараку передовым красноармейским отрядом, в количестве шестидесяти человек, красные возвратились в Кестеньгу, на которую бандиты пробовали наступать, но были отброшены обратно.

Для наступления на Коккосалми и Рува (Ругозеро) силы красных были совершенно недостаточны. Их пополнение произошло позднее.

Занятие белыми Коккосалми произошло 24 ноября 1921 года. Там было постепенно сосредоточено около пятисот шестидесяти человек. Кадровые красноармейские части прибыли на ст. Лоухи 27 декабря 1921 года. Правда, к этому времени в Кестеньге был уже расположен отряд красных силою около двухсот человек, собранный из местных карел, финнов и русских.

В книге «На фронтах гражданской войны» т. Антикайнен пишет (стр. 394—395), что «для подавления бандитизма в Карелии было создано три тактически самостоятельных колонны, из которых одна наступала по направлению к границе с севера, другая — с юга и третья — с запада.

Задачей северной колонны было: сбить противника и сосредо-

точиться в районе Топозера, закрыв границу с севера. Силы колонны: 1249 штыков, 47 пулеметов и 4 орудия (76 мм).

Из Княжьей через Хирви-наволок двигался организованный в Кеми 1-й партизанский батальон, который в столкновение с противником пришел только в бою под Тиронваара».

БОЙ ЗА КОККОСАЛМИ

ЦЕНТРАЛЬНЫМ ПУНКТОМ БОЕВ НА СЕВЕРНОМ фронте была Коккосалми, расположенная на окруженном водой мысе в семнадцати километрах от Кестеньги, по направлению к финляндской границе. Еще до прибытия 89-го стрелкового полка в Кестеньге сосредоточился отряд красных силою около двухсот человек. Отряд свое первое наступление на Коккосалами произвел 10 декабря 1921 года.

Наступление происходило по льду озера. Противник подпустил наступающих на близкое расстояние, а затем внезапно открыл ружейный и пулеметный огонь, принудив красных отступить. Красные, потеряв двенадцать человек убитыми, отступили обратно в Кестеньгу.

В момент первого наступления на Коккосалми там было сосредоточено около сотни бандитов, вооруженных пятьюдесятью одной винтовкой и одним пулеметом. Однако их силы быстро росли с помощью мобилизации населения занятых ими деревень. Мобилизация, охватывавшая всех сколько-нибудь способных двигаться мужчин, проводилась под угрозой отвода в «Березнаволоцкий штаб», т. е. расстрела.

В последующих боях в Коккосалми было собрано девять рот их Техтозера, Суванто, Софьянки и других деревень. В каждой роте насчитывалось до шестидесяти человек (всего до пятисот сорока человек), вооруженных русскими и японскими винтовками. При сосредоточении сил оружия было недостаточно, но позже оно было получено из Финляндии.

Участник боев, мобилизованный бандитами Андрей Кириллов, в своих воспоминаниях пишет: «В начале декабря получили из Финляндии оружие, но все-таки недостаточно. Некоторые шли на фронт без оружия, ожидая получения винтовки от кого-либо из выбывших из строя. Если бы при первом наступлении красные действовали энергичнее, то Коккосалми была бы взята без особых потерь».

Второе наступление было произведено 2 января 1922 года. В нем участвовал уже прибывший большой передовой отряд 89-го стрелкового полка. Результатом боя было отступление с обеих сторон: красные отступили в Кестеньгу, а бандиты — в Софьянку. Отступление бандитов продолжалось бы вплоть до границы, если бы находившиеся в тылу силы не принудили отступавших вернуться обратно. Коккосалми, оставленная на время обеими сторонами, была занята бандитами снова.

Осмелев, бандиты сделали попытку наступления на Кестеньгу, но были сразу же отбиты.

В третьем наступлении красных на Коккосалми участвовали уже все сосредоточенные на этом участке фронта силы (89-й стрелковый полк прибыл в Кестеньгу 31 декабря). В этом наступлении впервые была применена артиллерия. Наступление было неудачным: красноармейцы в глубоком снегу без лыж двигаться не могли так, как это было необходимо. В распоряжении красных был только небольшой отряд лыжников, сформированный из местных карел и, частично, из прибывших из Московского военного округа лыжников.

Четвертое и последнее наступление было произведено 23 — 25 января. В четырех километрах от деревни на Хаукиозере бандиты заложили под сваленное на дорогу дерево бомбу. При расчистке дороги бомба взорвалась, известив таким образом о приближении красных.

«Наступающие части вели наступление на деревню с трех сторон, а лыжный отряд заходил противнику в тыл. Противник подпустил наши части близко к своим позициям, а потом открыл меткий огонь. Кроме того бандиты выслали небольшой лыжный отряд для нападения на наши обозы и резервы, внеся в них временное замешательство» (т. Антикайнен, «На фронтах гражданской войны», стр. 400).

Красные открыли артиллерийский огонь, не отличавшийся меткостью. Снаряды перелетали через деревню на озеро. Бандиты, видя, что борьба с превосходящими их силами безнадежна, пользуясь прикрытием утреннего морозного тумана, отступили из деревни. На р. Софьянке их встретил главарь Парвиайнен, который вез два станковых пулемета и патроны. Парвиайнен потребовал от отступивших перехода в контрнаступление. Однако из этого ничего не вышло. Бандиты заняли новую оборонительную позицию на берегу р. Софьянки.

Таким образом, бандиты пробыли в Коккосалме с 24 ноября 1921 года по 25 января 1922 года, отразив четыре наступления. После падения Коккосалми началось беспрерывное отступление бандитских отрядов на северном участке фронта.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ

КРАСНЫЕ ЧАСТИ, ВЫБИВ БАНДИТОВ ИЗ КОККОСАЛМИ, двигались вперед на Софьянку. Спустившись с берега р. Софьянки на лед, двигался разведывательный отряд численностью в двадцать два человека. Бандиты расположились на противоположном берегу реки и, подпустив разведку, в упор открыли огонь. Обрывистый берег реки не позволял красноармейцам быстро выйти с открытого места, и двадцать из них были ранены или убиты. Только двоим, зарывшимся в снежный сугроб, удалось с наступлением темноты уйти обратно.

Бандиты сосредоточили свои силы на берегу реки, недалеко от деревни Поньгола (Поньгеевское устье), куда красные части повели наступление. Бой продолжался всю ночь. Утром бандиты отошли с занимаемых ими позиций.

Дер. Поньгола и Софьянка были заняты без боя, так как противник, не останавливаясь, отступил на деревню Кябяля. В связи с поражениями и непрерывным отступлением настроение у бандитских отрядов становилось все хуже и хуже.

Около дер. Кябяля снова произошел бой, после чего бандиты отступили в дер. Бабья. Красные продолжали наступление. Деревня была обстреляна ружейным и пулеметным огнем. Главари бандитов бежали в дер. Катошламбу, вследствие чего боем руководили младшие начальники.

Дер. Бабья была занята красными частями. Бандиты отступили в Катошламбу, где их главари за отступление избили некоторых младших командиров до крови. Отряды бандитов были деморализованы непрерывными боями, поражениями и отступлением.

Паническое отступление продолжалось. В Тихтозере (Ухтинский район) задержались только сутки. При организации наступления на Хирвисалми, где были красные, вторая рота отказалась итти в наступление. При дальнейшем наступлении красных частей вторая рота бандитами была удалена в тыл как «неблагонадежная».

Отступившие с северного и с южного фронтов бандитские отряды сосредсточились в дер. Тиронваара (близ финляндской границы). По рассказам участников, их было четыре батальона, из которых только один двинулся в бой, три остальных сложили оружие. Только под угрозой со стороны первого батальона остальные батальоны взялись снова за оружие и пошли в бой. Около ста карел, несмотря на угрозы, решительно отказались воевать и были переброшены на финляндскую территорию.

В Тиронваара главари бандитов объявили свой план — удерживаться здесь до последней возможности, а весной собрать снова свои отряды, и тогда граница Финляндии будет расширена до Белого моря.

Бои под Тиронваара продолжались семь дней, после чего бандиты прешли на территорию Финляндии. Этим бандитское восстание и закончилось.

ХОД БОЕВ В СЕВЕРНЫХ ЧАСТЯХ РАЙОНА

В ДЕР. ОКУНЕВСКОЙ БЫЛ ОТРЯД БАНДИТОВ в семьдесят человек, задачей которого являлось движение на Кестеньгу и оттуда на линию железной дороги. Отряд в двадцать человек произвел набег на разъезд Мутала, где поджег склады и мост через глубокую выемку. Шедший в это время со ст. Княжьей воинский эшелон проскочил через горящий мост.

Красный партизанский батальон, двигавшийся на ст. Княжью со стороны Ругозера (Рува), организовал преследование налетчиков. Однако темнота и сильная снежная буря скрыли следы бандитов, и им удалось уйти от преследования. После нескольких часов преследования баталион вынужден был вернуться к эшелону и продолжать свой путь. Бандиты вернулись в Окуневскую. Другого налета на железную дорогу, а также и наступления на Ке-

стеньгу бандиты сделать не успели, так как их главные силы в Коккосалми потерпели поражение и отступили. Из Окуневской отряд отступил через Лахти, Софьянку и дальше, окольными дорогами, в Кябяля, где соединился с главными силами.

Против бандитов, расположенных в Ругозере (Рува), повели наступление красные части, расположенные в Конец-Ковдоозеро. Бандиты были разбиты и начали отступать. Одновременно начал отступление отряд бандитов, продвигавшийся в Ковдозерские лесные разработки, и в Оланге он соединился с отступившим из Ругозера отрядом.

Дальше Лайдасалми отступление было невозможно, так как красные части, заняв Софьянку, двигались уже на Кябяля. Поэтому бандиты с оружием в руках перешли на территорию Финляндии и, не разоружаясь, снова перешли на территорию Карелии уже южнее, через Тиронваара, где вместе с главными силами потерпели окончательное поражение и снова бежали в Финляндию.

Красный лыжный отряд, двигавшийся из Княжьей через Хирви-наволок вслед за частями, выбившими противника из Ругозера, вступил в бой только под Тиронваара.

Так был уничтожен на территории Кестеньгского района бандитизм, организованный финскими капиталистами. Бандиты, вначале занявшие быстро и без боя громадные пространства, также быстро отступили, как только красные части были сосредоточены против них.

Пришедшие грабить и уничтожать, бандиты проявили храбрость только в тылу, издеваясь над пленными и уничтожая все на пути своего отступления.

ПОСЛЕДСТВИЯ БАНДИТИЗМА

ОТСТУПАЯ БАНДИТЫ ПРОИЗВОДИЛИ ГРОМАДное разрушение и опустошение.

Все местное население целиком было уведено бандитами в Финляндию. Так, например, в Лайдасалми осталось только шесть стариков и старух, в Софьянке — два старика, из которых один умер раньше, чем красные пришли в деревню. Скот уводили вместе с населением или убивали. Наступающие красноармейцы находили много скота, убитого и брошенного на дороге. Была уничтожена масса оленей и брошена в лесах, где их находили только с наступлением лета.

Бандиты, — все без исключения, — двигались на лыжах. Лыжи у крестьян были отняты, но так как их нехватало, то в деревнях Корбозере и Ахонваара были организованы лыжные мастерские.

Продовольствие подвозилось из Финляндии, мясо забиралось у местного населения. Расплачивались расписками, оплатить которые обещали после победы. Но так как победить не удалось, то и расписки оставались неоплаченными.

При отступлении из Тиронваара, оружие отрядов было собрано и увезено в Финляндию без сдачи пограничникам. Только небольшая часть была сдана финским пограничникам. Оружие при-

берегалось для будущих боев. В Муртоваара, на территории Финляндии, у отрядов лыжи были отобраны, люди же были разбиты на группы по сорока-пятидесяти человек и отведены в Хюрюнсалми, и другие концентрационные лагери, чтобы не могли уйти обратно в Карелию. Однако, среди обманутых и насильно уведенных масс немедленно же начало развиваться бегство.

То, что бандиты в занимаемых ими местностях разрушили и привели в полный упадок не только сельское хозяйство, но и другие хозяйственные отрасли, поставив население в чрезвычайно тяжелые условия жизни, — ясно и неоспоримо.

Было мобилизовано все мужское население, и отобран рабочий скот. Рогатый и другой скот был оставлен на все время хозяйничанья бандитов без корма, так как для подвоза его не осталось лошадей. При отступлении, как уже указано выше, и остальной скот был угнан в Финляндию.

При возвращении беженцев в 1922 — 23 гг. в Карелию было приведено обратно совсем незначительное количество скота. Так, например, в дер. Хейнозеро было возвращено только восемь лошадей, а сейчас, десять лет спустя, их уже сорок. Так же и в других деревнях.

Дома при отступлении были разрушены. Разбивались двери, окна, печи, разбирались полы, сжигались целые деревни. Этим хотели создать наиболее тяжелые условия для наступающей Красной армии. Возвращавшиеся обратно беженцы находили свои хозяйства в запустении. Жизнь приходилось строить наново.

Н. ПАСТУХОВ

КУЛАКИ РАСПОЯСАЛИСЬ

ВЕСНОЮ 1921 ГОДА МУЖЧИНЫ ПОГРАНИЧНЫХ деревень ушли в Финляндию на сплавные работы; часть их возвратилась весною же назад, другая — осталась там, и из них и из ранее ушедших в Финляндию бандитов-перебежчиков образовались вооруженные отряды. Отряды эти начали осенью делать налеты на территорию Карелии, с целью убийства советских работников во время переездов их из деревни в деревню при исполнении служебных обязанностей. Своих намерений бандитам полностью осуществить все же не удалось, так как на советской стороне знали об этом и были готовы к отпору. Между дер. Соукело и Паанаозеро захватили и направили в Петрозаводск двух бандитов, из которых одному — уже в Петрозаводске — удалось бежать обратно, в Финляндию. Такая шпионская деятельность бандитов продолжалась до поздней осени. В декабре в дер. Нижнее Панозеро (Финляндия) собрался отряд бандитов, численностью до двадцати человек, который двинулся через границу в дер. Вартиоламба и соединился в Оланге с отрядом, прибывшим из Лайдасалми. Первая схватка между бандитами и отступающими красноармейскими частями произошла в дер. Кормо. Красные, имея только маленькую пограничную заставу, отступили в Олангу и оттуда дальше, в Ругу. В Оланге отряд бандитов разделился на-

двое, двигаясь — частью через Зашеек в Кутозеро, частью — по направлению в Ругу. При движении бандиты пополняли свои отряды путем принудительной мобилизации местного населения.

Из Руги красные разведчики двигались в Соукело, откуда нужно было выйти на лед озера. Бандиты уже находились в деревне, и им удалось убить шесть красноармейцев. Одна лишь лошадь разведывательного отряда прибежала, без людей, обратно в Ругу, и это дало знать о случившемся. После этого красные без боя отступили дальше в дер. Конец-Ковдоозеро, и бандиты заняли Ругу. Формирование красных частей произошло в Каназта, откуда произвели наступление на Ругу и заняли ее. С этого и началось непрерывное отступление бандитов не оказывавших никакого сопротивления. При отступлении бандиты провоцировали местное население, стращая, что красные всех убивают и жгут дома вместе с людьми, вследствие чего нужно, мол, переходить как можно скорее на финляндскую сторону; результатом этого и было массовое бегство мирного населения. Дальше Лайдасалми отступать, однако, было невозможно, так как красные были уже в Софьянке. Бандиты отступили в Финляндию, «расчистив» попутно деревню. Из Лайтасалми бандиты направили двух человек в Олангу для агитации за бегство населения в Финляндию, распуская слух, что красные уже сжигают Софьянку. В Олангах большая часть населения перешла через границу, уведя с собой детей и скот, но все же остальная часть населения деревни осталась дома, так как они были на стороне красных и ожидали их прихода.

Во время нашествия бандитов кулаки распоясались и, почувствовав свободу, стали резать скот и снабжать отряды бандитов мясом.

«Свобода» кулаков скоро прикончилась, и они вместе с бандитами бежали в Финляндию.

Ф. КОСКИНЕН

„ГЕРОИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ“ ИЗ-ЗА УГЛА

ВЫДАВАВШИЙ СЕБЯ ЗА КАРЕЛА БЕЛОФИНСКИЙ офицер Таккинен, под псевдонимом Илмаринена отправленный летом 1921 года на средства финляндских лахтарей в Карелию организовать бандитизм, рассказывает в своих «Воспоминаниях начальника лесного партизанского отряда» о «геройствах» белых партизан и, между прочим, сообщает, как Ермонен (из Войньги) один пустился в погоню за двумя большевистскими агентами и, догнав их, легко расправился с ними, не встретив сопротивления.

Это верно, что Ермонен в дер. Сопасварака убил двух красных финнов, тт. Мюрю и Пурсиайнена (последний был известен среди товарищей под кличкой «Весельчак»). Но убийство это никак нельзя считать геройским поступком, а, наоборот, это было тайным, подлым убийством из-за угла.

В какой бы тайне это убийство и все связанные с ним факты

ни держались лахтарями, все же товарищи, знающие о происшедшем, рассказали теперь кое-что в ином освещении. Убийство было совершено в сентябре 1921 года в доме Ивана Прохорова в дер. Сопасварака. Тт. Мюрю и Пурсиайнен были чекисты. Оба они отстали от остальных товарищей. Ермонен вместе с одним из бандитов подкарауливали мирно шедших по деревне товарищей, не осмеливаясь открыто напасть на них. В Сопасвараке товарищи зашли в дом упомянутого Прохорова подзакусить. В то время, как товарищи закусывали, пришел Ермонен и спрятался на задворках. Хозяева дома собрались на мельницу, и дочь хозяина Авдотья вышла на двор, чтобы приготовиться в путь. Ермонен спросил девушку, что товарищи делают в избе. На ответ девушки, что товарищи закусывают, Ермонен сказал: «Пускай жрут, жирнее будут для убоя». Затем Ермонен велел девушке позвать товарищей — помочь ей носить мешки на дровни. Та в испуге вынуждена была исполнить приказ бандита.

Тт. Мюрю и Пурсиайнен вышли помочь девушке навалить воз, взяли по мешку и понесли на двор. Мюрю, вышедший первым, успел спуститься с лестницы, Пурсиайнен же был застрелен еще в дверях.

В Мюрю стреляли сзади, но он все ж успел сойти вниз по лестнице, где бандиты и добили его окончательно.

Совершив свое гнусное дело, белые раздели убитых донага и похоронили в неизвестном месте.

Убив Мюрю и Пурсиайнена, белобандиты начали притеснять жену последнего, жившую в Сапасвараке. Они арестовали ее и повели в школу, где находился штаб белых; там бывший начальник штаба Кононов допрашивал ее, угрожая смертью. Но одними угрозами не ограничились и стали также пытать. Еще по дороге в школу Ермонен Филипп (из Ухты) ударил пленную несколько раз прикладом.

Подобные издевательства продолжались за все время белой власти. Жену Пурсиайнена, правда, оставили жить дома, но она все время находилась под надзором, а по ночам ее всегда водили на допрос в штаб, где опять ей грозили. Наконец ее решили отправить в Кимасозеро, где наверно бы и убили, но белым пришлось спешно убраться, и эта их угроза не была приведена в исполнение.

В течение всего периода своего «владычества» белые в деревне терроризировали население, особенно подозреваемых ими или попавших к ним в плен красных. Если кто-либо хоть слегка был у них на подозрении в содействии красным, того немедленно арестовывали и пытали. Арестованных сначало приводили в штаб (здание школы), там пытали, а потом едва живых вели на расстрел. Из дома Дементьева, находящегося неподалеку от школы, часто стали доноситься вопли и крики пытаемых жертв.

Однако, несмотря на ужасы белого террора, некоторые местные жители даже под страхом лишения жизни продолжали укрывать красных от попадания в лапы белобандитов. Так например, Иро Петров взял к себе в саночки раненого красноармейца,

которого белые, вероятно, сочли мертвым, привел его в чувство и спас от смерти.

Из убийств, совершенных белыми в Сопосалми, необходимо упомянуть об одном случае, имевшем место в первые дни бандитизма. Бандиты вели в школе собрание, когда в деревню попал из Ухты один красноармеец. Бандиты выскочили из школы и закололи красноармейца штыками прежде, чем тот успел оказать сопротивление. Затем ограбили и труп зарыли в поле.

Таковы «геройские подвиги» бандитов, которые воспевает лахтарский офицер Таккинен. Эти «подвиги» — убийства из-за угла и расправы целой шайки бандитов с одинокими красноармейцами.

Г. А. ГИТТИЕВ

РАССТРЕЛЯТЬ ВСЕ МУЖСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ЭТО БЫЛО В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ 1922 ГОДА, КОгда волость находилась еще в руках белобандитов. Меня вызвали в штаб и приказали отправиться с пакетом в дер. Емельяновку к одному из главарей бандитской шайки, оперировавшей тогда на территории Ребольского района, — Петру Кюттиеву.

Мне очень не хотелось появляться на глаза этому бандиту, знавшему мое действительное отношение к белым. Беспокоила мысль о расстреле, которым мне грозили еще раньше. Как раз незадолго до этого в Емельяновке бандиты расстреляли И. Никитина и в Конец-острове А. Пянтоева. Однако делать было нечего: офицерский приказ был строг, и неисполнение его все равно ничего хорошего мне не сулило. Пришлось отправиться с пакетом.

Одев лыжи, я пробежал расстояние до дер. Емельяновки в полтора часа и, доставив пакет, вынужден был там заночевать, так как уже наступил вечер. Вместе со мной остались ночевать в доме Кюттиевых несколько крестьян, находившихся со своими лошадьми в обозе, и меня немного успокаивало то, что среди них был некто Даниев — мой хороший знакомый.

Хозяева бандитского дома Кюттиевых, как старые, так и молодые, обращались со мной вызывающе, открыто высказывая свою радость по поводу недавнего расстрела двух большевиков — Никитина и Пянтоева, и намекая, что еще кое-кого следует пошерстить.

Разговоры бандитов тревожили меня, но я молчал, не высказывая своих опасений даже т. Даниеву. Когда в избе все легли спать, я один никак не мог уснуть. Рядом с избой в горнице, кроме двух молодых и двух стариков хозяев-бандитов, были три финских офицера, которые еще не спали. Я лежал на полу и все ждал, когда бандиты выйдут из горницы и предложат мне встать, чтобы повести на расстрел, но никто не выходил.

Прошло около часу в таком мучительном ожидании. Вдруг из горницы стал доноситься разговор, который заставил меня на-

прячь все усилия, чтобы уловить полностью, о чем говорят. Хозяева-бандиты вместе с офицерами обсуждали план, кого и как расстрелять из мужчин с. Реболы. Список обсуждался весьма тщательно и был, наконец, утвержден. В список входило двенадцать человек, т е., за исключением нескольких стариков и тех, кто были на стороне белобандитов, все мужчины с. Реболы старше восемнадцати лет. В список этот попал, конечно, и я.

Я напряженно слушал дальше, каким образом предполагается осуществить смертный приговор над реболчанами. Офицеры предлагали произвести расстрел на следующий же день, но хозяин, ссылаясь на слабые силы бандитов и предвидя возмущение всей крестьянской массы района, — так как некоторые из числа приговоренных пользуются большим авторитетом среди населения, — предложил другое: всех намеченных к расстрелу направить на лендерский фронт и ни одного не выпускать оттуда живым, разделавшись с ними при первом же удобном случае. Тогда можно будет сказать населению, что они были убиты в бою. На этом и порешили.

Услышав радостную весть, что белобандиты дают нам возможность пожить еще несколько дней, я немного успокоился, но уснуть никак не мог. Рано утром я на лыжах полетел обратно в Реболы, словно подгоняемый стаей голодных волков. В тот же день я поделился услышанным с наиболее надежными соседями, попавшими в список обреченных смерти, и вместе с ними мы решили известить всех остальных товарищей о надвигавшейся опасности. Сообща условились, что, когда нас отправят в Лендеры, мы при первом же удобном случае все перебежим на сторону красных.

Вскоре вслед за этим все мы, двенадцать человек «осужденных», были вызваны в штаб для отправки на лендерский фронт, но, в виду спешного отступления белобандитов, им не удалось нас расстрелять и мы успели во-время разбежаться по деревням.

Что касается меня, то я бежал домой, а оттуда с Андреем Тергуевым уехал на один из лесных хуторов, где мы и прятались до ухода бандитов.

И. Д. СИНИСАЛО И М. ЯРВИЛАЙНЕН

РАССТРЕЛ т. ЯРВИЛАЙНЕНА

ЭТО БЫЛ БАТРАК, ИСПЫТАВШИЙ НА СВОЕМ веку много всяких невзгод и лишений. Не имея никаких средств к существованию кроме пары мозолистых рук, т. Ярвилайнен давно уже покинул свою родину — Финляндию и поселился в Ребольской волости. Здесь он основался на постоянное жительство в дер. Кимовары, так как постоянные переходы с семьей из деревни в деревню в поисках новой работы были обременительны.

И он много лет под ряд прожил так в дер. Кимовары, успев сжиться с деревенской беднотой, и когда стали выбирать первый сельсовет, то беднота выдвинула его председателем совета.

Для т. Ярвилайнена открылось широкое поле деятельности. Несмотря на свое жалкое материальное положение, он всего себя отдавал для работы в совете.

Но вот началась авантюра, и нужно было действовать с оружием в руках. Тов. Ярвилайнен забыл про дом и семью, безвыходно сидел в совете и помогал Красной армии всем, чем мог: фуражом, продуктами и прочим.

Его деятельность не нравилась местным бандитам, которые стали точить на него зубы.

С уходом красных т. Ярвилайнен, по соглашению с командиром, остался на месте, так как он был твердо уверен в том, что красные скоро снова придут, а беднота его не выдаст, и ушел в лес, в лесную избушку «Перманта», в восьми километрах от деревни. С ним пошел и секретарь совета, Пуд Артемьевич Иванов.

Побыв там несколько дней, они захотели узнать, что же делается в деревне. Бандиты не могли их найти, так как те, кто знал их убежище, их не выдавали. И вот через три дня они, взяв с собою верховую лошадь, покинули лесную избушку и отправились к деревне. Пуд остановился дома, километрах в четырех от деревни, а т. Ярвилайнен проехал дальше и добрался до деревни никем не замеченный: его дом стоял на краю деревни. Но, вероятно, за ним была установлена строгая слежка. Когда т. Ярвилайнен, узнав о событиях, направился обратно, его схватили, в тот момент, когда он поил лошадь перед дорогой. Под конвоем двенадцати бандитов его привели в деревню, где бандиты приговорили его к расстрелу. К тому времени привели и Иванова, но его, как старика, отпустили. Тов. Ярвилайнена свели к школе и там расстреляли. Произошло это 27 декабря 1921 года.

Труп Ярвилайнена был закопан бандитами в болоте, в трех километрах от дер. Кимовары по направлению к Реболам, и лишь после прибытия красных его, как и всех убитых красноармейцев, выкопали из болота и похоронили в братской могиле в деревне.

При похоронах было обнаружено, что у одного убитого в бою красноармейца отрезаны половые органы.

А. Н.

„КРАСНЫЙ КРЕСТ“ СОЮЗНИКОВ

НАЧИНАЯ С 1918 ГОДА В ОБЩЕЙ СХЕМЕ событий, даже которых трудно уже вспоминать, есть основания привести события, происшедшие в нашей местности и имеющие некоторую связь с ходом общих событий.

Так, в 1918 году, когда мечты белогвардейской Финляндии о «Великой Финляндии», которые лелеялись десятками лет так называемым «Обществом просвещения» (Сивистус сеура) с его центром в Сердоболе, начали как будто мало-по-малу облекаться в реальную форму, с благословения и с помощью Финляндии через границу, на карельскую сторону выступило несколько отрядов белобандитов. Часть этой организованной «освободительной» армии «за Карелию», как они себя называли, вооруженная винтовка-

ми и тяжелым пулеметом, численностью в полтораста человек, пришлась на долю деревни Аконлакши (бывш. Кондокской волости). Руководителем отряда являлся егерь капитан Хеккестен, а о духовной стороне заботился пастор Аймандер, который был хорошим оратором. Для разъяснения положения и излияния чувств братской любви было созвано 23 марта общее собрание в помещении Аконлакшской школы. На этот раз собрались все, так как боялись последствий неявки, но, несмотря на зажигательный доклад с перспективами далекого будущего Карелии, собрание совершенно не поддерживало выдвигаемых идей, за исключением двух крестьян — Никутьева Кирилла и Никутьева Ефима (проживающих в настоящее время в Финляндии), которые оказались вполне солидарными с бандитами.

На следующий день отряд, направляясь в Кондоку, проявлял свое воодушевление в громогласных криках «ура» по поводу благополучного занятия дер. Аконлакши. Так, от деревни до деревни, отряд двигался по пути на Кемь, на подступах которого тщательно свитая ими веревочка порвалась.

Между тем наступил апрель месяц. В деревне был расположен отряд, который называли «местной охраной» (Суелус кунта), но этот отряд в деревне не пользовался сочувствием и поддержкой со стороны населения, за исключением небольшой части крестьян. Наоборот, можно было сказать, что местное население питало глубокую ненависть к «охранителям».

Впоследствии хотя и была налицо Суелус кунта, все же в окрестностях скрывались революционеры, члены ушедшей в подполье революционной организации Финляндии. Так, один из этих революционеров устроился сапожником в дер. Ехремя-ваара в доме Филиппа, выдавая себя за гражданина этой деревни. В тот момент случайно проходил деревню, по пути из Кондоки в Аконлак, некий бандит, учитель Тайванен, слывший даже среди бандитов за большого хулигана. Он случайно попал в тот дом, где был упомянутый сапожник-революционер. Тайванен сразу же приступил к допросу, кто, мол, он такой, и объявил его затем арестованным. Богданов в это время был на пашне, в километре, примерно, от деревни. Узнав о происходящем, он бросил лошадь и соху и побежал спасать товарища. Встретившись с Тайваненом, он стал на защиту сапожника, что привело к спору, доведшему до того, что Богданов схватил висящий на стене безмен и хотел размозжить голову Тайванену. Однако попытка его не удалась, так как безмен задел за полку и Тайванену удалось улизнуть из комнаты, а потом он бежал в Кондоку, где были расположены бандитские части. Зная последствия такого неудавшегося, но смелого поступка, Богданов в этот же день ушел из деревни в сопровождении спасенного им человека и двух крестьян: Максимова Ивана и Никутьева Тимофея, которые пришли ему на подмогу, вооруженные дробовиками. Отойдя на семь километров, они расположилась на ночлег, ожидая дальнейших событий, надеясь, что никто не знает о их местопребывании. Через день Тайванен в со-

провождении девяти бандитов прибыл в деревню в боевом порядке (в цепи), боясь сопротивления крестьян. Не встретив сопротивления, Тайванен использовал свое положение, выгнав всех крестьян из домов на улицу, стараясь найти Богданова, о местопребывании которого никто ничего не знал, кроме Никутьева Ивана. Последний собирался уходить вместе с Богдановым, но к этому времени почему-то оказался в деревне. Всю ночь допытывался бандит у всех, грозя расстрелом, где Богданов, но безрезультатно, и лишь впоследствии Никутьев Иван, став вожатым, свел Тайванена с его бандитами к местопребыванию беглецов, где последние спокойно спали. Богданов Ахоппа оказался в руках зверей, которые, после неописуемых истязаний, убили его, заколов штыками и ножами. Старый революционер, т. Богданов был участником японской и империалистических войн, во время которых получил несколько ранений.

Когда недоверие к «братьям» стало возрастать так, что уже не одному приходилось скрываться от «властителей», жизнь стала невозможной, да к тому же еще начали ходить слухи об организации в Кеми отряда под руководством англичан, который как будто должен очистить Карелию от этих «вояк» «за Карелию». Мы начали обсуждать план незаметного ухода в поиски за помощью. Наконец, 28 августа мы решили всей деревней выступить на Кемь. Местом сбора был намечен Ритон-ниеми, наиболее уединенное место. Выступающая группа составляла двадцать семь человек. Мы двинулись в лес по направлению Юшкозера. В дер. Нокеус мы встретились с отрядом, который должен был бы уже давно прибыть к нам. Знакомые лица — старые товарищи по работе на Мурманской железной дороге. Проведя в дер. Нокеус ночь и распрощавшись с отрядом, мы продолжали свой путь на Юшкозеро, где был главный штаб. Получив винтовки, мы, не долго думая, утром двинулись к границе по направлению к Кондоки через Кентозеро на помощь товарищам и, не встречая сопротивления, двигались до дер. Костомукша, где встретились с отрядом т. Петрова.

Когда деревни были очищены от бандитов, то последние отовсюду съехались в Вок-наволок. Наступление на Вок-наволок было намечено на 2 сентября, совместными силами нашего отряда и отряда Вазараева Д., идущего из Ухты. Из отряда т. Петрова выделился отряд добровольцев и, под руководством каменозерского учителя Лесонена Петра, двинулся в наступление на Вок-наволок, через Толло-реку и Каскола. Вок-наволок был занят в ту же ночь: первым в деревню вступил отряд т. Вазараева. Когда бандиты были отброшены за границу, наши отряды были оставлены для охраны границы, часть же попала в Кемь, в то время отряд находился на службе у англичан.

В виду того, что со стороны Финляндии не ожидалось выступлений, приказом штаба Северной армии союзников, подписанным генералом Мейнардом 16 мая 1919 года, предлагалось ликвидировать фронт и отряды направить в распоряжение штаба Северного правительства. Этот приказ все-таки остался невыполнен-

ным, так как все те, которые с самого начала не ушли в Кемь, и на этот раз остались дома. Ушедшие же вынуждены были в рядах армии Северного правительства воевать против красных.

С ликвидацией фронта для Финляндии представилась новая возможность для осуществления своих замыслов, однако на этот раз они прибегли к другим методам. Из Финляндии прибыла делегация в составе трех человек, в которую входили: Туомо-туйску, техник Хелосало и майстер (магистр) Сентти; последний был представителем финского правительства в Карелии. Эти господа составили временное правительство, куда кроме себя ввели представителей от всех волостей. Новое правительство начало действовать. Так, в конце ноября месяца был отдан приказ, обязывающий волости послать молодых людей на курсы счетоводов. На эти курсы, в числе собравшихся тридцати пяти человек, был принят и я.

На курсах взамен счетоводства в основном проходили: разбор международного положения, слушали лекции о капиталистическом государстве и по политэкономии. По окончании курсов курсанты разошлись по домам с целью сбора сведений и для разъяснения населению положения. Я остался работать на счетно-финансовой работе, а впоследствии производителем работ. Северное правительство, для ликвидации красных партизан, действовавших в районе Княжной губы и Кестеньги, выслало из Кеми отряд по маршруту Лоухи — Кестеньга. Исполком временного белокарельского правительства по неосведомленности расценивал данную экспедицию как направленную против нее и организовал оборону, начальником которой был Кемпайнен Иван из Слааярви. Войска Временного правительства, двигаясь на Кестеньгу, встретили в дер. Большое озеро разведку миллеровцев, в которой был бывший комендант Кеми и начальник отряда барон Тизенгаузен; он был взят в плен и доставлен в Ухту. Движение на Кестеньгу продолжалось. В результате отряд Северного правительства, численностью в восемьдесят человек, был взят в плен спящим и также доставлен в Ухту. Примерно, через месяц было созвано совещание, по решению которого пленные и барон 20 ноября 1920 года были освобождены. Находясь на пути в Финляндию для лечения, проезжая через дер. Кивиярви, на хуторах Малахова, в шести-семи километрах от границы, на финляндской стороне, я заметил, что там находился штаб, были склады продовольствия и оружия. Начальником штаба был вокнаволоцкий Хуоти Семенов.

25 мая, выйдя из больницы в г. Каяны, я поступил кладовщиком на склады американского Красного креста, помогающего нетрудоспособным карельским «беженцам». Работая здесь до 1 сентября, я начал замечать какую-то особую работу и движение, что было не что иное, как подготовка авантюры 1921 года. Секретные собрания и совещания проводились всегда в конторе купца Ипатова. Бывший в то время комендантом Карельского правительства Матвей Агеймен из Кимасозера в пьяном виде рассказал, что он является руководителем всего дела, что есть один офицер Так-

кинен (впоследствии был в Карелии под фамилией Илмаринена), который организует силы, чтобы прогнать большевиков из Карелии. Он сказал, что создается разведка, на организацию которой в его распоряжение выделено 54 000 марок. В дополнение к этому я и сам стал замечать, что Красный крест начал помогать трудоспособным, так как приходилось выдавать продовольствие из складов по распоряжениям Агеймена. Связь с рабочими и участие на многих собраниях и устраиваемых вечерах привело к тому, что мне перестали доверять и в результате сняли с работы. Далее от начальника Кулмакайну, капитана Брайдера, я получил распоряжение уйти с погранполосы, а поэтому остальное время до 1925 года я проживал в городах Саво и Ийсами, после чего вернулся в Карелию.

ВМЕСТО НОРМЫ... РАССТРЕЛ!

КИМАСОЗЕРО, КАК ИЗВЕСТНО, ЯВЛЯЛОСЬ главным пристанищем бандитов. Здесь они первым долгом заняли школу и в ней расположили свой штаб. Население, бывшее в деревне при бандитах, в особенности те, кто проживал на «господской» стороне, т. е. около штаба, рассказывают, как по ночам были слышны стоны и крики истязуемых в штабе арестованных и ругань истязателей. Арестованных не просто допрашивали, но и пытали. Арестным помещением и камерой пыток вначале служило помещение штаба, затем, с увеличением количества арестованных, для этой цели использовали один из домов около церкви.

В Кимасозере также выносились и приводились в исполнение решения полевых судов. Вначале бандиты расстреливали людей открыто, в сумерках на поле, около школы, впоследствии же они стали убивать их тайно в разных местах. Поэтому население не имеет точных сведений о количестве убитых, а также не знает всех могил товарищей, павших от рук бандитов.

Михаил Егорович Минин, который работал в штабе дровозом, рассказывает, что еще до начала авантюры, летом 1921 года на «господской» стороне был расположен штаб бандитов. Небольшая часть пограничников, расположенная на погосте была отделена от «господской» стороны широким заливом, и пограничники очень редко заходили сюда, что давало бандитам возможность безопасно заходить в деревню и вершить свои темные дела. Приходя из Финляндии, они подходили к деревне и, если на одном из крайних домов был виден белый флаг, это значило, что в деревню можно войти без всякой опаски.

В августе месяце, — рассказывает Минин, — находясь на рыбной ловле, он встретил на озере лодку, полную людей и винтовок; среди прочих в лодке находился один финский офицер, которого впоследствии Минин встречал в штабе; называли этого офицера по фамилии Илмаринен. Лодка направлялась к берегу.

О начале бандитизма Минин рассказывает:

«При возвращении с Лувозера меня встретили и задержали трое вооруженных людей, прибывших из Антроп-наволока, и привели в дом. В доме было еще несколько человек вооруженных, в большинстве крестьяне-бандиты из дер. Березов-наволока, среди которых находился также и Вяйнемейнен. Через некоторое время с озера послышались выстрелы. Впоследствии выяснилось, что это бандиты расстреливали начальника Лувозерского пункта Зайцева, который, ничего не подозревая, шел с Лувозера».

Аксинья Ананьина, жившая в доме рядом со штабом бандитов, рассказывает:

«Однажды вечером на поле около школы убили трех мужчин. Убийство было совершено так: арестованным прострелили сначала ноги, чтобы они не могли двигаться, после этого их подвергли истязанию и только после продолжительных пыток окончательно пристрелили. Трупы убитых выбросили на поле, и лишь после настойчивого требования населения штаб направил людей, чтобы убрать трупы, которые предварительно бандитами были раздеты донага в целях ограбления. При перевозке убитых на кладбище труп Вазарайнена из Вок-наволока подвергался всяческим издевательствам. Второй из убитых был крестьянин из деревни Варгаксет, который был возчиком у Вазарайнена и был арестован одновременно с последним около Панозера, откуда их и привели в Кимасозеро для того, чтобы истязать, а затем убить. Третий из расстрелянных был красноармеец.

«В те же дни был убит по дороге на Лувозеро Гурьев Мартти (из Ругозера). В список подлежащих расстрелу попали две женщины: Рекина с Юшкозера за то, что скрывала сбежавшего от бандитов красного, и Логинова Мария из Лиетма — за то, что просила норму и, получив отказ, угрожала бандитам, что сообщит о них красным. Такого поведения голодающей крестьянки было достаточно, чтобы арестовать ее, привести в Кимасозеро и вынести смертный приговор. Одако, в виду внезапного налета красных, обе женщины избегли расстрела».

О прибытии в Кимасозеро отряда красных лыжников, курсантов Интернациональной школы, Аксинья рассказывает:

«Бандиты в своем штабе веселились во-всю. Позиция была в Чолме, так что опасаться было нечего.

Накануне была вечеринка, и на следующий день (воскресенье) также было решено собраться на новую вечеринку.

Находящиеся в штабе бандиты с тяжелыми после ночного веселья головами только что стали просыпаться, как со стороны погоста началась стрельба. В тот же момент на льду появилась цепь лыжников, наступающая на «господскую» сторону. Тут «господам» из штаба пришлось жарко; каждый захватил, что успел, и задал тягу.

С уходом красных бандиты снова пришли в деревню, но Илмаринена и других «больших господ» больше не было видно».

Минин Михаил рассказывает о наступлении красных:

«Было еще раннее утро, как мать пришла из хлева и сказала,

что красные наступают по льду. Не поверил сначала, стал возражать, но стрельба и приближающаяся цепь заставили все же поверить. Запряг лошадь и решил удрать в лесную избушку, так как предположение не оправдалось: господа из штаба — кто в чем попало — удирали, стараясь бежать один быстрее другого, и впереди других Иламаринен. Бандиты бежали по тропинке на Вондозеро. Эта дорога была только что проложена, и, возможно, поэтому красные и не имели сведений о ней. Как только я въехал на лед, сани моментально заполнились офицерами из штаба, и о том, чтобы направиться в лесную избушку, нечего было и думать. Наоборот, я оказался подводчиком у бандитов. Переправившись через лед, Илмаринен стал требовать организации сопротивления, но никто его не слушал: все старались как можно скорее удрать. В Онкозере спешно накормили лошадей и двинулись дальше на Кондоку. Там я попал возчиком на Костомукшу и Ухту. С Ухты был направлен в Луусалми для перевозки людей, направляющихся против красных, и мне пришлось быть очевидцем того, как белые грабили, уничтожая все, что попадалось на их пути. Зарезанных коров доставляли в Ухту, а которых не удавалась зарезать и уместить на подводы, живьем гнали на границу. Итак, в конце концов, я попал в Финляндию. Там объявили, что я теперь свободен и могу итти, куда захочу, но только ни в коем случае обратно в Карелию».

ЗАРЫТЬ ЖИВЬЕМ В БОЛОТО

В ЮШКОЗЕРЕ 7 НОЯБРЯ 1921 ГОДА ПРАЗДНОвали годовщину Октябрьской революции. Вдруг в деревне появилось сорок бандитов, главным образом из Суопасалми. В деревне в то время, кроме местных красных, находились начальник милиции Северо-карельского участка Иван Тарасов и красноармейский отряд т. Воробьева численностью в пятнадцать человек. Красные знали о движении бандитов и поэтому соблюдали осторожность. Как раз после праздника думали отступить из деревни и присоединиться к более крупным красноармейским частям.

Выстрелы, произведенные белыми при нападении на т. Пентикайнена и т. Карпиайнена, которые несколько раньше ушли с праздника, всполошили находящихся в школе. Воробьев со своими людьми вышел на улицу, и им удалось прорваться сквозь оцепившую школу цепь лахтарей. Только один красноармеец заблудился, спрятался в хлеву и был доставлен арестованным в Кимасозеро.

Лахтари пришли в школу и арестовали находившихся там красных — начальника милиции Тарасова и его брата Мику Тарасова (с деревянной ногой). Начальник милиции был уведен, Мику же держали в школе до утра, причем его подвергли истязаниям, прикладом выбили зубы и т. д. Позднее, с наступлением дня, он был отпущен на свободу.

Начальник милиции Иван Тарасов был доставлен восьмого

утром в школу, где и начался его допрос, сопровождавшийся невероятными пытками. Натешившись муками своей жертвы, бандиты увели его в тот же день около трех часов дня, вместе с Рейникайненом, к околице и там обоих расстреляли. Трупы были оставлены на месте расстрела. Мика Тарасов пошел на деревенское собрание, где находилась вся белая застава, и просил разрешения похоронить брата.

После долгих препирательств разрешение ему было выдано, но к трупу Рейникайнена приказано было не прикасаться. На месте убийства обнаружили ужасную картину. Место было широко вытоптано и залито кровью. Было ясно, что пленных еще до расстрела сильно истязали. На трупе Тарасова оказалось три огнестрельных раны спереди, кроме того оба глаза были выколоты, нос отрезан, на обеих руках отрезаны большие пальцы, лицо все было покрыто синяками. Вытоптанное, с лужами крови, поле на месте расстрела с очевидностью доказывает, что все истязания были совершены еще до расстрела, и лишь после них жертва была расстреляна.

Однако недолго Мика Тарасов (с деревянной ногой) был на свободе. Его арестовали с угрозой: мол, «теперь расплатимся за старые долги». Потом его вместе с другими арестованными — женой Рекиля (арестована за укрытие раненого Рейникайнена), женой Воробьева и женой Сюслова (красноармейца) — отправили под конвоем в Кимасозеро, где находился штаб лахтарей и где приводили в исполнение смертные приговоры.

Про жизнь свою в Кимасозере Тарасов рассказывает следующее:

«Находясь в течение двух часов в кимасозерской школе объектом любопытных лахтарей, я наконец был отведен к самому Илмаринену.

«— Ага, и ты, калека, прибыл? — сказал Илмаринен.

«— Прибыл, коль привели, — ответил я».

«— Я зорко приглядывался к школе, — рассказывает далее Тарасов: — не замечу ли я следы ранее приведенных сюда арестованных, и не ошибся: на тунгудском жителе Борисове, который является теперь в Кимасозере большим господином, была шинель с плеч т. Висара (из Вок-наволока), арестованного ранее в Панозере и убитого затем в Кимасозере.

«Илмаринен продолжал допрос, а другие «большие господа» стояли кругом.

«— Знаешь, чем это пахнет? — гаркнул он и сунул мне под нос браунинг.

«— Сколько в Юшкозере коммунистов? — был следующий вопрос.

«— Не знаю, — ответил я.

«Тогда Борисов потребовал, чтобы всех арестованных закопать живьем в болото. Из школы меня повели в один дом около церкви на Карповской стороне, где нас, арестованных, собралось тринадцать человек.

«Было воскресное утро 20 февраля, церковные колокола начали звонить к заутрени. Я стоял у покрытого льдом окна и дул

в стекло, смотря в образовавшийся просвет на улицу. На озере было заметно движение по льду: к деревне продвигались лыжники, все в белых балахонах. «Новый лыжный отряд из Финляндии», — подумал я, так как слыхал, как лахтари говорили, что из Финляндии ожидается прибытие новсго отряда лыжников. Разглядывая приближающихся людей, я к великой своей радости увидел под сбившимся колпаком балахона красноармейский остроконечный шлем.

«— Что за люди? — был слышен окрик часового на берегу.

«— Свои, — ответили на льду.

«Цепь лыжников вышла на берег, и сейчас же началась перестрелка Арестованные ринулись в подвал, туда же прыгнули и двое часовых. Даже несколько белых солдат из трусости своей пробрались к нам. Напрягая весь свой слух, мы прислушивались к стрельбе в деревне. Было слышно, как около церкви все затихло и стрельба перешла на господскую половину. Незнание результатов боя волновало не только нас, арестованных, но и белых трусов. Наконец я услыхал, что в избу вошло несколько человек. — «Здесь же нет никаких арестованных», — послышался чей-то голос по-фински. Мы колеблемся, но наконец я кричу: «мы здесь», так как был уверен, что в избе — красные.

«— Выходите! — крикнули наверху, в избе, и люк открылся.

«Начали карабкаться вверх. Я вышел первым и встретил знакомого человека, т. Кумпу, который помог мне, калеке, выбраться из подвала. Я был спасен.

«Вместе с красным финским лыжным отрядом я добрался затем до дер. Конец-остров, садясь порой для отдыха верхом на захваченного коня самого главковерха лахтарей Илмаринена.

«— Давай закурим, Илмаринен, — шутя кричали мне ребята по пути в Конец-остров.

«А в это самое время Илмаринен и вся его шайка с Борисовыми и прочими бандитами, грозившимися закопать нас в болото, удирала из Кимасозера в одних чулках».

„ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЧЕТЫРЕХЛЕТИЕМ КРАСНУЮ АРМИЮ"

ВО ВРЕМЯ ВЛАСТВОВАНИЯ БЕЛОФИННОВ В Реболах, еще до заключения Юрьевского мирного договора, красные подготовились к вооруженному выступлению против белых, так как положение в волости было очень непряженное. Пытались создать партизанский отряд для борьбы против белых. Для этой цели начали подыскивать оружие. Иван Тергуев купил у белых три винтовки, за которые заплатил по 140 финских марок. Все же партизанского отряда создать не удалось. Зато начался переход людей на сторону красных, а часть людей ушла в созданный англичанами карельский легион.

После заключения Юрьевского мирного договора в волости появилась милиция, организованная и вооруженная белофиннами. Начальником милиции был в первое время финский офицер Таккинен (которого впоследствии, во время бандитизма, звали

по фамилии Ильмаринен) и Романов из дер. Колвасозеро. Когда финны окончательно ушли из Ребол, они оставили своим надежным сторонникам скрытые запасы оружия, а также организовали этапы для своей будущей работы. В течение лета 1921 года бандитские элементы и финляндские агенты часто проводили с населением собрания. Местами собраний были дер. Нагрислакша, Ряхянварская лесная избушка и Кимовары. Можно отметить, что в то время, когда осенью 1921 года заседал Съезд советов в Реболах, у белых было созвано свое собрание в Наволоке. И у них были люди, которые постоянно держали связь между Съездом советов и их собранием, и все сведения передавались в Финляндию. Это подтверждается тем, что отчет о Съезде был опубликован в финляндских белых газетах сразу же после Съезда.

После нападений белых на дер. Туливары была создана в центре волости революционная тройка и организован партизанский отряд. Этот отряд повел наступление на дер. Туливары, отбив белых оттуда обратно за границу. Из-за малочисленности отряд не мог удержаться в Туливарах и отступил обратно в Реболы; после этого красноармейцы еще раз отбили белых из дер. Туливары обратно на ту сторону границы. Лишь после третьей попытки белым удалось некоторое время удержаться в Туливарах и Лужме.

В то короткое время, пока Реболы были в руках красных, проводилась усиленная разъяснительная работа, особенно среди молодежи, благодаря чему молодежь не хотела итти в белые части, поэтому белые проводили собрания (в дер. Колмасозеро) держа в руках маузеры и пытаясь принудить крестьян итти в их части. Видя это, молодежь убегала в лесные избушки, находясь там больше недели. Все же белые путем насилия собрали и беглецов в белые отряды, из которых молодежь сбежала. Так же обстояло дело во многих других деревнях.

За время властвования финнов в Реболах трудовое население получило тяжелый урок.

Получив вечером 7 декабря известие о том, что белые во многих местах перешли через границу, красные вышли из Ребол. 9 декабря белые заняли дер. Реболы. Путешествие из Ребол было совершено в очень тяжелых условиях. В Кимоварах мы столкнулись с белыми, которые подстерегали нас в снежных окопах, но они были принуждены отступить. После девяти суток езды через бездорожный глухой лес, без пищи для людей и лошадей, сталкиваясь несколько раз с белыми отрядами, наш отряд прибыл к красным в дер. Соймигору, пройдя пятьдесят километров в трудных условиях. В Кудамогубе произошло небольшое столкновение с белыми. В конце концов удалось связаться с красными частями, и с ними поехали обратно в Реболы.

На территории этой волости как и в других местностях Карелии разбойничали белые. Они сжигали дома, уничтожали скот и имущество и силой принуждали население итти в Финляндию. Когда красные части возвратились в Реболы, на территории всей волости осталась только одна лошадь.

Оставшееся на территории волости население радостно приняло Красную армию. Об этом говорит резолюция, принятая на общем собрании дер. Колвасозеро 23 февраля 1922 года:

1. Выразить сердечную благодарность за ту помощь, которую Советская Росси оказывала.

2. Поздравляя с четырехлетием Красную армию, благодарить ее за ту помощь, которую она оказала нам, освобождая нас от белофинских бандитов. Мы стойко поддерживаем тот союз, который заключен между трудящимися Карелии и Советской Россией.

3. Просить Исполком Карелии крепко настаивать, чтобы финляндская буржуазия возместила карельскому трудовому населению весь убыток, нанесенный организованным ею бандитским налетом на Карелию.

Протокол подписан всеми девятнадцатью участниками собрания.

Ребольцы скоро возвратились обратно из Финляндии и начали при поддержке советской власти и под руководством коммунистической партии восстанавливать свое уничтоженное хозяйство. О том, что они этого добились, говорят имеющиеся теперь там большие достижения.

И. Ф. КОНСТАНТИНОВ

ЧЕКИСТЫ УМИРАЯ НЕ СДАЮТСЯ

БЫЛО МОРОЗНОЕ УТРО. ДЕЛО ПРОИСХОДИЛО глубокой осенью — 26 ноября 1921 года.

Мирная деревня, воспрянув от сна, принялась за свои обычные занятия: кто стал возиться около скотного двора, кто принялся колоть дрова, а некоторые пошли с сетями на озеро ловить снетков из-под льда. И никому в голову не приходило, что в такое тихое утро может случиться то, чего большинство из жителей никак не ожидало.

Вдруг около школы, которая помещается в доме бывшего кулака посредине деревни, на горе и хорошо видна во все концы, неожиданно появились вооруженные люди и оцепили здание со всех сторон. Утренняя тишина деревни была нарушена частой стрельбой из винтовок и маузера. Это произошло так внезапно, что деревня была поражена. Люди не двигались с места и, как вкопанные, смотрели на невиданное раньше зрелище.

Вскоре положение выяснилось. Крестьяне знали, что в школе проживает коммунист, сотрудник особого пункта ВЧК, т. Шутинен, и решили, что окружавшие школу — не кто иной, как белобандиты. Эти предположения подтвердились выкриками бандитов, и тем, что у них были белые повязки на рукавах.

Деревня, пораженная появлением неожиданных гостей, дрогнула, и все начали искать себе места, откуда можно было бы незаметно от белых наблюдать за происходящим.

Перестрелка не унималась. Бандиты бросали в окна школы ручные гранаты, но взрывов почему-то не было. Из дома стрелял, не переставая, из маузера т. Шутинен и, несмотря на оцепле-

ние и большое количество осаждавших (около 50 чел.), белым проникнуть в дом не удавалось.

Наконец, бандиты обнаружили местопребывание т. Шутинена (коридор посредине дома), откуда ему было так удобно отстреливаться. Заметив это, бандиты устремили свой огонь в более верном направлении. Раздался голос раненого т. Шутинена, который дал еще несколько выстрелов и вышел из дома на крыльцо.

Озверевшие бандиты, увидев кровь своего врага, как звери бросились на него, вытащили с крыльца и тут же расстреляли.

Так героически погиб от руки бандитов стойкий борец за Советы.

Бандиты же, расправившись с т. Шутиненом, бросились искать новой поживы. Они знали, что в деревне должны проживать Лейнонен-Матти, финн-рабочий, бежавший в свое время из Финляндии, и Паасу Риита, финка-работница, подпольщица, бежавшая из фашистского застенка в местечке Лекса. Рииту бандиты нашли без труда, так как вторжение их в деревню было настолько внезапным, что она не успела скрыться. Но т. Лейнонена не оказалось дома. Не успокоившись на этом, бандиты арестовали, кроме т. Паасу Риита, еще местного учителя т. Константинова П. И. (беспартийный) и начали издеваться над арестованными.

В доме, где проживал т. Лейнонен, они поставили стражу. Под вечер, когда начало смеркаться, т. Лейнонен, ничего не подозревая, возвращался в деревню и сразу же направился на свою квартиру.

Несмотря на привычку соблюдать осторожность, т. Лейнонен на этот раз шел беспечнее, чем когда-либо, и маузер, с которым он никогда не расставался, лежал в глубине кармана его пальто.

Открыв дверь в полутемную квартиру, он крикнул радостно в знак приветствия хозяевам: «Матти тулее!» (Матти идет). Не успел он оглянуться, как его руки были скручены назад, и десяток голосов злорадостно ответил: — «Матти-то мы и ждем». Пожалел он, что так беспечно сдался в лапы бандитов, но было уже поздно.

Так бандиты оказались хозяевами положения в тихой пограничной деревушке.

Т. Константинова бандиты освободили на следующее утро, не прекращая все же издевательств над ним, а избитых товарищей Лейнонена и Паасу Рииту повели в деревню Туливары, где после жестокого избиения и издевательств т. Лейнонена расстреляли, а т. Паасу Рииту мучили несколько дней, потом свели за несколько километров в лес и там зверски убили.

После ухода бандитов т. Лейнонен был перевезен в Реболы и похоронен в братской могиле. Труп т. Паасу Рииту удалось найти только в 1923 году в лесу, причем распознать ее можно было лишь по остаткам одежды. Эти остатки костей и одежды т. Паасу Рииты похоронены на месте обнаружения, в лесу.

И. А. ТУРГУЕВ

ТЯЖЕЛАЯ ДОРОГА

5 ДЕКАБРЯ 1921 ГОДА В РЕБОЛАХ, ГДЕ БЫЛО около шестидесяти человек красноармейцев, стало известно, что белые направили все свои силы на Ландеры, где стояли наши главные силы. Узнав об этом, красноармейская часть вечером, около десяти часов, на двадцати подводах двинулась на Лендеры. Я отправился их сопровождать.

Недоезжая четырех километров до Кимовары, мы подверглись нападению сидевших в засаде бандитов, в большинстве кулаков и зажиточных крестьян Кимовар. После короткой, но упорной перестрелки путь был освобожден. В этой перестрелке пало семь красноармейцев.

Приехав в Кимовары, мы узнали, что Лендеры — в руках белых и, таким образом, путь к отступлению отрезан. Но все же, не долго думая, двинулись дальше.

Когда мы отъехали километров двенадцать от Кимовар, меня подозвал начальник отряда т. Яковлев. Вместе с ним был составлен план отступления по лесу на дер. Соймогубу. Это значило, что предстоит пройти пятьдесят километров тайги без каких бы то ни было дорог. Снегу было больше аршина, лошади были уставшие, но иного выхода не было.

Проезжая через дорогу между Лендерами и Ловут-островом, мы встретили подводу, в которой трое бандитов везли арестованного т. Турунена с его семьей. Красноармейцы, увидев бандитов, дали залп, но промахнулись и нечаянно пристрелили жену т. Турунена. Бандитам удалось удрать. Сам же т. Турунен с детьми был спасен и, присоединившись к нам, подтвердил правильность сведений о Лендерах, а также намеченный план отступления.

Мешкать было нельзя. Бандиты, услышав выстрелы, могли нагрянуть в любой момент. И вот вся колонна спустилась с дороги на озеро, где кроме снега передвижению мешала выступившая из-под снега вода, но колонна двигалась, не теряя боевой готовности, пока не переехали озера.

Когда выбрались на берег, пришлось оставить красноармейцев, умерших от ран, полученных в разведке между дер. Колвасозером и Реболами.

Отдохнув немного и убедившись, что погони нет, колонна двинулась дальше по лесу, пробивая каждый метр дороги усилиями ножных мышц и работой с топором.

Движение было очень медленное. К тому же, пока попали на намеченный маршрут, буждали по лесу несколько часов. Наконец маршрут по немногим знакомым признакам был найден, и мы продолжали движение. Двигались без остановок и отдыха, лошади еле тащили ноги, а люди спали на ходу. Продовольствия, кроме муки, также не было, лошадей пришлось кормить хвоей. К несчастью, не было с собой ни одной пары лыж.

В конце третьих суток после того, как мы свернули с дороги,

терпение людей начало истощаться, начались споры, воображение уставших, голодных, замерзших людей говорило, что деревня должна находиться где-то близко. Некоторые начали даже поговаривать, что я сознательно вздумал бродить в лесу, чтобы предать людей в руки бандитов. Для успокоения пришлось вмешаться т. Лебедеву, который к этому времени пришел немного в себя от усталости. Хотя никто меня не тронул, но все же вся колонна решила искать дальше дорогу без моих указаний.

Роль руководителя взял на себя восьмидесятилетний старик Егоров, которому показалось, что он лет пятьдесят тому назад проезжал именно здесь. Колонна двинулась за ним, а со мной осталось лишь около пяти человек местных жителей, которые знали, что я никого не намерен подводить.

Я осмотрелся, отошел по своему маршруту около двух километров и начал убеждаться, что все признаки говорят за то, что до деревни недалеко и что я на правильном пути.

Усталость была велика, и мы решили эту ночь отдохнуть. С помощью топора нарубили сучьев и развели большой костер, но спать все же не решились.

Желудок требовал пищи, однако есть было нечего.

Тем временем стали подходить сзади красноармейцы, и скоро вся колонна оказалась вокруг нашего костра, за исключением старика Егорова и одного красноармейца, которые погибли там в глубоком снегу.

Я объяснил собравшимся положение и сказал, что если дадут мне верховую лошадь для разведки, то завтра будем в деревне. Настроение немного улучшилось, и все улеглись. Однако, спать было нельзя. Все сознавали, что во время сна легко замерзнуть.

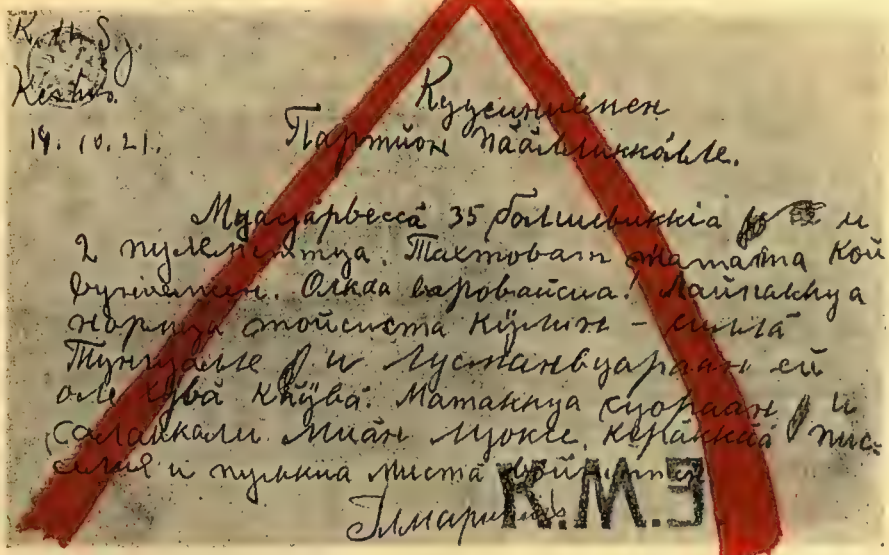
Утром мне дали верховую лошадь, и я после пяти часов розысков вернулся к колонне, тихо двигавшейся за мной, и сообщил ей радостную весть о близости дороги и деревни.

Усталости — как не бывало. Люди бежали, кричали, прыгали от радости. Но пустить в маленькую деревню такую толпу, обезумевшую от холода и голода, притом вооруженную, нельзя было: могли возникнуть всякие неожиданности; поэтому я, пришпорив лошадь, добрался раньше всех в деревню, в нескольких словах объяснил населению создавшееся положение и велел собрать хлеба, предложив взамен целый мешок муки, которая еще была у нас на подводах. Крестьяне знали меня и, услышав, что мы несколько дней без пищи скитались по лесу, собрали весь оставшийся в деревне испеченный хлеб.

К этому времени подоспела и колонна. Трудно было удержать голодных и озлобленных людей, но, встретив дружелюбный прием и получив пищу, все успокоились. Через полчаса по деревне начала разливаться веселая красноармейская песня.

Приведя себя и оружие в порядок, направили разведку в Лубосалми (около десяти километров вперед по Поросозерской дороге). Разведка быстро вернулась, собщив, что деревня — в руках белых, и нам пришлось, не отдыхая и даже не дожидаясь, пока будет испечен свежий хлеб, двинуться опять в лес, чтобы, пройдя без доро-

Военное совещание в штабе белобандитов в Кимасозере. Справа налево: Ильмаринен (Таккинен — финский офицер); завхоз полка В. Ваара, адъютант 3-го бандитского лесного батальона Вяйсанен, адъютант главнокомандующего Пааво Ахава, писарь Ю. Миронен, начальник Тунгудской роты В. Кирьянов



Кузсинаволокен
Партийн пайлинкоолле.

Мудзарвесса 35 большевикка и 2 пулеметта. Тактовать ламмалта Кой фуйнитсен. Олкаа варовайсиа. Лайнаклуа норма ойтсиста кўрнитъ — сиилта Тунгудаге и Лусманвуаранъ ей оле кувъ кўва. Матаннуа суоранъ и Сапаккали Мийн Муоке. Керанкъ и писелия и пулкка мста кўйнитъ.

Ильмаринен

К.М.Э.

*Записка Ильмаринена, отправленная им за месяц до начала бандитизма (10/X—1921 г.) начальнику разведывательно-сторожевой группы в с. Кузсинаволок. Написана русскими буквами на смешанном финско-карельском наречии. Перевод: „Начальнику группы в с. Кузсинаволок. В Маозере 35 большевиков и 2 пулемета. Намереваются отправиться в Березовнаволок. Будьте осторожны. Займите нормы из других деревень, потому что в Тунгулу и Лужмугору не удобно попадать. Отправляйтесь прямо и незаметно к нам. Соберите ружья и пули откуда только можно.

Ильмаринен".*

БЕЛЫЕ БАНДИТЫ

В. Кеунас из Ухты. Один из руководителей бандитских шаек во время Карельской авантюры

В. Вяйнеменен из Тунгуды. Идейный вдохновитель и организатор бандитских шаек во время Карельской авантюры, прибывший в Карелию из Финляндии летом 1921 г.

Пекка Кнутинен из Ребольского района. Один из руководителей бандитских шаек во время Карельской авантюры. Был представителем бандитов при Финляндском правительстве в Гельсингфорсе

Поп благословляет „православное" Карельское кулачье на бандитские „подвиги". Молебен в Кимасозерском штабе бандитов

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ги десять километров, попасть в дер. Ройк-наволок. Эти десять километров мы прошли быстро и, попав на дорогу, встретили близстоящую красноармейскую часть. Красноармейцев, несколько суток блуждавших с нами по лесной тайге, влили в часть, а нам, местным крестьянам, дали лошадей, и мы поехали в г. Петрозаводск, откуда вернулись домой лишь после ликвидации бандитизма.

И. КОНСТАНТИНОВ

БАНДИТЫ В ЛУЖМЕ

ВЕСНОЮ 1921 ГОДА, ПОСЛЕ УХОДА БЕЛОФИННОВ из Ребол в связи с Юрьевским мирным договором, в волости начали возникать органы советской власти. Председателем совета в Лужме был выбран Лука Константинов, а в Туливарах — Вилле Черныев. Но, несмотря на то, что Реболы уже входили в состав советской территории, все же связь с Финляндией поддерживалась. И это делалось главным образом под маркой снабжения волости продовольствием, но при этом, конечно, проводился и шпионаж. В деревне Лужме Сергей Иванов и Тимофей Агафонов начали систематическую работу по подготовке войны с советской властью. Находившийся в деревне сотрудник особого отдела т. Сутинен и председатель сельсовета т. Константинов проводили твердую политику против агитации белых, получая от последних частые угрозы за такую деятельность.

15 ноября на деревню Лужму напала банда финских белогвардейцев и карельских кулаков. В то время в Лужме проживало два красных финна — т. Сутинен и т. Компонен.

При нападении белофиннов т. Сутинен заперся в своей квартире и начал отстреливаться. Но ему удалось только ранить одного белогвардейца в ногу и, как только патроны кончились, пришлось сдаться. Зато т. Компонену посчастливилось убежать от белых. При нападении на т. Сутинена белые выпустили свыше двухсот патронов, а также бросили ручную гранату в окно. Захватив наконец т. Сутинена, белые зверски его убили.

Во время нападения белых на Лужму председателя сельсовета т. Константинова не было дома: он отвозил красноармейцев в Лендеры. Белые организовали в деревне собрание, на котором принуждали мужчин взяться за оружие. Из Лужмы белые, в числе шестидесяти человек, направились для занятия дер. Туливары, где красных было всего семь человек. В ту же ночь белые арестовали еще Ритту Паасу и Лейнонена и расстреляли их на пути к дер. Туливары, дочиста при этом их ограбив. Учителя дер. Лужмы т. Петра Константинова белые также арестовали и стали принуждать его вступить к ним в банду.

Созданный из ребольских добровольцев отряд напал на дер. Туливары, вызвав среди белых такую панику, что они напоследок начали обстреливать своих же людей около так называемой Юнгской дамбы. Белофинны отступили обратно в Финляндию. В

ту же ночь выехало из Лужмы трое красных, в их числе председатель сельсовета т. Константинов. По пути они остановились ночевать в дер. Кипо около Лендер, так как там находились еще красноармейцы. Но ночью белофинны появились снова, окружили дер. Лендеры и арестовали находящихся там лужминских мужчин, из числа которых Луку Константинова расстреляли 12 декабря.

В бою у дер. Кипо было убито шестнадцать красноармейцев. Все похоронены в братской могиле в дер. Кипо.

Но недолго белофиннам пришлось хозяйничать в ребольских деревнях. Уже 14 декабря красные части прибыли из Лендер в Лужму, пробившись прямым путем через бездорожный лес при сорокаградусном морозе. Василий Иванов и Александр Лукин из дер. Кипо провели красноармейцев по этому трудному пути. 14 января 1922 года в 3 часа ночи красными была занята д. Лужма, и белофинны сбежали в Финляндию.

К. Р. РЕКИВ

„СВОЛОЧИ!.. МЯСНИКИ!"

6 НОЯБРЯ 1921 ГОДА В ЮШКОЗЕРО ПРИЕХАли из Кеми начальник вокнаволоцкой милиции И. Карпайнен и рабочий Рейникайнен, живший в Вок-наволоке. Они остановились на квартире у находившегося в это время в Юшкозере ученика педтехникума Пентикайнена с намерением в тот же день уехать в Ухту, но остались на торжественный вечер, устраиваемый в школе по случаю Октябрьской годовщины.

7 ноября вместе со мной пошли на вечер И. Карпайнен и Пентикайнен, а Рейникайнен остался спать в избе. После вечера мы все вместе возвращались домой. Я забежал несколько вперед, так как было холодно. Только что я пришел домой, как в избу ворвались бандиты с криком: «руки вверх!». Проснувшийся Рейникайнен схватил винтовку, но потом сдался в плен, подняв руки вверх.

В это время послышался залп около соседнего дома. Это бандиты стреляли в Карпайнена и Пентикайнена.

Карпайнен несколько раз выстрелил в бандитов из нагана, а Пентикайнен сразу же упал с ругательством: «Сволочи! Мясники!». Пуля пробила ему грудь.

Услышав стрельбу на улице, бандиты выскочили из избы и, захватив с собой Рейникайнена, побежали по направлению к школе. Увидав упавших на землю Карпайнена и Пентикайнена, бандиты топтали их ногами. Через некоторое время Карпайнен все же поднялся и прибежал ко мне с просьбой спрятать его, а потом незаметно вывести из деревни. Мы с матерью спрятали его в подпольи. На следующий день мы достали ему лыжи, чтобы ночью он мог уйти из деревни. Днем бандиты приходили два раза и требовали сказать, где скрывается Карпайнен, но мы решительно заявили, что не знаем о нем ничего.

Ночью Карпайнен не захотел бежать из деревни и просил скры-

вать его еще несколько времени. Мы спрятали его во дворе в картофельной яме, снабдив его пищей на несколько дней. На шестой день бандиты снова пришли к нам и потребовали выдачи Карпайнена, заявив, что он скрывается у нас в картофельной яме. Мы решительно отрицали это, за что моя мать была жестоко избита. Меня главарь бандитов приказал не трогать, обвиняя во всем мою мать. Затем бандиты пошли к яме и потребовали, чтобы Карпайнен вышел оттуда, обещая ему дать свободу. Только в полдень Карпайнен вышел из своего убежища с оружием в руках. Документы он зарыл в яме.

Местонахождение Карпайнена стало известно бандитам через соседей, которые видели, как мы его прятали.

Карпайнен был храбрый и решительный человек, но после той кошмарной ночи он, очевидно, потерял рассудок, отказавшись вовремя уйти из деревни, когда мы ему приготовили лыжи.

Задержанных товарищей бандиты расстреляли 11 ноября в двух километрах от Юшкозера. Меня с матерью арестовали, причем меня направили в Финляндию, а мать увели на расстрел в Кимасозеро.

„РАСКУСИЛИ... ДОВОЛЬНО!..“

В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ПЕРИОДА БАНДИТИЗМА дисциплина и боевая устойчивость в рядах белых стояли не на очень высоком уровне. Значительная часть бандитских сил состояла из насильно мобилизованного местного населения, и только небольшую часть бандитского войска составляли увлеченные разными красивыми обещаниями. Во главе бандитского движения стояла активная кулацкая верхушка, т. е. такие элементы, против которых еще в 1918—1920 гг. трудящиеся Карелии вместе с Красной армией активно боролись с целью выбросить их вон из Карелии. Боеспособных частей в составе бандитского войска было очень незначительное количество. Уже при начале боевых действий часть карел, обманным путем втянутых в бандитизм, становилась все более и более неблагонадежной, а впоследствии, когда в боевых успехах произошел крутой перелом в худшую сторону, количество разочаровавшихся в бандитах сильно возросло. Для всех становилось очевидным наступление краха авантюры. Среди отдельных бандитов было нежелание продолжать войну, участились случаи отказа выступать в бой, устраивались забастовки и т. п. Предоставим возможность рассказать обо всем этом самим карелам, участвовавшим в то время в рядах бандитов.

Артем Кимиляйнен из дер. Юшкозера рассказывает:

«В юшкозерском отряде было значительное количество недовольных. Еще в начале выступления, по прибытии бандитов в деревню Войньгу, среди них пошли разговоры довольно резкого характера, возникали группировки и даже заговаривали о необходимости перехода на сторону красных. В деревне Летнеконецкой нашли письмо, полученное от красных, в котором говорилось

о бесполезности борьбы бандитов и предлагалось всем насильно мобилизованным или обманным путем втянутым в бандитизм перейти на сторону красных. Пожелали переходить многие, но начальники усердно распространяли сведения, что красные, мол, замучили всех перешедших на их сторону белых. Поэтому и не смели переходить, хотя и на фронт не шли. Например, из дер. Войницы нам было приказано выступить в бой на Камен-наволок. Большинство не пожелало выступить против красных. Начальству об этом было известно. Офицер, состоявший начальником нашего отряда, с маузером в руке выступил перед строем и приказал всем нежелающим итти в бой выйти из строя. Приказу подчинились только 5 — 6 человек. Эти отъявленные бунтовщики и их приверженцы (их набралось всего двадцать два человека) были сразу же отделены от остального войска и оставлены в дер. Войнице для допроса».

Кемиляйнен далее рассказывает, как они выступили из дер. Войницы и, без остановки отступив до дер. Сопасалми, расчищали путь красным. Такое же настроение царило и в других частях белого войска. Панику усиливало еще и то, что старшие начальники обыкновенно в начале боя уходили в тыл и руководство боем оставляли в руках младших начальников. Такой случай был, например, в дер. Чолме, где белые располагали сравнительно большими силами.

Сражавшийся на стороне белых Богданов Юрий из дер. Кимасозера о бое под дер. Ругозером рассказывает:

«Нам приказали наступать по льду через открытое озеро. Сначала отказалась наступать одна рота, но в результате уговоров и другая рота вышла из подчинения. Утром финские офицеры построили роту и с оружием в руках принуждали нас выходить на озеро. Пошли в наступление, но, как только со стороны красных раздался первый выстрел, все в панике бросились обратно».

Дезертирство среди бандитов было очень большое, в особенности под конец авантюры. Когда для всех стал ясен результат бандитской авантюры и все поняли, кто такие — белые «соплеменники» и что они хотят угнать всех карел в Финляндию, началось неудержимое бегство из белых частей.

При власти белых в дер. Кондоке жил Михаил Саллинен, который рассказывает следующее:

«В конце авантюры белые бежали из Кондоки целыми партиями, особенно много уходило их из Ребольского района. Для задержания дезертиров выделялись часовые, но были случаи, что часовые не задерживали дезертиров, а уходили вместе с ними. Факты уничтожения белыми при своем отступлении жилых построек и убоя скота вызывали среди карельских крестьян все более нарастающее отвращение к финским белогвардейцам. Так, например, когда по прибытии в дер. Лонгу возник вопрос о выступлении на дер. Тирозеро, никто из нас туда не пошел».

Об этом же случае рассказывает и Кемиляйнен:

«В дер. Лонге недовольство среди бандитов вылилось в общий

отказ выступать в бой. Офицеры изо всех сил старались держать нас в руках и заставляли итти в бой. Все их старания оказались напрасными. Видя, что нет возможности заставить людей выступить, начали искать добровольцев, но и этот прием дал плачевный результат: добровольцев нашлось только три человека из дер. Юшкозера».

Степан Яковлев из дер. Тихтозера и Марк Саллинен из дер. Кондоки также указывают, что в дер. Тирозере было не менее ста человек бандитов, отказавшихся выступить в бой. Немедленно все они были разоружены, с отобранием лыж, и арестованными отправлены через границу в Финляндию. В виду отказа большого количества людей выступить в бой, в дер. Тирозеро создалась особенно тяжелая обстановка для белых.

Марк Саллинен и К. Хауринен рассказывают что и у них, в другой войсковой части, очень много людей отказалось выступить в бой, за что ослушники были также разоружены и арестованы и под конвоем использованы для рытья окопов в снегу, а потом отправлены в Финляндию.

О самом бое в дер. Тирозере Хауринен, сражавшийся в то время на стороне белых, рассказывает так:

«Утром 16-го числа находившиеся в окопах люди выбрали из своей среды делегацию в числе пятнадцати человек и направили ее в штаб к егерскому капитану Куйсма сообщить, что больше воевать никто не желает, и, если в тылу имеются еще охотники до войны, пусть немедленно же придут и займут фронт, так как через пятнадцать минут все находящиеся в окопах люди уйдут. Делегатам был дан наказ, в случае попыток со стороны начальства применить оружие, действовать оружием же. Но начальство боялось оказывать сопротивление, и только один егерский капитан Куйсма дал выстрел, не причинивший кому-либо вреда. Новых людей в окопы не пришло, так как началось спешное отступление бандитов к границе Финляндии. Пройдя десять километров, начальники бандитов вспомнили, что трупы убитых в бою егерей остались в деревне. Однако, не нашлось ни одного человека, пожелавшего итти забрать тела «героев». Капитан Куйсма злился, вероятно, из-за потери роскошных лесов Карелии, и все время стрелял из маузера в воздух, повторяя: «Жалкие трусы! Жалкие трусы!».

«На границе у всех у нас отняли оружие, оставив только одно старое ружье и к нему пять патронов на партию в десять человек. Никуда негодное оружие и немного патронов для вида были сданы финской пограничной охране для официальной регистрации, остальное же оружие неофициальным путем перевезли через границу».

МИККО САЛИНЕН

„ДА, ТОТ САМЫЙ"

ЛЕТОМ 1921 ГОДА ФИНСКИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ и карельские кулаки подготовлялись к активным действиям против советской власти. Организаторами контрреволюционного выступления являлись прибывшие из Финляндии кулаки, которые

еще раньше сбежали туда, а также финские белогвардейцы. В Кондоке часто можно было слышать о переходе через границу бандитских секретных агентов. Кондокские кулаки для получения инструкций нелегально посещали бандитские гнезда в окрестностях Тунгуды, в частности дер. Ногеус.

Военные силы советской власти в Кондоке в то время состояли из трех милиционеров, да кроме них еще было много надежных мужчин, имевших при себе оружие, в том числе два сотрудника особого пункта Олави Весала и Калле Виролайнен и учитель Юнтунен. Я со своим братом состоял в то время милиционером. В начале ноября, узнав о движении бандитов, мы решили оставить деревню, но, прежде чем это осуществить, захотели поздравить бандитов с прибытием. С этой целью мы собрали всех надежных вооруженных мужчин, объяснили им свое намерение и в ожидании бандитов установили в деревне сторожевые посты.

Однажды под утро, около 15 ноября (числа точно не помню), в Кондоки пришла бандитская группа под командой Алексея Васильевича Васкена, состоящая из семнадцати человек кулаков и зажиточных крестьян из дер. Лувозеро, Ногеус и Пиякен-ниеми. Бандиты захватили нас всех спящими в доме, за исключением учителя Юнтунена. В эту ночь каким-то образом посты остались не расставленными. Нас всех обезоружили, арестовали и посадили в баню Петрова. Не прошло и получаса времени, как в баню привели также учителя Юнтунена, который оказался уже зверски избитым. На голове у него зияли две раны, из которых текла кровь, а вся спина была избита до синяков. Мы старались помочь потерпевшему товарищу, но за неимением под руками перевязочного материала это плохо удавалось.

Днем бандиты допрашивали милиционеров и объявили им, что всякий, кто не присоединиться к бандитам, будет рассматриваться как их противник и будет убит.

Бандиты созвали в тот же день общее собрание деревни, на которое прибыли также Петров и Кархунен. Петрову удалось добиться слова. Он своим выступлением добился того, что вся деревня потребовала от бандитов — никого не убивать и арестованных освободить.

На следующий день бандиты повели арестованных Юнтунена, Весалу, Виролайнена и милиционера из Ногеуса в дер. Лувозеро и дорогой, в одиннадцати километрах от Кондоки, первых троих убили, оставив трупы их около деревни.

Перед освобожденными милиционерами и местными крестьянами бандиты поставили вопрос ребром: «Что вы думаете делать? Присоединитесь к белым, или нет? В последнем случае вы являетесь противниками, с которыми у нас разговоры коротки».

Чтобы остаться в живых, мы вынуждены были поступить на службу в бандитскую шайку в Кондоке. Начальником отряда был Лауканен. С этим отрядом мы сначала ходили на Вуокенсалми, затем двинулись в Лувозеро, откуда меня направили в Кимасозеро.

В Кимасозере я был вызван на допрос к самому главнокомандующему Илмаринену, так как меня все еще числили в списках не-

благонадежных. Вошел в кабинет главнокомандующего — и сразу мне вопрос:

«Это и есть сатана Саллинен?» — «Да, тот самый», — дал ответ.

«Не из тех ли ты Саллиненов, из которых происходит Костя Саллинен?» — задает мне Илмаринен второй вопрос.

«Из тех самых», — отвечаю я ему. Не знаю, чем кончился бы допрос в кабинете главнокомандующего, если б в комнату не вошел адъютант батальона из Кентозера, бандит Вяйзанен. Он оказался моим старым знакомым и поручился за меня, выразив надежду, что я перейду на их сторону. После этого Илмаринен сразу изменил тон допроса и стал предлагать мне должность командира. Предлагали сначала командование ротой — отказался. Вяйзанен снова спас меня из положения, обещав это дело устроить в Челмуже, где были передовые части. Но и там я долго отказывался от какого бы то ни было командования, даже от командования отделением, но в конце концов они настояли на своем и дали мне должность командира. Недоверие же ко мне у бандитов попрежнему оставалось. Куда бы я не пошел, как на передовых линиях, так и в тылу, меня всегда сопровождал надежный бандит.

В Челмуже было бандитов всего две тысячи человек. Большинство составляли карелы, но были и финские белогвардейцы, являвшиеся костяком бандитской армии. Командиром батальона был финский офицер. Однако эта армия была неспособна воевать. Еще до начала боев высшие офицеры удирали, оставляя командование в руках низших офицеров, и в конечном счете боями руководили командиры отделений.

Из Челмуж отступили в Лижму. На Кимасозеро отступать не представлялось возможным, так как последнее было уже занято отрядом красных курсантов-лыжников. Начиная с Челмуж началось непрерывное отступление. Бандитская армия была деморализована. Перебеги были обычным явлением. Боясь, что вся армия развалится, командование уже в дер. Пизмалакше отобрало от бойцов лыжи.

В Ухту бандиты направили особый отряд, которому дали задание — уничтожить все ценности, разворотить дома, испортить печки, разбить стекла и двери, забрать с собой в Финляндию скот, а которого не успеют эвакуировать — выпустить на волю.

В Вок-наволоке бандиты пытались укрепить позицию, но этого им не удалось сделать. Отступили в Поньгалакшу, но и отсюда пришлось быстро утекать, многие даже побросали свои сумки и другие вещи, чтобы было легче бежать. В Аконлакше бандиты снова пытались организовать сопротивление. Захватили в плен разведку красных в составе трех человек. Я случайно зашел в комнату, где только что прибывший из Финляндии офицер высокого чина допрашивал одного из пленных. На вопрос, сколько имеется красных, тот смело и гордо ответил: «На вас хватит». Как ни пытали пленного красноармейца, чтобы получить от него

более точные сведения о красных войсках, ничего из этого не выходило. Последствием было то, что при отступлении из деревни я видел труп этого красноармейца около обоза.

С Акондакши отступили на Лонгу. Оттуда предложили двинуться в Тийро, где шел бой. От исполнения этого приказа все отказались. В результате отряд весь обезоружили, отобрали у людей лыжи и другие вещи и всех их насильно привели в Финляндию, в село Суомуссалми. Выбраться из Финляндии оказалось не так-то легко. Правда, стариков начали отпускать, но молодых людей, а также людей средних лет, старались всеми мерами удержать на той стороне границы. Задержанных стали загонять в концентрационные лагеря в Кухмо, Каяне и других пунктах.

Среди карельских беженцев белофинны проводили «воспитательную» работу, стараясь приучить их к военной дисциплине. Все время говорили беженцам о предстоящих в ближайшее время новых боях. Распространяли всевозможные басни о происходящем якобы в Карелии терроре.

Несмотря на все эти старания белофиннов я решил попытать счастья и, в конце концов, получил от финских властей паспорт для следования обратно в Карелию. Карельские бандиты после этого старались еще задержать меня (в Вараеке было шесть вооруженных бандитов), предлагая мне остаться в Финляндии и поступить на работу в штаб или на какую-либо другую работу. Когда я наотрез отказался от их предложения, они угрожали задержать меня насильно. Однако на это смелости у них все же нехватило, и я смог вернуться обратно в разоренную бандитами Карелию.

ОТТО АРО

ПОСЛЕ СЕМИДНЕВНОГО БОЯ...

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ЯНВАРЯ 1922 ГОДА НАШ добровольческий лыжный отряд был закончен формированием, произвел погрузку в вагоны и двинулся на север. На ст. Лоухи мы должны были высадиться и начать движение через Кестеньгу к финской границе с задачей: выгнать обратно в свое «отечество» вторгшихся в Карелию белофинских бандитов.

Ехали по железной дороге чрезвычайно медленно. Паровоз через короткие промежутки времени приходилось ремонтировать. Кроме того мы часто занимались в пути заготовкой дров для паровоза.

Все же мы двигались вперед, а под конец так «разошлись», что проехали даже станцию назначения — Лоухи. Пришлось возвращаться обратно.

На ст. Лоухи мы быстро привели себя в порядок и в тот же вечер двинулись на Кестеньгу, куда с небольшими остановками прибыли без особых приключений и оттуда ускоренным темпом пошли опять вперед. Самочувствие у всех было превосходное.

Теперь нам стали уже встречаться следы боев. Около дороги

валялись трупы убитых лошадей, попадались оставленные бандитами окопы, а следы лыж указывали путь отступления бандитов. Было ясно, что в этих местах наши красные части сражались с бандитами.

Чем ближе мы подходили к границе, тем отчетливее было видно разрушение, произведенное бандитами. Дома стояли необитаемыми; разбито было все, что можно было разбить. Весь скот был угнан в Финляндию. Деревни осиротели. Изредка лишь можно было встретить какого-либо старика или старуху, которые не ушли в Финляндию потому, что их отсутствия бандиты не заметили.

В непосредственной близости от границы мы выслали вперед разведку. Приблизились к дер. Тиронваара на самой финской границе. Там укрепились бандиты. Это место было избрано ими для обороны потому, что деревня находится на высоком месте, окруженном открытыми и гладкими полями, а также безлесными болотами. Деревня, расположенная в двух километрах от Тиронваара, была бандитами сожжена, чтобы мы не имели где укрыться.

Как только наши разведчики приблизились к деревне Тиронваара, бандиты открыли по ним ружейный огонь. Мы поняли, что итти вперед без установления боевого порядка нельзя.

Наши разведчики действовали превосходно. Мы продвинулись вплотную к деревне и ожидали приказа начать наступление, как вдруг получили приказ отступать.

Нам казалось, что если бы мы в тот вечер произвели наступление, то Тиронваара была бы взята при сравнительно незначительных жертвах. Так это и было бы, если б в наступлении приняла участие 2-я рота, которая осталась в вышеупомянутой деревне, сожженной бандитами.

Итак, нам нужно было отступать, и мы это сделали без единой жертвы. Но теперь бандиты получили возможность укрепиться гораздо лучше. Они укрепили свои позиции всеми возможными способами, и когда на следующий день мы сделали попытку произвести новое наступление, — это не удалось. Мы вынуждены были отступить, и в наших рядах теперь уже были убитые и раненые. Между тем бандиты получили подкрепление и заняли свои позиции еще более твердо, чем раньше.

Таким образом наше положение значительно ухудшилось. Пехотные красноармейские части вначале не могли принимать участия в производимых нами наступлениях, так как они не умели ходить на лыжах, а снегу выпало много. Нам надо было проложить дорогу для пехотных частей.

Положение становилось неважным. Моральное состояние людей начало заметно падать, так как морозы были крепкие, а защиты от них у нас не было. Мы пробовали разводить огонь, чтобы обогреться, но бандиты всегда открывали стрельбу по огням, и их приходилось тушить. Даже портянок просушить было негде. Пища была тоже незавидная. В деревне, сожженной бандитами,

мы нашли в картофельных ямах небольшое количество картошки, которую по-братски разделили между собой, чтобы не грызть один сухой хлеб. Но и эта пища приходила к концу.

Однако оставить бандитов в деревне, а самим уйти с пустыми руками было тоже нельзя. Значит, нужно было наступать решительнее прежнего. В конце концов, после семидневного боя, бандиты были вынуждены отступить.

Этот бой дорого обошелся отряду. Против пятисот укрепившихся на горе бандитов боролась сотня красных бойцов. Было убито два красных командира и не менее четырех бойцов тяжело ранено. Одним из убитых был командир 2-й роты т. Еронен.

Наш отряд состоял из двух рот. Одной из них командовал т. Саари, другой — т. Еронен. Политкомом отряда был т. Пакаринен, а командиром — Карл Ниемеля. Хотя в бою под Тиронваара для нас были самые неблагоприятные условия и самая плохая погода, не говоря уже об отсутствии снабжения, бандиты все-таки были выбиты из деревни.

Этого мы достигли настойчивостью и храбростью красных бойцов.

И. МЕККИНЕН

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО!

НА ФРОНТЕ НЕРЕДКО НАБЛЮДАЕТСЯ У БОЙцов нарушение душевного равновесия, выражающееся в том, что бойцу вдруг начинает казаться, что в предстоящем сражении он непременно будет убит. И, действительно, смотришь — его убивает вражеская пуля. Мне нередко приходилось быть свидетелем подобных фактов. Кто-нибудь из товарищей скажет вполне уверенно и спокойно: «это — мой последний день, завтрашнего дня мне не увидеть», или: «последний обед закончен» и т. д. Последствием этого является то, что боец, предрасполагая себя к смерти, не соблюдает необходимых мер самоохраны и таким образом умирает от собственной неосторожности.

Зимою 1922 года у меня было такое же душевное расстройство, если так можно назвать подобное самочувствие. Оно явилось результатом шестидневных боев без отдыха, при плохом питании и январских морозах в лесу. За все это время — разведки, сражения без определенного исхода и только двухчасовой отдых в сутки в лесу у костров. Все это, конечно, ослабляло человека. В итоге произошло следующее.

Утром, на шестой день сражения, находясь у костра, я сказал своему товарищу, отпив кипяченой воды: «Это был мой последний чай». Я был уверен, что меня убьют во время предстоящего боя. Но что же случилось?

Столкнулись с лахтарями, был на разведке, попал в защиту фланга и кроме того получил еще и другие задания.

Все это выполнялось мною под градом пуль. Я не охранял себя, но случайно ни одна пуля не попала в меня. Работы хватило на целый день. Устал. Наконец дано разрешение итти отдыхать на переднюю линию. Но и там нашлась работа. Один товарищ получил задание найти удобный наблюдательный пост и оттуда давать указания, куда направлять огонь артиллерии, который до сих пор не имел успеха в виду того, что был направлен на возвышенность и из-за нее трудно было видеть расположение противника. Но товарищ этот заболел, и поэтому я взялся за порученное ему дело; к тому же я, как бывший артиллерист батареи 6-го полка, имел некоторый опыт в этом отношении. На помощь мне дали товарища Х., и мы приступили с ним к делу. Я сидел на большой ели, шагах в ста от неприятельских окопов. На ель мне удалось взобраться так, что лахтари этого совсем не заметили. Карабкаясь на ель, я не уронил ни одного комка снега с веток. Все их расположение я видел под собой, как на ладони, слышал их разговор. Они говорили по-фински. Видел офицера, хотелось выстрелить, но ружье осталось внизу под елью. Вспомнил свое задание, дал знак т. Х., он передал его дальше по цепи, и оттуда сообщение передавалось батарее.

Раздался выстрел, и снаряд со свистом пролетел над моей головой за деревню. Сообщил свое наблюдение т. Х. Лахтари, вероятно, заметили что-либо и открыли по нам огонь. Пули ложились подо мною. Ложись они чуть выше еще — и выпитый чай был бы действительно последним. Вспомнил это. Еще минуточку бы, чтобы выполнить данное поручение!

Раздался второй выстрел. Снаряд завыл чуть ниже первого и разорвался между деревней и окопами. В деревне начался переполох. Заметил на крыше одного дома флаг. Туда надо направить огонь, там — сердце лахтарей. Передал наблюдение. Ответа не было. Думал: «т. Х., вероятно, убит или ранен. Но он не трус. Что делать? Как передать сообщение цепи и батарее. Неужели теперь, когда так близка цель, мы потеряли ее? Нет, не потеряем. У меня сильный голос, возможно, что он будет услышан в цепи». Дал волю своему голосу — и он был услышан. Передал сообщение. Но его услышали также лахтари. Но что же из этого? Уже не считался ни с чем. Задание выполнено, последний чай выпит...

Пули выли и визжали кругом, осыпая глаза древесной корой, и щелкали, дырявя мой белый балахон. Прижался ближе к дереву, которое у вершины было не особенно толстое.

Инстинкт самозащиты победил душевное расстройство. Ствол дерева дал достаточно защиты на то время, чтобы я успел увидеть взрыв третьего снаряда. Следующие снаряды уже сделали свое дело...

Лежал под елью. Скользил, вероятно, по веткам вниз и упал, зарывшись глубоко в снег. Сегодняшний чай под Тийроваара (но не чай вообще) для меня был действительно последним: лахтари и вместе с ними последние белобандиты отступили за границу. Карелия стала свободной от своих белых угнетателей.

„С ОКОННОЙ РАМОЙ НА ШЕЕ В „ВЕЛИКУЮ ФИНЛЯНДИЮ"

В 1920 ГОДУ, КОГДА ФИНСКИЕ БЕЛОБАНДИТЫ с целью создания «великой» Финляндии шатались по Карелии, теперешний Ухтинский район был в руках бандитов. Весною 1920 года Красная армия начала свое наступление с задачей изгнания бандитов из Карелии. Тогда бандиты с карельскими кулаками стали организовывать крестьян против Красной армии. Для этого пускали в ход всякую провокацию, но несмотря ни на что ладвозерские и каменнозерские крестьяне не пожелали бороться против Красной армии. К бандитам не захотели примкнуть потому, что хорошо помнили их террористическую деятельность в 1918 году.

Когда позиция бандитов стала довольно шаткой, то они прислали из Ухты кулаков с целью склонить деревенских мужиков взяться за оружие. В задачу ухтинских агентов входило также отобрать оставшееся от англичан оружие. Но не нашлось ни одного добровольца в ряды бандитской армии, а объявить мобилизацию бандиты не смели. По отступлении бандитов сторонники Советов сразу же завязали связь между деревнями, чтобы решить, что делать, ко мне прибыл связист Иро Петрунен с запиской от Григория Лесоева, в которой последний изъявлял желание бороться против белобандитов и спрашивал нашего мнения.

Сразу же, по получении письма от каменнозерских мужиков, приступили к действиям и ладвозерские мужики. Провели общее собрание и завязали связь с красными частями, взяв на себя задачу донесения им о позиции белых и о положении взятых белыми деревень. Первым эстафетчиком к красным пошел Карху Туомас, который уже в 1918 году бандитами был присужден к расстрелу, и вторым — Петтрунен Микко. Через несколько дней они возвратились с известием, что деревня Войница присоединилась к красным и выбрала людей для отправки с известиями в другие деревни.

Вечером 12 июля из деревни Суднозера прибыло два человека с известием, что Суднозеро также примкнуло к красным и мужики этой деревни завтра прибудут в Каменозеро, что бандиты стали отступать из Ухты и пойдут в Каменнозеро, где у них находятся склады, и здесь необходимо прервать путь отступления бандитов. Эстафетчики принесли с собой также прокламиции, в которых заверяли нас, что связь с красными частями уже достигнута.

Сразу созвали собрание в одном из хуторских домов и стали обсуждать свои мероприятия. Только что начали собрание, вошел посыльный от бандитов, всем известный Репо Тими из Кентозера. Возник вопрос, что с ним делать. Молодые предлагали отобрать

оружие, а самого — в кусты, старики же придерживались того мнения, что следует отпустить его совершенно. Собрание решило немедленно же выступить и нанести удар бандитам. Так собралось нас тридцать человек, но еще нехватало для всех оружия.

Я попал в разведывательную группу. Пунктом сбора был назначен хутор Илвесваара, находящийся в трех километрах от Каменнозера. Прибыли в Илвесваару, но дома никого не оказалось, кроме хозяина. Разведывали о положении. Хозяин объявил, что люди находятся в лесу, а бандиты в деревне, и пошел звать людей, которые пришли в одно время с главным отрядом, прибывшим из Ладвозера. Люди из Суднозера тоже были на месте, не явились только люди из Войницы.

Провели собрание и выбрали начальников отряда. Начальником был выбран Куусиниеми Иван и помощником ему — Лесоев Григорий. Для захвата деревни Каменнозера решили выйти сразу же. Численность отряда была около пятидесяти человек. Приблизились к деревне и у изгороди заняли оборонительные позиции. Из деревни прибыли два человека и стали беседовать с начальниками. Начальники отложили наступление до ночи, так как по улице ходили женщины и дети и при наступлении могло погибнуть много невиных людей. Отряд отступил назад в Илвесваару.

В Илвесвааре пробыли два часа, как вдруг из деревни пришли две женщины с известием, что бандиты арестовали двух мужчин и повели их в Вок-наволок. Сейчас же был дан приказ взяться за оружие и начать наступление на деревню. Девять человек направил на главную дорогу, ведущую в Вок-наволок, с заданием освободить арестованных и захватить конвоиров.

Известие об арестованных и их конвоирах оказалось неправильным, и люди вернулись ни с чем назад, в Илвесваару. Я пошел с донесением по этому поводу к наступающему на Каменнозеро отряду. Только успел пройти некоторое расстояние, как у дороги раздался выстрел. Отскочив шаг в сторону, я очутился перед дулом маузера. Успел все же ухватиться за него, и тут началась борьба, окончившаяся тем, что я сумел овладеть винтовкой и уже для бандита наступила очередь удирать в лес.

Через некоторое время прекратилась стрельба, и на другой стороне дороги я догнал свой отряд, имея теперь хорошую винтовку (до этого у меня была винтовка с укороченным стволом, из-за чего она очень скверно била). Оказалось, что когда наши ребята атаковали деревню, то на дороге попались бандиты, уходящие из Каменнозера. Завязался бой, в котором пало два бандита.

Вернулись обратно в Илвесваару и остановились было в избе, как вдруг с криком прибегает наш парень и сообщает, что противник стреляет из пулемета. Действительно, послышались частые выстрелы из пулемета. Создалась паника, все выскочили из избы, кто как мог. Григорий Лесоев пытался остановить бегущих, но безрезультатно. Выяснилось, что стреляют за два километра и пулемет установлен на Пахкомаваара, куда бандиты произвели атаку. Численность бандитов была около восьмидесяти пяти чело-

век и с ними все Ухтинское правительство. Лесоев пошел в Пахкомваара с десятью бойцами.

В это время в Илвесваара прибыл отряд партизан из Войниц под командой Григория Богданова и с ними бо́льшая часть нашего разбежавшегося отряда. Бандиты в ту же ночь отступили из Пахкомаваара в Каменнозеро.

Начальниками отряда стали теперь Григорий Лесоев и Григорий Богданов. Они говорили отряду, что нужно захватить Каменнозеро, и если кто боится, то пусть останется здесь. Начали наступление на деревню. Атака происходила с трех сторон одновременно. Деревню заняли, и бандиты сломя голову бежали из деревни, — так, например, «судья» выскочил из окна и, с оконной рамой на шее, побежал дальше, освободившись от такой «трофейной» ноши только по ту сторону границы, так как последующие тщательные поиски рамы на этой стороне границы не увенчались успехом. Бой продолжался всего-навсего три часа. Бандиты бежали в ужасе, оставляя в наших руках все склады. Численностью наш отряд был в семьдесят человек.

По занятии деревни наши командиры позвонили по телефону в штаб бандитов, находящийся в Вок-наволоке. Там догадались, что у телефона — не их люди, и в тот же день оставили деревню.

В Вок-наволок пошла наша разведка, которая прибыла в деревню одновременно с разведкой 6-го финского полка. Оттуда прислали нам подкрепление, и наш отряд был назначен в охранение. Через несколько дней прибыла к нам красная разведка в пять человек и среди них Вилле Миттоев, которого знают под именем Теппи Вилле. По истечении еще нескольких дней к нам в охранение прибыла рота, и тогда войницкие все ушли, принимая после участие в боях на северном фронте. Ладвозерские и каменозерские партизаны остались в помощь прибывшей в охранение роте; остались также восемь человек наших ребят, которые использовались ротой в разведке.

К. ИГНАТЬЕВ

ЗВЕРСКАЯ РАСПРАВА КУЛАКА ПОПОВА

С 1918 ПО 1922 ГОД В ГЛУХИХ УГОЛКАХ КАРЕЛИИ погибло много красных героев. Они погибли не только в открытых боях за свободу Карелии, но также и от рук разъяренных кулаков, случайно попав в плен.

Здесь я хочу рассказать об одном случае расправы с красными бойцами, происшедшем в 1920 году в дер. Ювалакша Ухтинской волости.

В 1920 году на финской границе около Куусамо начала организоваться шайка бандитов из карельского кулачества и их наемников. Были там частью, и люди обманутые кулаками. Шайка имела целью овладеть Ухтой.

В Ухте в это время находилась часть красноармейцев 6-го финского полка. В окружающих деревнях также было спокойно.

Красноармейцы ходили по деревням, знакомились с населением, покупали или чаще обменивали на махорку рыбу, молоко, картошку.

Так это было и в июле месяце 1920 года, когда в дер. Ювалакшу пришли четыре красноармейца купить картошки, молока и рыбы. Они и не подозревали о грозящей им опасности.

А случилось вот что:

В деревне самым крупным кулаком был Попов Алексей, имевший раньше торговлю в Куопио (Финляндия) и в Ювалакше и расширивший свой земельный надел до огромных размеров путем ограбления местных крестьян. Вот он-то и организовал предательское убийство этих четырех красноармейцев, набрав шайку убийц под флагом борьбы за освобождение Карелии от красных и снабдив эту шайку различным оружием (берданки, дробовики и т. п.). Этой шайке он приказал уничтожить зашедших в деревню красноармейцев.

Когда красноармейцы возвращались в Ухту, убийцы напали на них в полукилометре от деревни. Два красноармейца были убиты, а два, благодаря своей смелости и находчивости, вырвались из рук этой шайки.

Так погибли от руки кулацких наемников два красных бойца, которые теперь покоятся в могиле около Ухтинского рабоче-крестьянского клуба.

Не прошло и полусуток, как кулак Попов вместе со своей шайкой «освободителей» был ликвидирован, получив по заслугам.

Однако случаи таких предательских убийств продолжались. Осенью 1921 года, например, в Кондоке был убит т. Саллинен. Можно насчитать еще десятки таких же кулацких расправ над красноармейцами. Жертвы этих расправ похоронены на братском кладбище в Ухте.

В то время мне было только четырнадцать лет, но, когда я смотрел на трупы истерзанных и замученных борцов за свободу трудящихся Карелии, во мне росла глубокая ненависть к убийцам.

ЛЕСОРУБЫ ВОССТАЛИ

ПОД ЭТИМ ИМЕНЕМ СЛЫВЕТ ВОССТАНИЕ ЛЕСНЫХ рабочих крайнего севера Финляндии в 1922 году.

Восстав против власти лахтарей и лесных баронов, лесорубы сменили топор на ружье и, вынужденные обстоятельствами, перешли затем на территорию рабоче-крестьянской власти.

Это восстание имело свои корни в нищенском существовании рабочих крайнего севера, в безработице и голоде. Оно было восстанием голодающих, но в то же время с самого начала было направлено против грабительской войны лахтарей с Советской Карелией. Поэтому восстание лесорубов и превратилось в восстание за Красную Карелию.

Восстание вспыхнуло в лесах крайнего Севера изолированно, не распространившись вширь, но все же это был удар по лахтарям. Оно явилось первым выступлением после классовых боев

1918 года, когда рабочий взялся за оружие в защиту своего класса и против власти лахтарей и грабителей. И хотя это движение было местным явлением, но все же ему необходимо уделить место в истории классовой борьбы. Это был один из опытов революционной борьбы со стороны рабочего класса.

На основании воспоминаний отдельных товарищей, участвовавших в востании, коротко скажем о его развитии.

Наступила осень 1921 года. В лесах крайнего Севера были обычные зимние работы, и рабочие собрались в лесные избушки. Собрались со всех частей Финляндии для продажи своего труда капиталистам. Лесных работ было по сравнению с предложением рабочей силы недостаточно, поэтому акционерному обществу было легко снижать зарплату на низкий уровень. Так работали на голодных заработках. Недовольство и желание борьбы возрастало.

Появились слухи о грабительской экспедиции финских палачей в Карелию. Это привело к пробуждению умов у северных рабочих. С напряжением следили за газетными сообщениями и сообщениями ходоков и вечерами при огне очагов обсуждали новости дня.

Вообще были склонны верить, что вспыхнула война между Финляндией и Советской Россией. Так прошло несколько недель, и внешне ничего особого не произошло. Но сознательные товарищи работали. Пошла молва о приобретении оружия. Переживали напряженное состояние. Ожиданием наполнился воздух. Каждый понимал, что что-то должно произойти. Мысли горели в желании борьбы, и, наконец, в последних числах января — взорвалось. На самом большом заводе местности, на заводе «Вяррио», началось движение. Бо́льшая часть рабочих получила работу. Рабочие взяли власть в свои руки. Склады акционерного общества были конфискованы, лесные господа разоружены. Охрану организовали по-военному. После этого сразу же созвали общее собрание для разбора вопросов о труде. Лыжники помчались извещать о созыве спешного собрания. Около избушки Рюнки собрались все мужчины, некоторые недоумевали, увидев вооруженных товарищей хозяевами, а прежних надсмотрщиков арестованными. Но скоро и для них положение разъяснилось.

Собрание было короткое. Два товарища быстро проинформировали о положении вещей, объявив в заключение, что те товарищи, которые добровольно хотят объединиться в отряд, могут записаться сразу же здесь, в избушке.

В действующий отряд записалось двести пятьдесят человек. В то же время заставили работавшего в акционерном обществе кассира дать всем рабочим расчет.

Когда все неотложные организационные вопросы были разрешены, движение расширилось. Головная колонна двигалась организованным демонстративным маршем по маршруту Мартикюля — Савикоски — Катала — Солла. Небольшой передовой отряд направился на лыжах прямо в Катала. Сначала было предположено

продвинуться в Кийсамо, действовать там против палачей и перейти через границу. Но затем отказались от этой мысли и прошли через Курти. Ловили по дороге лесных господ, офицеров и пограничников и разоружали их. Всю деятельность осуществляли организованно и дисциплинированно. Напрасного шума не было. Насильственных действий не производили за исключением тех случаев, когда это было необходимо. Бесчинств не было. С местными жителями обращались хорошо. Избушкам провозглашали мир, но находившиеся в руках богатых капиталистических акционерных обществ пищевые продукты конфисковали и делили между нуждающимися. Вся деятельность восставших происходила быстро и организованно. Во главе движения стояли сознательные революционные товарищи. Вообще это восстание можно ставить в пример для всех трудящихся, поднимающихся на борьбу со своими угнетателями.

В дер. Солла пробыли пять часов, откуда двинулись дальше в путь утром 6 февраля. Теперь уже отряд состоял из трехсот сорока человек (в том числе женщины с детьми). С собою было забрано семьдесят лошадей. Через Куолаярви и Курти демонстрация шла в дер. Канана и таким образом 8 февраля уже находилась на земле рабочей власти. Из Канана пошли вперед и попали в Княжью губу 12 февраля. У отряда было бодрое настроение. Все понимали, что цепи капиталистических грабителей разбиты.

Большинство мужчин пошло в ряды Красной армии и объявило желание немедленно итти на борьбу против палачей. В ожидании приказа итти в бой начали проводить регулярные военные занятия. Бо́льшая часть отряда продолжала служить в Красной армии, а кто постарше и семейные — остались в Карелии строить хозяйство и власть рабочих. Так в общих чертах происходили те события, которые изменили жизнь лесных рабочих, участников ляски-капина.

Размахивавшая топором рука лесоруба взяла винтовку, сознательно подготовляясь к продолжительной борьбе, которую рабочий класс будет вести до победного конца.

ЖЕРТВЫ БЕЛОГО ТЕРРОРА

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ АНОХИН

ервые годы существования советской власти в Карельско-Олонецком крае тесно связаны с именем Петра Федоровича Анохина, рабочего Петрозаводской типографии.

Погибший на революционном посту (на Дальнем Востоке в 1922 г.), т. Анохин был в трудные годы гражданской войны председателем Олонецкого губисполкома и губернского Военно-революционного комитета. С апреля 1918 года и по май 1921 года Петр Федорович без отдыха и передышки нес эту тяжелую ношу, возложенную на него революцией.

П. Ф. Анохин — старый революционный работник. За свою подпольную революционную деятельность он попал в 1908 г. в тюрьму, был судим военно-окружным судом и сослан на каторгу. Он проходит Шлиссельбургскую крепость, затем Сибирь, где получает лучшее воспитание в среде борцов-революционеров, и выходит в 1917 году вполне подготовленный к новой революционной работе. Он возвращается в Петрозаводск и энергично берется за работу.

Хороший организатор, прекраснейший оратор, Петр Федорович в течение двух-трех месяцев завоевывает себе симпатии рабоче-крестьянской массы и вскоре выдвигается на пост предгубисполкома.

И здесь, в Петрозаводске, проходила вся его работа. Чуждый всякого бюрократизма, он не знает никаких приемных часов, а принимает рабочих и крестьян круглые сутки и не только в кабинете, но и у себя дома. Трудящиеся видят в нем своего человека. Рабочие Петрозаводска обычно говорили о нем: «наш Анохин».

П. Ф. любили и уважали не только рабочие, но и крестьяне. На всех губернских съездах он был в президиуме съезда, а затем единогласно переизбирался в Губисполком. Всегда хладнокровный и внимательный ко всем вопросам, он не торопился высказывать свое мнение, но зато, выслушав все стороны, он делал заключение, с которым почти всегда соглашались все присутствующие.

Во время военных событий достаточно было т. Анохину выступить с призывом, как сейчас же находились добровольцы, готовые погибнуть за дело революции. Он сам в эти минуты был на своем боевом посту: никакой паники, ни растерянности, а всесторонний учет обстановки, хладнокровие и распорядительность. Когда летом 1919 г. белые наступали на Петрозаводск и члены Губисполкома, выжидая исхода боя у Сулаж-горы, собрались в нынешнем помещении КарЦИКа, т. Анохин шуточками и рассказами подымал настроение и бодрость товарищей.

Тов. Анохин пользовался большим авторитетом в партии и неоднократно избирался делегатом на Всероссийские съезды партии. В 1921 г. он был членом ВЦИК от Олонецкой губернии и по своему настойчивому желанию перевелся на работу в Дальне-Восточную республику, где и погиб от пули бандитов. Погиб, но память о нем как первом советском председателе из рабочих будет неизгладима в сердцах трудящихся Карелии.

Одна из улиц Карельской столицы — Петрозаводска — и типография, в которой он работал, носят имя П. Ф. Анохина.

ЖЕРТВЫ БАНДИТИЗМА В РЕБОЛАХ

ПО НЕПОЛНЫМ ДАННЫМ, СОБРАННЫМ ИЗ различных источников, на территории бывш. Ребольской волости при бандитизме осенью 1921 года были убиты следующие товарищи:

1. *Ригоева Клавдия*, — была убита в дер. Короппиозеро еще в сентябре месяце. Она была первой жертвой бандитов. Ее убийцы-бандиты старались через финские белогвардейские газеты, а также на месте, среди населения, распустить провокационные слухи, будто убийство это совершено коммунистами, однако попытка эта им не удалась.

2. *Пянтоев Александр,* — был арестован в Емельяновке и сведен в Конец-остров, где и расстрелян бандитами.

3. *Никитин Иван,* — крестьянин дер. Савастьян-наволок. После ареста бандиты его привели в Емельяновку, где и расстреляли на берегу реки, а труп расстрелянного бросили в пороги. Никитина бандиты расстреляли за то, что он по уполномочию волисполкома разъезжал по деревням и собирал средства в помощь голодающим Поволжья. Покойный был верующим человеком и средства для голодающих собирал по религиозным убеждениям. Попав в руки бандитов, он просил пощады, но безрезультатно. Белобандиты сделали свое гнусное дело и труп бросили в пороги.

4. *Ярвилайнен,* — был председателем Кимоварского сельсовета, расстрелян в Кимоварах. Характерно отметить, что бандиты послали арестовать Ярвилайнена команду в составе больше десяти человек.

5. *Суонтууста,* — получив ранение в бою, попал в руки бандитов. Его расстреливали два раза, пока не удалось, наконец, убить. Два раза т. Суонтууста, истекая кровью, заползал в дом. В шубе т. Суонтууста обнаружено тридцать прострелов и штыковых проколов.

6. В Кибош-наволоке в одном из домов остался на печке раненый красноармеец. Он скрывался здесь два дня, пока белые хулиганы не узнали о его существовании. Несмотря на сопротивление хозяев, раненый красноармеец был все же убит.

7. *Турунен Хильда,* — была убита на льду озера между деревнями Лувот-островом и Лендерами.

8, 9. В Туливарах были убиты два красноармейца, попавшие в плен к бандитам.

10, 11. В Ровкулу бандиты захватили трех красноармейцев; двоих из них убили, третьему удалось убежать.

12, 13. Крестьянин дер. Кимовары, Кузьмин Егор, привел к себе двух красноармейцев, уверяя, что они — в полной безопасности. Но с лесной избушки Ряхярвен-вуара, где был центр бандитов, прибыли четыре финна и один карел, захватили красноармейцев, заставили их босиком пройти пять километров до Ряхярвен-вуара и там зверски убили. Несчастных сначала били по голове маузерами, а после того стали колоть штыками. Крики и стоны истязуемых доносились до самой деревни.

14. *Сутинен,* сотрудник особого пункта, — убит в деревне Лужме; бандитам удалось его захватить лишь после долгого и упорного сопротивления.

15. *Паасу Риита,* — убита в Туливарах.

16. *Лехто,* учитель, — расстрелян в Реболах.

17. *Константинов Лука,* председатель Лужминского сельсовета, — расстрелян в Кибош-наволоке.

18. *Лейнонен,* — убит в Туливарах; бандиты отрубили ему голову топором.

19. *Арпела,* учитель дер. Емельяновки, — убит вместе с Пянтоевым Александром в Конце-острове.

20. *Кокконен,* красный командир из рабочих, — попал в

руки бандитов после ранения в бою под Туливарами и был ими сразу же расстрелян.

21. Батрак лендерского кулака Геттоева (фамилия не выяснена), — убит в дер. Колвасозеро при сопровождении в Финляндию.

22—31. При отступлении красных из Ребол десять человек связистов были отрезаны от отступающих частей. Выждав момент, они двинулись по лесу, успешно обошли дер. Кимовары, но при обходе дер. Сулой и Ловут-островов попали в плен и при сопровождении из Лендер в Финляндию дорогой расстреляны в лесу бандитами.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕРВОЙ ВСЕКАРЕЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЗАСЛУШАВ ДОКЛАДЫ ОБ ОРГАнизации Красной гвардии, Красной армии в бывшей Олонецкой губернии, о задачах обороны СССР в настоящий период, и содоклады отдельных отрядов партизан, оперировавших на территории АКССР в период 1918—20 гг., Конференция красных партизан, совместно с красногвардейцами и красноармейцами-фронтовиками — участниками гражданской войны, отмечает, что, несмотря на невероятно тяжелые условия борьбы, отсутствие связи между отрядами и руководящим центром, партизанские отряды и партизанское движение в тылу противника имели громадное значение в деле ликвидации контрреволюции, организации отпора со стороны Советов против единого фронта капиталистов, в деле освобождения Карелии и Мурманского края от оккупантов — англо-французских войск. При активном участии трудящихся Карелии, под правильным руководством ленинской партии, совместно с рабоче-крестьянской Красной армией партизанские отряды сумели отбить последующие попытки белой Финляндии (1921 г.) захватить Карелию, обеспечить мирное строительство и хозяйственное развитие молодой Советской Карелии, достижения которой к десятилетнему юбилею являются огромными.

Конференция с особым удовлетворением отмечает грандиоз-

ные достижения советской власти в области хозяйственного и культурного строительства и полностью одобряет принятые партией решения по линии дальнейшего строительства социализма СССР. Красные партизаны заявляют, что они в этой великой стройке на своих постах примут активнейшее участие, ставя задачей осуществление пятилетки в четыре года.

Приветствуя решения ленинской партии и Коминтерна — организации мирового пролетариата, трудящихся всех стран на борьбу с капиталом за всемирную революцию и республику труда, — конференция считает единственно правильным определение XVI Съезда ленинской партии, характеризующее современное положение капиталистического мира как переломный период, который знаменует активизацию наступления капиталистов всех стран против рабочего класса, против единственной в мире республики Советов. Эта активизация выражается в росте фашизма во всех странах и, в первую очередь, особенно в активности окружающих СССР государств (Финляндия, Польша, Румыния и др.), в подготовке войны против СССР, в изыскании все новых и новых открытий техники войны для более эффективного массового убийства трудящихся.

Среди всех этих капиталистических стран фашистская Финляндия является одной из первых, готовящихся против СССР.

Конференция обращается ко всем трудящимся Карелии — организовать отпор новым попыткам белогвардейщины укреплением работы советов и общественной организацией обороны страны. Со своей стороны Конференция заявляет, что она, как один человек, по первому зову партии и советской власти готова организованно выступить с оружием в руках против всех попыток нарушить мирный труд растущей Карелии.

Конференция шлет горячий привет зарубежным товарищам в белой Финляндии, стойко и бодро выдерживающим натиск фашистских бандитов в борьбе за пролетарскую революцию, за Советскую Финляндию. В целях дальнейшего укрепления достижений хозяйственного строительства в АКССР и обороноспособности СССР против подготовляющегося наступления мирового капитала, конференция считает необходимым:

1. Усилить работу и расширить организацию на местах кружков Осоавиахима и РОКК, обеспечить их работу необходимым руководством и пособиями, признать необходимым участие в этих кружках всех бывших красных партизан и участников гражданской войны.

Конференция обращается с призывом ко всем указанным товарищам вступить в кружки обороны, вовлекая в них трудящееся население, оказывая помощь в работе по ликвидации военной неграмотности среди всех трудящихся Карелии и, в первую очередь, среди бывших партизан и участников гражданской войны.

Конференция просит Территориальное управление принять меры к организации переподготовки и подготовки бывших красных партизан и участников войны на добровольных началах.

Конференция считает необходимым просить центральные ор-

ганы изучить опыты операций партизанских отрядов в период 1918—20 гг. и на основе этого дать соответствующие руководящие указания руководителям кружков обороны на местах.

2. Просить профессиональные, хозяйственные и советские организации Карелии максимально вовлечь в хозяйственную работу бывших красных партизан и фронтовиков гражданской войны, выдвигая более способных на руководящую работу. Одновременно усилить организацию колхозов среди партизан, оказывая им максимальную хозяйственную и организационную помощь.

3. Конференция просит Каробком ВКП(б) и КарЦИК отметить партизанское движение Карелии в предполагаемом издании сборника, а также память отдельных партизан, павших в борьбе с контрреволюцией. Конференция просит всех участников и не участвующих на настоящей конференции красных партизан и активных участников гражданской войны поделиться своими воспоминаниями, сведениями и сообщениями о периоде борьбы 1918—20 годов, представив таковые со всеми материалами, фотографиями и проч. в Петрозаводск, в адрес Теруправления.

4. Просить КарЦИК дать директиву местным советам о точном и своевременном проведении в жизнь директивы о льготах бывшим красным партизанам и красногвардейцам.

5. Конференция считает необходимым просить Карельский ЦИК обязать местные советы принять необходимые срочные меры к восстановлению братских могил и их охране в будущем.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛО-МУРМАНСКОМ КРАЕ

(БИБЛИОГРАФИЯ)

ОТ РЕДАКЦИИ

НАСТОЯЩИЙ УКАЗАТЕЛЬ—ПЕРВАЯ попытка библиографирования литературы об интервенции и гражданской войне в Карело-Мурманском крае. Само собой разумеется, как первая попытка, она не может претендовать на исчерпывающую полноту всего того, что было написано по этому вопросу. Для этого редакция не располагала ни достаточным сроком ни достаточными источниками для библиографического указателя. Указатель включает в себя только небольшую частицу огромной литературы, уже накопившейся об интервенции и гражданской войне в нашем крае.

Не являясь значительным по своему охвату, этот указатель тем не менее должен достигнуть поставленной цели: приблизить к широким читательским массам основную литературу о гражданской войне и интервенции в Карело-Мурманском крае в связи с огромным интересом к изучению истории и опыта гражданской войны, охватившим за последнее время рабоче-крестьянские массы нашего Союза.

Редакция считает нужным сделать существенное замечание, что в целом ряде приведенных в указателе работ авторы дают совершенно неправильное освещение совершившимся событиям.

Секцией изучения истории революционного движения Карельского научно-исследовательского института будет специально издана полная библиография с критическим разбором всей литературы по интервенции и гражданской войне в Карело-Мурманском крае, включая и приводимый здесь указатель.

ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛО-МУРМАНСКОМ КРАЕ

(Общие очерки интервенции и гражданской войны, очерки отдельных эпизодов, организация Красной армии, обзоры военных действий, борьба на отдельных участках, бело-финская авантюра, зверства интервентов и белогвардейцев, воспоминания участников гражданской войны).

Анишиев Ан. Очерки истории гражданской войны 1917—1920 гг. ГИЗ. Л. 1925, 288 стр.

Антикайнен Тойво. За Советскую Карелию. Воспоминания участников гражданской войны в Карелии в течение 1918—22 гг. (на финском языке). При участи Э. Гюллинга, Матсона и др.

Архипов Н. Красные партизаны Карелии (Воспоминания о борьбе 1918—1920 гг.). «Кр. Кар.», 1929, № 43.

Архипов Н. Памяти погибших героев. К пятилетию расстрела ругозерских коммунаров. «Кр. Кар.», 1926, № 255.

Архипов Н. Памяти ругозерских коммунаров (К десятилетию зверского убийства). «Кр. Кар.», 1931, № 262.

Балагуров Я., Шуеренков. Газ. «Советское Беломорье». 1931, № 81, 85, 90, 94. 1932, № 3.

Бандитизм в Карелии. «Кр. Кар.», 1925, № 255.

Белобородов А. Товарищ Спиридонов. (Из воспоминаний соучастника борьбы против интервентов). «Вестник Кар.-Мурм. края», 1925, № 6, стр. 5—6.

Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (годы 1918—1921), «Кар.-Мурм. край», 1927, № 10—11, стр. 7—13. Общая политическая обстановка. Экономическое состояние Ухтинской Карелии к началу 1918 г. Социальные группировки. Первое нашествие белофиннов в Ухтинскую Карелию. Организация карельского отряда и изгнание белофиннов из пределов Ухтинской Карелии. Дальнейшая судьба отряда. События в Ухтинском районе во второй половине 1919 г. Оформление революционной власти в Ухтинском районе. Заключение.

Быбалый рабкор. В плену у белых карел. Быль. «Кр. Кар.», 1924, № 186. Издевательство белофиннов над пленным красноармейцем Ермихаевым.

В. Г. Бегство Миллера. (По материалам Истпарта). «Большевистская мысль», 1927, № 2, стр. 47—54.

Варенцев. Зверства Судакова. «Полярная правда», 1930, № 20.

Варин С. Восстание в Карелии «Военная наука и революция», кн. I, 1922. Изд. ВВРС. Стр. 1—17. Интервенция на Севере.

Вечная память павшим. Казнь крестьян-большевиков с. Нюхча. «Кр. Кар.», 1929, № 59.

Видлицкий. Были дни... (Вторжение белофиннов в село Видлицы в 1919 году). «Кр. Кар.», 1930, № 177.

Возникновение бандитизма в Кемском уезде в 1921 г. (Из доклада уполномоченного Карисполкома). «Кар. Коммуна», 1922, № 5.

Вольный Ив. Черчиль и Миллер. «Изв. Арх. ревкома», 1920, № 57.

Г. П. Бои под Шуньгой. «Кр. Кар.», 1927, № 248. Неожиданная помощь. Наступление. Бои на реке Пушке.

Гражданская война. (Материалы). Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том II. Север и Северо-запад. Часть II. Озерные и речные флотилии. Изд. Ред.-изд. отд. Морских сил РККФл. 1926, VIII+182 стр.

Героические эпизоды. «Кр. Кар.», 1930, № 181. Воспоминания красных партизан тт. Кяльмина, Артемьева, Гурьева, Н. Архипова, Егорова, Лобского, Бацера, Фомина, П. Архипова, Владимирова, Вейняля, Федорова и др. на конференции кар. партизан, состоявшейся в августе 1930 г.

Гражданская война 1918—1921 гг. В 3-х томах. Под общ. ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. К. Эйдмана. Т. III. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Кр. армии. ГИЗ. 1930, 560 стр. и 32 карты.

Гюллинг Э. К пятилетию ликвидации бело-карельского восстания. «Кар.-Мурм. край», 1927, № 2, стр. 3—5.

Дроздов Я. Борьба за советскую власть на Мурмане. «Пол. правда», 1930, № 20.

Дубровский А. Первые дни строительства Красной армии в Карелии. «Кр. Кар.», 1928, № 50.

Ефимов А. Уроки Карельской операции. Журн. «Красн. армия». Вестник военно-научного о-ва при Военной академии. № 14—15, изд. ВВРС стр. 112—122.

Звенев В. Пять лет. «Вест. Кар.-Мурм. края», 1925, № 6.
Общая характеристика периода интервенции.

Зуев В. Г. Бои за Петрозаводск. (Из воспоминаний прошлого). «Кр. Кар.», 1927, № 255.

И. П. Интервенция на Мурмане. «Кар.-Мурм. кр.», 1927, № 10—11, стр. 14—21.
Составлено на основании материала Мурманского истпарта. Как английские разбойники обманули мурманских рабочих и рыбаков. Восстание в Северном полку на Онежском фронте. Как прошло свержение белого правительства.

Иванов А. Тюрьмы Антанты на севере. (Воспоминания заложников), «Кар.-Мурм. край», 1927, № 2, стр. 14—16.
I. Печенга. II. Тюрьма «Чесма». III. Александровская английская тюрьма. IV. В Мурманском лагере. V. Мудьюг.

Как организовалась Красная армия. Доклад т. И. В. Матвеева на конференции красных партизан Карелии (в августе 1930 г.) «Кр. Кар.», 1930, № 180.

Какурин. Как сражалась революция. Томы I и II. ГИЗ, 1925.
Отдельные главы посвящены описанию северного фронта.

Карел. О партизанских отрядах из карел Повенецкого уезда. Сборник «Десять лет Советской Карелии». Изд. ЦИК АКССР. Петрозаводск, 1930, стр. 160—164.

Карельская авантюра. Военно-политический сборник. Изд. Политотдела Кар. района. Петрозаводск, 1922.

Карельская история. Известия Арх. губ. ревкома, 1920, № 91. (Окончание под загл. «Карельский вопрос» — там же № 97).

К десятилетию интервенции. Сборник статей. ГИЗ. М.-Л., 1929. Об-во содействия жертвам интервенции, стр. 245.

Кедров М. С. Без большевистского руководства. (Из истории интервенции на Мурмане). Очерки. Л. Изд. «Кр. газеты», 1930, стр. 190.
Описание Мурманской интервенции. В книге приводится богатый документальный материал, относящийся к периоду интервенции.

Кедров М. Борьба за север. «Кар.-Мурм. край», 1928, № 2, стр. 2—10.
Отрывок из книги Кедрова «За Советский Север» (Из истории борьбы на северном фронте с интервенцией и белогвардейщиной).

Кедров М. С. За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л. «Прибой», 1927 (Истпарт), стр. 202+1 карта.
Книга содержит интересные материалы по отдельным этапам борьбы.

Кедров М. Из истории интервенции на Мурмане. «Кар.-Мурм. край», 1930, № 9—10, стр. 20—24.

Кедров М. Под игом английских громил. (К девятилетней годовщине английской интервенции на севере Советской России в 1918 г.). М.-Л. 1927, стр. 39.

Кедров М. Причина краха интервенции на Севере. «Кар.-Мурм. край», 1929, № 2, стр. 1—2.

Красные герои. «Коммуна», 1921, № 280.
Прибытие первых раненых с фронта в Петрозаводск. Их рассказы о положении на фронтах.

Красная Карелия. Сборник официальных документов. Петрозаводск, изд. Наркомюста, 1925, стр. 148.
Декреты об амнистии карельским беженцам и осужденным за бандитизм. Акты международного характера.

Красная книга. Изд. НКИД. М., 1922.

Приведен договор между начальником финляндкого государства и начальником германского генерального штаба, обязывающий Германию оказывать поддержку Финляндии в ее притязаниях на Восточную Карелию.
Краткое военное описание беломорского театра военных действий. Изд. Всеросс. штаба. Петрозаводск, 1919.
Лаврентьев Ф. Е. Неудавшееся восстание в Петрозаводске. (Воспоминания быв. члена Олонецкого губисполкома). «Кр. Кар.», 1927, № 264.
Левидов Мих. К истории союзной интервенции в России. Том. I. Дипломатическая подготовка. Изд. «Прибой». Л., 1925, стр. 181.
Лехтосаари И. Красная гвардия на фронте. (Punakaarti luokkosodan muistaja). «Кирья». Л., 1929, стр. 286.
Линовский Е. В тылу у белых (Из фронтовых воспоминаний о гражданской войне в Карелии). «Кр. Кар.», 1927, № 244, 245, 246 и 247.
Линовский Н. Под Петрозаводском. С 4 рис. М.-Л. ГИЗ, 1928 (Библиотека красноармейца), 40 стр., с картой.
Описание одного из многочисленных подвигов красных бойцов в борьбе с англичанами на севере.
Марцинкевич. Неожиданно. (Очерки). «Война», 1925, № 42.
Конец борьбы на Пудожском фронте.
Матвеев И. Красная гвардия. (Воспоминания участника). («Кар. коммуна», 1922, № 253.
Зарождение красной гвардии в Петрозаводске и защита ею завоеваний Октября.
Матвеев И. Организация Красной армии в Карелии. «Кр. Кар.», 1927, № 44.
Матсон. Лижемская операция. (Из времен гражданской войны в Карелии). «Кр. Кар.», 1927, № 252.
Медведовский, начдив. команд. войсками Каррайона. Боевой отряд Красной армии к 4-й годовщине стр. имени Киквидзе дивизии. 16 марта 1918—16 мая 1922 г. Исторический очерк. «Кар. Коммуна», 1922, № 93.
Мигаловский К. Красный флот в гражданской войне. С 13 рис. и схемами. М.-Л., ГИЗ, 1927. (Библиотека красноармейца). 80 стр.
Моряки в русской революции. Ледяной поход. Гибель Черноморского флота. Окружение закончилось. Флотилии: Волжская, Каспийская, Онежская, Северо-Двинская и Днепровская. Действия на Азовском море. Послесловие.
Мигаловский К. Онежская флотилия. (Из воспоминаний). «Кр. Кар.», 1928, № 46.
Разгром белых в Видлицах. На Онежском озере. Наступление на Медвежку. Наши трофеи.
Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция. ГИЗ. М.-Л. 1931.
Политико-экономический обзор истории интервенции и контрреволюции на Севере. Содержание: Подготовка интервенции. Антисоветский переворот. Демократическая контрреволюция. Империалистическая «демократия». Буржуазная реакция и реставрация.
Морозов И. и Метелкин А. На Карельском фронте в 1919 году. Под Шуньгой. Атака д. Пелейки. Бой с белогвардейцами под Петрозаводском. «Кр. Кар.», 1927, № 44.
Н. Н. Английская интервенция на Севере в 1919 г. «Морской сборник», 1923, № 7—8.
Надеждин. В военно-революционном котле. (Об участии местных войск в боевых операциях в период 1918—1920 гг.). Пятилетие Великой Октябрьской революции и сов. власти в Олонецко-Карельском крае. (1917—1922 гг.) Петрозаводск, 1922, стр. 4—8.
На Карельском фронте. К десятилетию X дивизии. (Очерк). «Кр. Кар.», 1928, № 211.
Но—н С. По следам оккупантов на Мурмане. (Из записной книжки). «Кар.-Мурм. край», 1927, № 7—8, стр. 7—10.
Норин Сергей. «Ответ». Об образовании Мурманского фронта и отряде т. Спиридонова. «Кр. Кар.», 1930, 17 авг.
Норин Сергей. «Стройте социализм». (По материалам Всекарельской конференции красных партизан). «Кр. Кар.», 1930, № 189.
Нашествие белобандитов на ругозерских коммунаров.

На фронтах гражданской войны. (Kansalaissdan rintamilta). На финск. яз. Статьи Т. Антикайнена. Под ред. Т. Антикайнена, К. Плетаринена, Т. Термола. Изд. «Кирья». Л. 1930, стр. 453.

Онежская флотилия. (Из воспоминаний т. Мигаловского). «Кр. Кар.», 1928, № 46.

О — в Г. Как происходило Толвуйское восстание. «Кр. Кар.», 1927, № 255.

П. И. Интервенция на Мурмане. «Кар.-Мурм. край», 1927, № 10—11, стр. 14 — 21.

Подготовка Мурманского десанта по запискам Веселаго и мемуарам франц. офицера. Текст соглашения представителей Антанты и Мурманского краевого совета от 16 июля 1918 г. Воспоминания т. Ильчука о перевороте в Мурманске.

Панцержанский Эд. Красный флот. Роль Красного флота в обороне. Одна из славных страниц. Дело у Видлицы. «Петрогр. правда», 1923, № 42.

Панцержанский. Удары в спину красного Питера. (Из очерков гражданской войны). I. Видлицы. II. Лижма. III. Медвежья Гора. Из сборника «Красный военный флот». М. 1923.

Пластинин Н. В Архангельскую Англию. «Наша война.», 1919, № 200.

Рассказ члена Кемского уездисполкома т. Лахновича об английских «порядках» в Кеми и Мурм. крае.

Подробности бегства ген. Миллера. Переворот в Мурманске. «Наша война». 1920, № 59.

Пономарев Г. Белые в селе Толвуе. «Кр. Кар.», 1927, № 249.

Пономарев Г. Как мы наступали на станцию Кивач и Кяпсельгу. «Кр. Кар.» 1927, № 248.

Правда о разбойничьем налете на Карелию. П. 1924, 18 стр.

Радченко. Кровавые годы. «Пол. правда», 1930, № 20.

Рахья Эйно. Видлицкий десант. «Кр. Кар.», 1930, № 177.

Эпизод из гражданской войны в Карелии.

Родионов Ф. Десять лет Красного флота. Рекомендовано комиссией РВС СССР по празднованию десятилетия РККА. М. 1928, 48 стр., 9 рис.

Из содержания: Речные флотилии в гражданскую войну.

С. Г. Четыре года назад в Онежском озере. «Морской сборник», 1923, № 11, стр. 3—12 (сент. — окт. 1919 г.).

Садаков. Обезоружение «Аскольда». «Волна», 1928, № 44.

Самойло. Гражданская война. Борьба на Северном (Беломорском) фронте. Изд. Военной типогр. Наркомвоенмора СССР. М. 1927.

Сафаров Г. «Джентльмены» застенка. «Наша война», 1919, № 198.

Расстрелы англичанами на Мурманском фронте.

С винтовкой за Советскую Карелию. Из воспоминаний старого партизана Цикарева Якова Гер. «Кр. Кар.», 1930, № 177.

История боевого партизанского отряда в Карелии.

Седякин В. Ледяная крепость. «Комс. правда», 1930, № 289 от 15 ноября посвященный декаде обороны.

Содержание: Белофинны вторгаются в Кар. коммуну. Неразрешимая задача. Лыжный поход. На штурм снегов. На лыжи.

Сивков И. Белые бандиты в Кеми. (Воспоминания). «Кр. Кар.», 1927, № 248.

Скворцов Ф. Мурман в борьбе и стройке. Изд. Мурманского окружного исполкома. Мурманск, 1930.

Советикус. К десятилетию Юрьевского мирного договора. «Международная жизнь», 1930, № 11—12.

Соколов. Географические особенности северного театра, прилегающего к Финляндии и особенности тактических действий на нем по опыту войны 1919—20 гг. Сборник трудов В. Н. О. комсостава РККА 1921—22 гг. Т. I, изд. ВВРС. Москва. Стр. 135—147.

Соколов-Страхов К. И. Зимняя кампания в Карелии в 1921—1922 гг. (Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему). Изд. Военной типогр. Наркомвоенмора СССР. М. 1927.

Соколов-Страхов. Работа авиации в тундре. Очерк действий авиации в Карелии в 1921 — 1922 гг. «Военный вестник». 1925, № 3, стр. 39 — 43.

Стойкий. Незабываемый эпизод. «Кр. Кар.», 1920, № 177.

Эпизод из нашествия белофиннов на Видлицы.

Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. ГИЗ. М.-Л. 1926.
Тарасов Н. Война в Карелии. Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922, книга III. Изд. ВВРС, стр. 157—175.
Т — бин А. Режим террора. «Вестник Кар.-Мурм. кр.», 1925, № 6.
Партизанская борьба на Мурманском фронте. Зверства англичан на Мурмане.
Фридман С. Иоканьга. «Полярная правда», 1928, № 31.
Хейкконен И. Э. Карельские национальные формирования в Красной армии. Сборник «Десять лет Советской Карелии». Изд. ЦИК АКССР. П. 1930, стр. 165—171.
Хропов И. За советский Мурман. (К истории интервенции на Севере). 1. Революция и Мурман. 2. Мурман в сфере интриг английской и немецкой политики. 3. Предательство Мурманского краевого совета и захват Архангельска. 4. Последняя глава белогвардейцев и Октябрь на Мурмане. «Кар.-Мурм. кр.», 1929, № 4—5, стр. 7—10.
Хропов И. Советская Карелия в борьбе за красный Петроград. «Кар.-Мурм. кр.» 1929, № 10, стр. 19—21; № 11—12, стр. 25—29.
Хропов И. Н. Десять лет на страже пролетарской диктатуры. «Кар.-Мурм. кр.», 1927, № 12, стр. 1—3.
Хропов И. Н. От февраля к Октябрю в Карелии. «Кар.-Мурм. кр.», 1928, № 3, стр. 2—6.
Черноморец. Последний выход Онежской флотилии. «Кр. флот», 1925, № 1, стр. 107—113.
Взятие Климецкого острова.
Что происходило в Карелии. «Изв. Арх. губ. ревкома», 1920, № 50.
Шагин В. К пятилетию освобождения Мурманского края от интервенции и белогвардейщины. «Вестн. Кар.-Мурм. края.», 1925, № 6, стр. 6 — 7.
Ряд выдержек из иностранных источников по вопросу о подготовке интервенции.
Шехаев Б. Боевая жизнь 16-й стрелковой Ульяновской имени Киквадзе дивизии. М.-Л. ГИЗ, 1926 (Штаб РККА. Управление по исслед. и использ. опыта войн. Военно-историческая библиотека). стр. 108.
Действия 16-ой стрелковой дивизии при ликвидации Карельской авантюры в 1921—1922 гг.
Юрченко. Особая камера. «Пол. правда», 1930, № 20.
Интервенция на Севере.
Якушин Е. и Полунин С. Английская интервенция в 1918 — 1920 гг. М.-Л. ГИЗ, 1928, стр. 106, схема.
Из содержания: интервенция на Мурмане и в Архангельской губернии.
1917—1920 гг. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927. Истпартотдел Архангельского губкома ВКП(б). Сборник № 4, стр. 320.
Из содержания: Мурманский эпизод.

ОТКЛИКИ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛО-МУРМАНСКОМ КРАЕ

Амнистия карельским беженцам. «Кр. Кар.», 1925, № 64.
Дело о контрреволюции и шпионаже. «Кр. Кар.», 1927, № 196.
Дело Мошниковых, Калистратова и др.
Конференция красных героев. «Кр. Кар.», 1930, № 180 и 181.
Конференция красных партизан Карелии, состоявшаяся во время торжеств по случаю десятилетия существования Карельской АССР.
Логинов П. В Карелию и в Мурманск по следам интервенции и гражданской войны. (Зимнее путешествие в Карелию). Очерк. «На суше и на море», 1931, № 1, 3, 4, 17.
Описание маршрута с историческими справками о гражданской войне в Карело-Мурманском крае.
Металлов В. Белобандиты перед судом (Маликов, Корнилов, Иванов, Петров и др. из дер. Кевять-озеро, Тунгудск. р-на). «Кр. Кар.», 1930, № 19.

Металлов В. Тивдийские мятежники. (Приговор главсуда АКССР по делу Исакова, Иванова и Абрамовых). «Кр. Кар.», 1930, № 26.

Редкое торжество в деревне. «Кр. Кар.», 1926, № 34.

Награждение партизана С. К. Локкоева орденом Красного знамени.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(ИНТЕРВЕНЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛО-МУРМАНСКОМ КРАЕ В ОТРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Андреев Влад. Старый Тойво. Стихотворение. «Кар.-Мурм. кр.», 1927, № 2, стр. 17—18.

Зуев-Ордынец М. Снежный поход. «Революция и природа», № 3 (22), ноябрь, 1931, стр. 8—15, Л.

Ивачев И. Ванька-Каин. «Резец», 1931, № 5, стр. 11—12.

Эпизоды из легенды о Ваньке-Каине, партизане И. Поспелове.

Макарьев Степан. На заре десятилетий. Сборник КарАПП «К 10-летию Карелии». 1930, стр. 27—31.

Рассказ из эпохи гражданской войны в Карелии.

Норин Сергей. Рассказ партизана Тойво. «Кр. Кар.», 1931, № 26.

Эпизод из нашествия белофиннов на Видлицы.

Синклер Э. Джимми Хиггинс, роман.

Делается попытка изобразить процесс постепенного революционирования солдат, в частности американских, сражавшихся в рядах белых армий на Севере.

Трифонова (Кетлинская) Т. Партизаны. Отрывок из поэмы. «Кар.-Мурм. кр.», 1927, № 2, стр. 19.

Данный отрывок изображает нападение красного партизанского патруля на английский отряд.

Хряпин Сергей. «Будем». Сборник КарАПП «К 10-летию Карелии». 1930, стр. 31—34.

Циновский Л. Победа. Пьеса из эпохи гражданской войны в Карелии. Рассказ из времени гражданской войны в Карелии. Петрозаводск, 1920.

Штерн Г. Донесение. Рассказ из времен борьбы Красной армии в Карелии, с рис. Л. ГИЗ, 1929.

БИБЛИОГРАФИЯ

(РЕЦЕНЗИИ НА ЛИТЕРАТУРУ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И ИНТЕРВЕНЦИИ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ)

Линовский Е. Под Петрозаводском. Сборн. «Вопросы краеведения в Карелии». П.-Л. «Кирья», стр. 44—45.

Рецензия на книгу Леновского, рисующую героические эпизоды из эпохи гражданской войны в Карелии.

Литература, вышедшая в Карелии за десятилетие (а также вне пределов ее и относящихся к краю). 10 лет гражданской войны в Карелии. «Кр. Кар.», № 69.

Литература о гражданской войне в Карелии. «Кр. Кар.», 1928, № 42 и 43.

Минц И. Интервенция в признаниях ее организатора. ЦО «Правда», 1930, № 226.

По поводу книги воспоминаний б. английского военного министра Черчилля.

О героическом прошлом Красной армии на Севере (Что нужно прочесть краеведу). Сборн. «Вопросы краеведения в Карелии». «Кирья». П.-Л. 1931, стр. 44—45.

Рецензия на книги Линовского «Под Петрозаводском» и Штерна Г. «Донесение», рисующие героические эпизоды из гражданской войны в Карелии.

Попов Ан. Библиография интервенции и гражданской войны на Севере. С приложением указателя литературы по общественно-политическому движению в Архангельской губернии и северной ссылке до 1917 года. Архангельск, 1928, 52 стр. (Истпарт Архангельского губ. ком. ВКП(б). Приведена библиография, относящаяся к Карело-Мурманскому краю.

Ш. Как защищала Красная армия Петрозаводск. «Кр. Кар.», 1929, № 242.

Штерн Г. Донесение. Рассказ из времен борьбы Красной армии в Карелии. Сборн. «Вопросы краеведения в Карелии». П.-Л. «Кирья, 1931, стр. 45. Рецензия на книжку Г. Штерна, рисующую героический эпизод из эпохи гражданской войны в Карелии.

Хропов. Как не следует писать историю. «Кар.-Мурм. кр.», 1930, № 2, стр. 6—8.
Рецензия на книгу К. И. Соколова-Страхова «Зимняя кампания в Карелии в 1921—22 году».

Хропов И. Н. Генерал Марушевский об интервенции на Севере в 1919 г. «Кар.-Мурм. кр.», 1930, № 1, стр. 31—34.
Отзыв на книгу генерала Марушевского «Белые в Архангельске».

Хропов И. Н. Интервенция в Карело-Мурманском крае в оценке И. Минца. Кар.-Мурм. кр.», 1931, № 9—10, стр. 51—56.
Рецензия на книгу И. Минца «Английская интервенция и северная контрреволюция».

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ, УКАЗАННЫЕ В БИБЛИОГРАФИИ

«Большевистская мысль». Архангельск.
«Вестник Карело-Мурманского края». Петроград.
«Военная наука и революция».
«Волна». Архангельск.
«Известия Архангельского губ. ревкома». Архангельск.
«Известия ВЦИК». Москва.
«Карельская коммуна». Петрозаводск.
«Карело-Мурманский край». Ленинград.
«Красная армия». Москва.
«Красная летопись». Ленинград.
«Красный флот». Москва.
«Коммунистический Интернационал». Москва.
«Международная жизнь».
«Морской сборник». Москва.
«Наша война». Вологда.
«На суше и на море». Москва.
«Полярная правда». Мурманск.
«Рабочее звено». Архангельск.
«Революция и природа». Ленинград.
«Резец». Ленинград.
«Советское Беломорье».

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Редактор Я. В. Олесич. Техн. Редактор Н. Родченко.

ОГИЗ № 2345/л. Индекс Х-60-б. Тираж 8240. Сдано в набор 9/II — 32 г. Подписано к печ. 29/II—32 г. Размер бумаги 62 × 94 — Количество печатных знаков в листе 48 800. Количество листов — 15¾
Ленгорлит № 32 474. Заказ № 203.

7-я тип. Огиза РСФСР им. Бухарина, Ленинград, ул. Моисеенко, 10.